

Гонимый отовсюду великан хочет стать человеком, чтобы наконец начать жить вместе с другими людьми. Однажды он встречает злую на весь мир девушку, которая даже во взрослом возрасте выглядит как ребенок. Она убеждает его, что знает способ, как сделать из великана человека, и он ей верит. Так начинается приключение большого и страшного великана и маленькой Мии.

Глава первая: Большой и страшный великан

Посреди зеленой лесной поляны, окруженной высокими деревьями, сидел великан. Он был огромен — около девяти метров ростом, носил рваные тряпки на бедрах вместо одежды и, при всем своем устрашающем виде, обладал поразительно печальными глазами. Расположился он на поваленном дереве, скрючившись и уложив голову на ладони. Иногда на него садились птицы, залезали белки, однако он всего этого, кажется, совсем не замечал и был абсолютно неподвижен. Могло создаться впечатление, что он спит, но на самом деле разум его находился где-то между сном и явью, и изредка в нем все же вспыхивала тусклая мысль о чем-то отвлеченном, которая, впрочем, быстро рассеивалась.

Вдруг у края поляны раздался шорох, а за ним — испуганный вздох. То была средних лет женщина в платке и с корзиной в руках; она не так давно отправилась в лес за грибами и зашла несколько дальше, чем обычно. Оказавшись на поляне, она успела сделать пару шагов, прежде чем заметила великана. Тут же она кинулась за ближайшее дерево, опасаясь попасться ему на глаза. «Неужели я действительно видела то, что видела?» — спросила она сама себя. Отдышавшись, она выглянула на поляну, намереваясь убедиться, что великан ей не почудился. Тот все сидел на прежнем месте и не шевелился. Без дальнейших заминок женщина быстрым шагом, который иногда менялся на бег, покинула лес.

Звали ее Нора, и жила она у самой опушки вместе с мужем Грегором. Вернувшись домой, она хотела рассказать мужу, кого повстречала в лесу, но, то ли оттого, что боялась получить в ответ недоверие и насмешки, то ли оттого, что сама сомневалась в здравии своего рассудка, так ничего и не сказала.

Причин для ее сомнений было достаточно: для их краев, которые находились на юге громадного Северного Королевства, великан чем-то обычным не являлся. Если говорить точнее, он был чем-то совершенно фантастическим, и поверить в его существование было крайне сложно, даже если встретил его лицом к лицу. Так, через несколько часов после неожиданной встречи Нора убедила себя, что великан ей все-таки померещился, и это солнечный свет так упал на большой камень, что стал походить на великанью фигуру; еще через пару часов она передумала и решила, что еще не так стара, чтобы путать камень с великаном, и он все-таки реален. Тогда она сильно забеспокоилась: что, если он решит напасть на деревню, рядом с которой она жила? «В таком случае наш с Грегором дом на его пути окажется самым первым...» — размышляла она. Ночью она так и не смогла сомкнуть глаз и все воображала, что слышит топот и громкий рев, а иногда ей даже казалось, что крыша вот-вот слетит со стен, а за обломками покажется ужасное лицо великана. Ничего из этого не произошло ни ночью, ни утром, но Нора все продолжала себя изводить. Стоило взойти солнцу, она решила отправиться на ту самую поляну, чтобы окончательно понять, сошла она с ума или нет. Чтобы муж не подумал ничего лишнего, она взяла с собой корзину, будто снова отправилась по грибы, и вышла из дома.

Все-таки ее опасения оказались обоснованными — ровно на том же поваленном дереве сидел тот же великан. Пораженная Нора глядела на него из-за деревьев и кустов, постепенно подбираясь ближе, чтобы получше его разглядеть. Так она металась вокруг поляны с десятков минут, а великан за это время даже не шелохнулся.

«Он, видно, мертв, — предположила она. — Или же это великаний сон так долог и непробуден?»

Любопытство разыгралось в ней еще сильнее прежнего, и Нора решила выйти на поляну. Ступая очень аккуратно, она отошла от дерева и направилась к великану. Преодолев почти половину пути, она вдруг застыла, а сердце ее сковал холодный ужас: великан глядел прямо на нее. В его взгляде не было ни ярости, ни тревоги, только бесконечная тоска, но Нору он все равно привел в трепет. Она тут же выронила корзину и, продолжая глядеть на великана выпученными от страха глазами, попятилась назад. Оказавшись у деревьев, она тут же спряталась, сделала несколько глубоких вдохов, и ужас отпустил ее сердце, которое, почувствовав свободу, стало стучать в грудь в несколько раз сильнее.

Снова запыхавшаяся Нора прибежала домой и на этот раз рассказала мужу, что — а вернее кого — она видела в лесу. Тот, как она и ожидала, лишь отмахнулся:

— Дорогая, тебе каждый понедельник кажется вторником. Почему это дерево или камень не могли показаться тебе великаном?

— Я тоже так думала, но... Это правда он! Великан! Он смотрел прямо на меня, Грегор, смотрел!

Грегор раздраженным жестом дал понять, что не хочет, чтобы жена и дальше доставала его своими выдумками, на чем разговор и закончился.

Всю следующую ночь Нора думала, что поделом будет мужу, когда великан нападет и раздавит их вместе с домом. «Нечего делать из меня дуру! Я пока еще могу понять, что видела, а чего не видела. Вот и Грегор, когда увидит великана... Подожди, а что, если великан все же не станет нападать? — задумалась она вдруг. — Он ведь смотрел на меня, но даже не пошевелился. Видимо, это очень ленивый великан... или же он совсем не хотел причинить мне зла? Вдруг он и не собирается нападать?»

Утром Нора взяла уже новую корзинку (старая осталась лежать в траве на поляне) и в третий раз отправилась к великану. Как и прежде, он находился на своем обычном месте. Придя на поляну, Нора решительно вздохнула и зашагала вперед. Она увидела, как великан раскрыл глаза, и его взгляд, неспешно проплыв по поляне, остановился на ней. В это мгновение ноги Норы подкосились, и она оступилась, но все-таки смогла удержать равновесие. Подойдя к великану на расстояние метров в десять, она остановилась.

— Добрый день, — громким и дрожащим голосом поздоровалась Нора, глядя вверх, прямо в лицо великану.

Тот медленно приподнял голову, повернул ее сначала налево, потом направо и с удивлением осознал, что обращаются к нему. Затем он выпрямил спину, расправил плечи — при этом все птицы, что сидели на плечах и на голове, взмыли в небо и с недовольными криками улетели — и снова уставился на незнакомку.

— Ты это мне? — спросил великан звучно и низко.

— Вам, — подтвердила Нора. На гласном звуке ее голос сорвался, и она прокашлялась.

— Ты меня не боишься? — озадаченно поинтересовался великан.

— Боюсь... — честно призналась она.

Разочарованный ее ответом великан шумно выдохнул, отчего трава под ним затрепетала, а седые лепестки старых одуванчиков, коих на поляне было множество, сорвались со стеблей и заполнили воздух.

— Но я обещаю перестать бояться, если вы честно скажете... — поспешно продолжила Нора. — Вы ведь не желаете мне вреда?

— Зачем мне это? — спросил великан, покачав головой. — Мне это не надо. Людям кажется, что надо. Они все меня боятся. Ты вчера боялась тоже. Убежала, — припомнил

он. — Почему вернулась?

Говорил он медленно и с какой-то досадой в голосе.

— Я подумала, что вы не опасны, вот и вернулась. Похоже, я не ошиблась... А почему вы сидите здесь так долго и никуда не уходите? Вот уже третий день подряд я застаю вас здесь, а вы все сидите...

— Если много хожу, вокруг слышно. Прогоняют. А еще, если меньше двигаюсь, меньше есть хочется. А ты что здесь делаешь?

— Я просто собирала грибы в лесу и...

— А-а... — тоскливо протянул великан. — Подо мной грибы? Не видел...

Он поднялся и отступил от дерева на шаг, давая Норе возможность собрать грибы. Однако, когда он поднимал ноги, от земли оторвались куски, так что даже если бы под ним что-то росло, от этого уже ничего бы не осталось.

— Нет-нет, что вы, не искала я никаких грибов! — заверила Нора. — Я просто хотела поговорить... Вы садитесь, садитесь.

— О-о, — удивился великан и поспешил сесть обратно. — Хорошо. Давай говорить.

Нора достала из своей корзинки покрывало, постелила его на траву, уселась и попросила великана рассказать, как он попал в их лес. Великан оказался словоохотливым, хотя говорил медленно и слова подбирал с трудом. Иногда Нора встревала в его рассказ и подсказывала нужные формулировки. Как сказал великан, пришел он в их лес не так давно, а до этого был в других землях Северного Королевства. Каждый раз, когда его находили люди, они сначала пугались, а потом собирались в большие группы и гнали его вилами и факелами (сам он назвал их острыми и горячими палками). Несмотря на все попытки избавиться от него, убить его никак не получалось — никакое оружие не смогло его ранить. Сам он не хотел ни с кем враждовать, поэтому часто перебирался в новые места.

— Так и пришел сюда. До этого жил в горах. Но там плохо — еды нет.

— А чем ты питаешься? — поинтересовалась Нора.

— Чем придется. Срываю с деревьев. Либо из-под них.

— Плоды и коренья? — уточнила она.

Он повел плечами — сам не знал.

— Ем я много, но редко. Хорошо поем, и могу потом долго ничего не есть, если двигаюсь мало. Вот и сижу, как камень. Расскажи теперь и ты что-нибудь, — попросил он.

— Хорошо. Что бы тебе рассказать такое... Ой, я только сейчас поняла, что мы забыли представиться друг другу!

— Что сделать? — не понял великан.

— Представиться. Так у людей принято — когда познакомишься, нужно назвать свое имя. Меня вот зовут Нора. Всего два слога: Но-ра.

— Нора, — повторил великан.

— Точно! А тебя как зовут?

Великан промолчал — имени у него не было.

— Понятно... — произнесла Нора. — Имя — это так, не главное. Главное, быть человеком хорошим. Ладно, давай я о чем-нибудь расскажу.

Особенно болтливой Нора не была, но за сорок пять лет жизни у нее накопилось немало историй, кое-какими из которых она и стала делиться. Так, великан узнал, что она вышла замуж уже в шестнадцать лет. Тогда она еще плохо знала мужа и боялась его, но скоро поняла, что он не такой уж плохой, каким казался сначала.

— Его имя Грегор. Он строгий, угрюмый, но на самом деле сердце у него доброе. И, в отличие от многих других мужей, он не поднимает на жену руку.

Спустя некоторое время после свадьбы, как Нора поведала дальше, она и Грегор выяснили, что у них не будет детей, отчего они до сих пор оставались лишь вдвоем.

— Жалко, — посочувствовал великан. Он не совсем понимал, о чем она говорит, но хорошо уловил печать в ее голосе.

— Ничего. Я уже смирилась. Иногда, конечно, неприятные воспоминания снова возвращаются, и становится тяжело... В такие моменты я как раз иду в лес и гуляю здесь, собираю грибы и цветы, какие попадутся, а потом приношу домой. Меня такие прогулки успокаивают. Люблю походить по лесу.

— Тут красиво, — заметил великан. — Деревья большие. Животных много. Я люблю животных, но птицы... — как Нора уже успела понять, он не мог долго держаться за одну мысль и перескакивал с одной на другую. — Птицы начинают рано кричать, а я засыпаю поздно. Жду глубокой ночи, а ночью красиво. Здесь — указал он в небо — появляются огни. Не как те, которые приносят люди, а далекие. И еще эта... такая большая...

Он нахмурился, пытаясь вспомнить слово.

— Луна? — предположила Нора.

— А, луна, да! — обрадовался он, что она поняла. — Нравится смотреть на нее. Солнце тоже нравится, но оно смотреть не дает.

На вопрос, как он вообще появился на свет, он лишь пожал плечами: он помнил только лес, поля, горы да одиночество. Он оказался очень простым и каким-то грустным, и Норе пришлось по душе. Она пожалела его, хоть и понимала, отчего люди его прогоняют — никто в здравом уме не рискнет завести дружбу с подобным гигантом; а сама Нора, как она подумала, здравый ум оставила дома еще в тот день, когда пошла на поляну в третий раз. Они говорили до самой темноты, и когда Нора вернулась, Грегор глядел на нее с подозрением — за время столь долгого отсутствия она не насобирала грибов и на половину корзины.

— Просто неудачный день, вот и все, — пробормотала она в оправдание. Рассказывать про великана у нее желания так и не появилось, ведь ей по-прежнему казалось, что Грегор не поверит.

На протяжении недели Нора каждый день ходила на поляну, где был великан, и они проводили время за разговорами обо всем, о чем только думали. Великану больше всего нравилось слушать о том, как живут люди. Его удивляло, что они могут всю жизнь оставаться на одном месте и никуда не уходить. Когда же наставала его очередь говорить, он чаще всего рассказывал про те места, где бывал. Например, о высоких водопадах на севере или о снежных горах на юге.

А еще Нора изобрела способ, с помощью которого великан мог узнать, что по лесу идет именно она, а не кто-то другой: входя в лес, она начинала напевать песню.

— Это одна из немногих песен, которые я хоть немного запомнила за свои годы. Моя мама часто пела ее, чтобы меня убаюкать. — И она запела довольно тихим, но звонким голосом:

«Яркие звезды над морем сияют,
море их ласковый свет отражает
Я, пораженная их красотой,
скинула обувь, готовлюсь в прибой

Прыгнуть. И плыть далеко

Прямо до звезд, как бы ни было там глубоко»

Ей пришло это в голову, потому что великан, стоило ему услышать любой шорох, похожий на шум шагов, тут же громко вопрошал: «Нора?» Пока ему везло — то оказывался либо какой-нибудь зверь, либо действительно Нора, но вероятность того, что он выдаст себя перед кем-то из заблудших вглубь леса деревенских жителей, была слишком велика. Песня великану понравилась, и он даже перестал сразу откликаться, потому что хотел подольше послушать, как Нора поет ее.

Несмотря на предосторожности, тайными их встречи оставались недолго. На седьмой день Грегор, который всю неделю удивлялся тому, что Нора слишком часто уходит по грибы (раньше она этим занималась всего раз в три-четыре дня), внезапно заявил:

— Я сегодня, пожалуй, схожу с тобой.

— Грегор, зачем тебе это? Я справлюсь и сама, — отвечала Нора.

— Дело не в том, справишься ты или нет, а в том, я устал сидеть дома один. Проветрюсь немного, прогуляюсь...

— Мы можем погулять, когда я вернусь.

— Нора, — произнес Грегор, и его голос огрубел, а лицо помрачнело. — Я хочу пойти с тобой в лес.

Нора тут же поняла причину его желания отправиться вместе с ней.

— Неужели ты думаешь, что я...

— Я ничего не думаю, — оборвал ее Грегор. — Просто хочу посмотреть, где ты там обычно собираешь такие вкусные грибы.

Нора и сама понимала, что долго видеться с великаном без ведома мужа не сможет, поэтому решила все открыть ему и согласилась отвести его в лес. Когда они вышли за опушку, Грегор сказал:

— Так мы все-таки идем в лес.

— Ты все неправильно понимал. Я уже престарелая женщина, куда мне до того, о чем ты подумал, Грегор? Идем, я покажу тебе, зачем ходила сюда каждый день.

— Значит, ходила ты вовсе не за грибами? — пробурчал он.

— Нет. Я нашла кое-кого... Грегор, не смотри на меня так, это совсем не то! Я уже говорила тебе о нем. И, прошу, когда ты с ним встретишься, не пугайся. Он совсем не опасный.

Грегор, ничего не понимая, стал вспоминать, о ком таком она могла ему говорить. С ее слов он представил, что она имеет в виду какого-нибудь зверя. «Может, это медведь какой-то или волк, угодивший в капкан? Она пожалела его и теперь ходит за ним ухаживать...» — предположил он. А про тот случай, когда жена упоминала великана, он даже не вспомнил.

Чуть больше получаса они углублялись в лес. Грегор заметил, что Нора сильно нервничает, и продолжил гадать, что же такое их ждет, но помимо волка или медведя ему в голову больше ничего не приходило.

— Пришли, — сказала Нора, когда они оказались около лесной поляны.

Грегор огляделся и не увидел ничего, помимо растоптанной земли и нескольких поваленных деревьев. Грегор с подозрением посмотрел на Нору, которая в тот момент внимательно оглядывалась по сторонам.

— Что тут? — нетерпеливо спросил Грегор. Вдруг он обратил внимание на толстые деревья, поваленные странным образом — он не мог припомнить, чтобы за последние

несколько месяцев случался настолько сильный ветер, который мог бы их свалить. Он еще раз взглянул на землю на поляне, и ему показалось, что на ней виднеются огромные следы. В этот миг раздались крики птиц, послышался топот, и из-за деревьев в другом конце поляны показался великан. Грегор, вжав голову в плечи, крепко ухватился за плечо Норы.

— Ч-ч-что это? — произнес он дрожащим голосом.

— Не бойся, Грегор, не бойся, — попыталась успокоить его жена, взяв его за ладонь. — Он совсем не злой.

Великан подошел ближе и поздоровался с Норой, после чего указал пальцем на Грегора.

— Кто это с тобой?

— Это мой муж — Грегор. Я много тебе про него рассказывала.

— Я помню, — кивнул он и присел на корточки, чтобы лучше разглядеть нового знакомого. — Гре-гор?

— Что эт-то такое?.. — прошептал Грегор, глядя на великана, но обращаясь к Норе. — Кого ты сюда привела?

Первой его мыслью было, что жена привела его на съедение этому гиганту. Будто лишившись рассудка от ужаса, он застыл и совсем перестал слышать, что ему говорят, а Норе не удавалось привести его в чувства до тех пор, пока она не попросила великана отойти назад на десяток метров.

— Видишь?! — уже кричала она, чтобы муж внял ее словам. — Он не опасный! Он тебя не покалечит, не съест, Грегор! Он хороший!

— Он огромный!.. — воскликнул Грегор. — Как он такой?!

Казалось бы, за этим вопросом должно было последовать уточнение, однако он ничего не добавил.

— Не знаю... — сказала Нора. — Он просто... такой. Но это не значит, что его нужно бояться. Для нас, женщин, многие из мужчин тоже великаны, но мы же научились вас не бояться... Вот и ты не бойся его, дорогой.

— Но он же... он... он огромен!

Нора успокаивала его еще минут десять, а великан все стоял в стороне и глядел на них. Чувствовал он себя неудобно. Во взгляде Грегора он узнал десяток других людей, которые убегали от него в страхе, а потом гнали со своих земель. Такой же взгляд был и у Норы в их первую встречу, однако сейчас она уже перестала его бояться, что зародило в великане надежду: вдруг и другие люди смогут его принять? Поэтому он безмолвно ждал и надеялся, что Грегор успокоится, и они смогут подружиться, прямо как с Норой.

Наконец Грегор задыхал спокойнее. Он выслушал все, что говорила жена, бросил взгляд на великана, после чего с беспокойством в голосе произнес:

— Надо уходить!..

— Как? — удивилась Нора. — Куда?

— Домой. Сейчас же!

— Но...

— Не спорь, Нора! Мы уходим.

Развернувшись, он пошел к деревне. Прежде чем уйти, Нора крикнула великану, что вернется в лес завтра, и пошла за мужем.

До дома они шли молча, и только в тот момент, когда они уселись друг напротив друга на кухне, Грегор заговорил.

— Нора, будь благоразумна, — сказал он настолько серьезно, насколько только мог. —

Это не человек и даже не какой-нибудь зверь. Это настоящее чудовище!

— Никакое он не чудовище, — возразила она. — За ту неделю, что я виделась с ним, он ни разу не сделал так, чтобы я забеспокоилась.

— Зато я видел его всего пару мгновений и от беспокойства не могу отойти до сих пор! Нора, прошу тебя. Надо предупредить людей в деревне, собрать мужчин и...

— И что? Выгнать его? Убить? Он ведь ничего не сделал! И не сделает!

— Нора! — крикнул Грегор и схватил ее за руку. — Хорошо, сегодня, вчера и всю неделю до этого он был в хорошем расположении духа. Он откуда мы знаем, что у него в голове? Вдруг он решит, что нас лучше съесть, нежели с нами разговаривать?

— Этого не будет, — отрезала Нора и выдернула руку из его хватки. — Он добрый, его нечего бояться. Ты просто не хочешь этого видеть!

— Даже если так. Даже если я это увижу... А другие? Они захотят это увидеть? Если кто-то прознает... Он настоящий гигант, ему-то ничего не сделают. А мы? Это мы пострадаем! Люди решат, что мы его привели сюда! Прогони его отсюда. Раз ты так хорошо с ним общаешься, скажи, что здесь без него будет лучше!

— Но Грегор... Он совсем как ребенок... Как мы можем так поступить?

— Какой ребенок?! Эта туша больше нашего дома! Подумай, Нора, подумай...

— Хорошо, — спокойно кивнула Нора. — Ты меня убедил. Я буду благоразумнее. Постараюсь сделать так, чтобы никто его не увидел.

Грегор закатил глаза. Он привел еще с десятков аргументов, и все они пролетели мимо ушей Норы, которая повторяла лишь одно: «Он совсем как дитя. Мы не можем его прогнать». Поняв, что ее не переубедить, Грегор разозлился, раскричался, после чего ушел в комнату, чтобы побыть в одиночестве. Он еще долго не мог поверить в то, что его жена сдружилась с великаном, — да и в самого великана.

Глава вторая: Сюрприз

Хотя Грегор так и не смирился с мыслью, что великан не опасен, и по-прежнему считал, что от него будут одни лишь беды, он ничего не смог поделаться с женой, которая продолжила почти каждый день ходить к великану в лес. Он все думал, как ему решить возникшую из ниоткуда проблему, но дельного в его голову ничего не приходило. А Нора тем временем не только стала видаться с великаном чаще, но даже задумала одну авантюру.

— Скажи, ты когда-нибудь ел то, что готовят люди? — спросила она как-то, и великан отрицательно мотнул головой. — А хочешь?

— Хочу! — воскликнул великан и от радости подскочил на месте, отчего вокруг затряслись деревья, а с одного даже свалилась белка.

— Тише, тише! — поспешила успокоить его Нора. — Я покормлю тебя человеческой едой, если ты будешь тихим.

— Правда?

— Правда-правда. Только мне для этого понадобится время — порцию на тебя за пять минут не приготовишь. Давай так: иди сейчас за мной, только не шуми. Мы с мужем живем совсем рядом с лесом, поблизости к нам других домов нет. Но кто-нибудь заплутавший может тебя увидеть, если мы не будем осторожны, и тогда тебе снова придется уходить... Так что будь таким тихим, каким только можешь. Хорошо запомни, где я живу, а завтра, как проснешься, приходи. Ладно?

— А как мне дать знать, что я пришел? Позвать тебя?

— Нет, не надо! — замахала она руками. — Я и без этого как-нибудь пойму, великан. Идем.

Она отвела его к опушке, вышла наружу, а великан, оставшийся за чертой леса, высунул из-за деревьев голову.

— Вот там мы живем, — указала Нора вперед.

Метрах в пятидесяти от них стоял небольшой деревянный домик. Вокруг него располагался огород, на котором росли желтые тыквы, поспевали огурцы, крупные еще зеленые помидоры, лук и прочие овощи; позади стояло два ряда небольших фруктовых деревьев, а слева — приятный садик, усаженный клумбами с красными и фиолетовыми розами, желтыми тюльпанами и белыми нарциссами. От дома тянулась извилистая дорога, которая поднималась по холму и вела дальше к деревне.

— Запомнил? — спросила Нора великана. — Тогда, как и договаривались, до завтра.

— Я приду, — заверил он, разглядывая дом с искренним восторгом.

— Главное — не поднимай шум... и пригнись, когда выйдешь из леса.

Они распрощались, и Нора пошла к дому. На полпути она обернулась, увидела, что великан все еще стоит у опушки, и помахала рукой.

Когда она вернулась, Грегор дремал в кресле на кухне. Она не стала его будить, отправилась в погреб, вытащила из него самый большой котел, какой у них только был, погрузила его на коляску и повезла на улицу — за ту сторону дома, где не было окон. Затем она вернулась и начала нарезать овощи. К этому моменту проснулся Грегор. Он подошел к ней, увидел, что она готовит, и сказал:

— У нас же еще осталась вчерашняя похлебка. Ее что, на сегодня не хватит?

— Хватит. Делаю заготовку на завтра, — соврала она.

Ничего не заподозрив, Грегор ушел и вскоре заснул до утра, а Нора все оставалась на кухне и резала, резала, резала.

Тем временем великан вернулся в лес и, улегшись прямо на земле, думал. В его голове все повторялись разговоры между ним и Норой. Раньше он никогда и ни с кем не общался так много и не мог подумать, что просто говорить так приятно. И ему очень тяжело давалось ожидание следующей встречи, особенно потому что — как сказала Нора — он сможет попробовать настоящую людскую пищу. Он даже не мог представить, что она приготовит, и вообще — как это, что-то приготовить. Ведь в прошлом он ел все сырое, — ну или мокрое, если после дождя. А может, думал великан, ему даже разрешат заглянуть внутрь дома и посмотреть, как люди живут! Правда, он и сам не понимал, как ему удастся это сделать... То ли взглянуть одним глазком через дверь, сильно нагнувшись, то ли приподнять крышу и посмотреть сверху... Но все это были незначительные проблемы довольного: в любом случае теперь великан стал ближе к человеческому миру, к которому раньше боялся приближаться, и был этому несказанно рад.

За этими размышлениями великан провел много часов. Продолжал он думать и тогда, когда зашло солнце; и когда появились звезды; и когда горизонт окрасился в оранжевый цвет при рассвете, птицы запели, а все растения вокруг покрылись росой.

Как только стало светать, так и не сомкнувший глаз великан принялся гадать, в какой момент ему отправиться к Норе. Она сказала: «Как проснешься». Но он ведь и не засыпал вовсе! Прождав еще совсем чуть-чуть, великан решил выдвигаться.

Нора поднялась с постели очень рано, специально, чтобы успеть приготовить еду для великана до момента, когда встанет Грегор. Она наскоро перекусила вареным яйцом с буханкой позавчерашнего хлеба, собрала нарезанные вечером ингредиенты в большую сумку и выволокла ее за дверь. Залив в котел куриный бульон, смешанный с водой (одного бульона не хватило), она вскипятила его, после чего стала бросать туда овощи. Неожиданно она почувствовала, как земля зашевелилась под ногами, повернулась к лесу, увидела, как оттуда выходит великан, и вздохнула.

— Ты говорил, что просыпаешься поздно! — укорила она великана, когда он подошел ближе.

— Ага... Просто я сегодня не мог уснуть.

Тут из дома вышел Грегор, проснувшийся от топота.

— О господи! — с ужасом прокричал он. — Что он здесь делает?!

— Прости, что не предупредила, дорогой... — виновато сказала Нора. — Он ни разу не пробовал человеческой еды, Грегор! Что мне было делать?.. Я пообещала, что накормлю его. Он поест и сразу уйдет, честно.

Объяснения Грегора никак не успокоили.

— Ты совсем потеряла страх! — продолжил он негодовать. — И стыд! И... Ты!.. Да я даже не знаю, как с тобой после такого разговаривать!

И он звучно захлопнул дверь.

— Грегор! — обеспокоенно крикнула Нора, побежала было к двери, но раздавшееся в котле бульканье заставило ее вернуться.

— Он расстроился, да? — спросил великан, который сам от их споров успел лишиться настроения.

— Не переживай из-за этого... Уверена, он скоро все поймет и больше не будет так

злиться. Ни на меня, ни на тебя.

Она продолжила варить суп, а великан стоял рядом и с интересом смотрел за ее работой. В один момент дверь дома снова открылась, и наружу выглянул Грегор.

— Эй! — крикнул он, обращаясь к великану. — Ты можешь хотя бы присесть, чтобы тебя не было видно из соседних городов, а? Или хочешь, чтобы нас отсюда погнали вместе с тобой? И хорошо, если только погонят...

Великан послушался, присел и даже пригнул голову, чтобы она не высовывалась из-за крыши; правда, очертания его туловища все равно хорошо виднелись даже издалека. Повезло, что люди в деревне обычно в сторону дома Норы и Грегора не ходили. Даже если им требовалось в лес, они заходили в него с другой стороны. К тому же, утро было слишком раннее, и еще мало кто успел встать с постели.

Грегор снова удалился, демонстративно фыркнув. Разве что на этот раз он оставил дверь чуть приоткрытой, чтобы слышать все, что происходит снаружи.

— Готово! — вскоре сказала Нора и затушила огонь под котлом.

Великан тут же раздул ноздри, вдохнул аромат, после чего потянул руку к котлу, но Нора загородила его, встав на пути и раскинув руки в стороны.

— Терпение! — строго произнесла она. — Котел сначала должен остыть, иначе обожжешься.

Великан убрал руку и стал ждать, изредка бросая на суп голодный взгляд. Когда Нора наконец позволила ему начать, он взял котел и поднес его ко рту. В его огромной ладони котел, который раньше казался Норе гигантским, походил на чашку. Великан выпил суп за два глотка, и Норе даже стало немного обидно: она столько трудилась над этим супом, а великан расправился с ним всего за секунду. Положив опустевший котел на землю, великан облизал губы.

— Горячо, — констатировал он и добавил: — И вкусно. Что это?

— Обычный овощной суп, — пояснила Нора улыбаясь. Она всегда была рада комплиентам своей готовке, которые муж частенько забывал делать.

— А еще есть? — поинтересовался великан.

— Прости уж, но это все, что я успела сделать!

— Чего ты перед ним извиняешься? — послышался голос Грегора из-за двери. — Он съел половину наших запасов! Пусть теперь идет отсюда.

Великан смущенно взглянул на Нору.

— Грегор прав, — вздохнула она. — Тебе пора, пока никто не увидел. Встретимся завтра... И не забудь про песню. Пока ее не услышишь, не зови меня.

— Хорошо, — сказал великан.

Прежде чем подняться и уйти, он еще раз посмотрел на дом, на сад и в сторону деревни.

Грегор еще долго злился из-за произошедшего. Хотя он и увидел, что великан ничего плохого не совершил, он все равно затеял с излишне гостеприимной женой новый спор.

— Может, это и не злой великан, — говорил он. — Но это все равно великан! А мы маленькие люди, Нора. Ты можешь по-доброму относиться к летающей рядом мошке, но если она будет слишком часто жужжать над ухом и надоедать тебе, ты все равно ее прихлопнешь. Понимаешь, о чем я? Мы не можем точно сказать, как он к нам относится: как к равному или как к мошке? И проверять я не хочу.

— Я уже сама все проверила, и бояться нечего, — не внимала его словам Нора.

— Как же! Мы должны его бояться, Нора. Для всех людей он всегда будет слишком

большим и очень страшным великаном. Никто его не примет, никто не захочет с ним говорить. Ты одна такая. И если об этом узнают, к тебе станут относиться как к изгою. Такова правда, и с ней ничего не поделаешь.

Конечно, переубедить Нору ему не удалось, и уже на следующий день она опять отправилась в лес. Вскоре они с великаном встретились, уселись на земле и стали говорить. Нора на этот раз поделилась любимыми рецептами, одним из которых был картофельно-луковый суп. Закончив говорить, Нора тут же подумала, что рецепт этого супа очень прост, и приготовить его — даже если целый котел — будет совсем нетрудно.

— Знаешь, — сказала Нора, — на следующей неделе я сварю для тебя этот суп. А еще сделаю для тебя небольшой сюрприз.

Видя его недоумение, она поняла, что он не знает значения слова «сюрприз».

— Это когда делаешь что-то неожиданное и приятное, — пояснила она.

— Сюр-приз, — повторил великан.

С тех пор он думал только о картофельно-луковом супе и о дне, когда сможет в очередной раз оказаться рядом с домом Норы. И вот, однажды Нора наконец пригласила его и сказала, чтобы он явился через день — там его будет ждать и суп, и обещанный сюрприз. В качестве сюрприза она задумала наготовить печеного, которым занималась весь следующий день, отчего на встречу с великаном не пришла.

Оставшийся один великан с утра и до самой ночи лежал на земле и гадал, какой сюрприз сделает Нора. Внезапно он подумал, что сам хочет сделать что-нибудь неожиданное и приятное. Он вспомнил, что в саду Норы росли фруктовые деревья, показавшиеся ему слишком маленькими, тонкими и плешивыми, и решил, что будет красиво, если поставить туда настоящее дерево — большое, необъятное и с пышной кроной. Тогда он нашел в лесу подходящий экземпляр: прямой широкий клен с гладкой корой. Вырвав клен из земли вместе с корнями и водрузив его на плечо, великан пошел к дому Норы.

На выходе из леса он постарался идти тихо, чуть ли не на цыпочках, и каким-то образом не разбудил ни Грегора, ни Нору. Он аккуратно поставил клен в середину огорода, раздавив при этом немало росших там овощей, и стал с удовольствием разглядывать получившуюся картину. Любовался он с минуту, а затем обратил внимание на овощи в грядках. Больше остального его отчего-то заинтересовала тыква. Он поднял одну, поднес ближе к глазам, детально рассмотрел и отправил себе в рот. Усевшись на землю, он начал есть все, что попадалось. Один раз он случайно схватил цветы — он вытащил их прямо с землей, в которой они торчали. Они были слишком маленькими, чтобы великан мог разглядеть в них какую-либо прелесть, поэтому он просто отбросил их в сторону и продолжил трапезу.

Первой, как обычно, проснулась Нора. Она умылась, привела себя в порядок и собралась приступать к готовке, как вдруг сквозь окно увидела, что в их огороде стоит огромный клен, а рядом с ним спит великан; более того, половина огорода была изрыта, овощи оттуда пропали. Нора сразу бросила тревожный взгляд в комнату, где все еще спал Грегор, и в ее голове пронеслись тысячи ругательств, которыми муж станет кидаться в нее, когда проснется. Схватившись за волосы, она застонала.

Нора вышла на улицу и встала прямо перед лицом посапывающего великана, которое располагалось прямо на тюльпанах и нарциссах.

— Великан! — принялась она кричать, попутно толкая его в подбородок. — Просыпайся! Давай же!

Он потихоньку открыл глаза, увидел Нору, улыбнулся и протяжно зевнул, обдав Нору

волной жаркого воздуха.

— Что ты наделал? — спросила она, когда он сел.

— Сюрприз, — сказал великан, довольно глядя на дерево. Переведя взгляд на Нору, он тут же понял, что она его радости совсем не разделяет, и как-то поник. — Не нравится?..

— Нет, конечно! Я же говорила тебе, что сюрприз — это что-то неожиданное и ПРИЯТНОЕ!

— Я думал, это оно и есть...

Вдруг со стороны дома раздался гневный выкрик. Они оба повернули головы и увидели на пороге дома Грегора, который таращился на сад и от переполнявших его эмоций тянул себя за волосы.

— Что это?! — взревел он.

— Простите, — угрюмо произнес великан. — Я уберу дерево...

— Дерево?! Да черт с деревом! Что ты сотворил с огородом?!

Осознав, что зря ел в огороде без разрешения, великан помрачнел еще сильнее.

— Простите, — повторил он, опустив голову.

— Успокойтесь, — встала между ними Нора. — Сейчас мы все исправим...

— Как ты собираешься все исправлять?! Он уничтожил весь наш труд!

— Грегор, он ведь ничего не понимает! Не надо винить его...

— Конечно. Я и не виню его. Я виню тебя, безмозглая курица! Что я тебе говорил? Чтобы ты с ним больше не виделась! А ты что сделала?! Каждый день возилась с ним, как будто он твое дитя! Ну, довольно теперь, дура? Кто ты, если не дура, а?! Глупая баба!

То, с каким давлением Грегор говорил это, и то, как Нора от каждого брошенного мужем слова все больше сжималась, будто уменьшаясь в размерах, разозлило великана. Он нахмурился, уронил кулак на землю и громко произнес:

— Перестань!

От удара раздался оглушительный грохот, который разнесся по всему лесу, земля вокруг затряслась. Нора и Грегор схватились за головы и опустили на колени. Как только грохот утих, они в страхе попятились к дому.

— Ты... ты... ты... — лепетал Грегор, глядя на великана.

Нора же находилась в шоке и не могла вымолвить ни слова. Она только смотрела на великана, и в ее глазах был заметен ужас. Великан, тут же остыв, испытал неопиcуемый стыд. Он хотел как-то все исправить, но совершенно потерялся и не знал, что сделать.

Вдруг со стороны деревни раздался крик. Развернув головы, все трое увидели в отдалении женщину, стоявшую на дороге. Рядом с ней лежали ведра, из которых ручьями струилась вода. Она с ужасом смотрела на великана несколько секунд, затем развернулась и побежала к деревне, пронзительно крича: «Чудовище! Чудовище напало!»

Первым в себя пришел Грегор. Он поднялся, помог подняться Норе и сказал:

— Они подумают, что на нас напали. Увидят, как выглядит наш огород, и подумают, что так и было... Нам ничего не грозит, если он уйдет прямо сейчас.

Нора посмотрела на великана с сожалением и тревогой.

— Я знаю, зла ты не желал... — произнесла она хрипло. — Но тебе нужно уйти...

— Я понимаю, — сказал великан и спросил с надеждой: — Ты еще придешь в лес?

— Не придет, — ответил за нее Грегор. — И вы больше не будете видеться. Тебе не ясно, что ты нас подставляешь?! Из-за тебя у нас будет куча проблем! Ты должен уйти подальше отсюда, потому что тебя точно будут искать. Слышишь?

Великану не хотелось верить, что придется уйти. Он снова попытался обратиться к Норе:

— Нора?

Она печально покачала головой и, глядя под ноги, произнесла:

— Ты... прости. Грегор прав.

— Да не извиняйся перед ним. — Грегор приобнял жену за плечи. — Он сам виноват. Уходи, великан. Уходи, если не хочешь, чтобы мы из-за тебя пострадали!

Великан бросил взгляд на дом, в сторону деревни, на Нору, которая по-прежнему глядела куда-то вниз, и поспешно ушел.

Три дня великан брел мимо деревьев, полей, рек и озер, не зная сна. В первый день он слышал, как в лес с криками заходили люди — это его они пытались разыскать, чтобы убить или прогнать, как и говорил Грегор. За себя ему не было страшно, ведь такое случилось бесчисленное количество раз, и никогда ему не могли навредить. Но он боялся, что снова станет проблемой для Норы, поэтому ушел как можно дальше. На четвертый день он добрался до места, в котором росли незнакомые ему деревья, уселся на большой камень и закрыл лицо руками. Он вдруг понял, что еще никогда не был так близок к людям, как вчера, и что еще никогда ему не было так больно, как сегодня.

Глава третья: Маленькая Мия

Близ центра Северного Королевства располагался крупный город Верхние Холмы. Тем, кто не привык к слугам и шелковым простыням, жизнь в этом городе давалась нелегко; чтобы поесть хотя бы два раза в день, им порой приходилось работать с рассвета до рассвета. Некоторые даже вслух сожалели о том, что в сутках всего двадцать четыре часа, наивно полагая, что будь их больше, они бы работали меньше. «Как бы то ни было, хорошей жизни нам все равно не видать. А если хочешь просто пожить с достоинством, больше не отлынивай и трудись так, как тружусь я. А теперь повернись и оголяй спину» — так говорила одна женщина своей дочери перед тем, как преподать ей урок послушания с помощью гибкого металлического прута.

Хотя бедность была сопряжена с немалыми трудностями, обделенные статусом люди всегда находили способ существовать. Кто-то, кому везло больше других, становился слугой в богатом доме, а остальные выбирали нишевые профессии вроде рыбацкого или мясницкого промысла — и тому подобного. Основная тенденция была такова: если отец работал рыбаком, сын в большинстве случаев тоже становился рыбаком; если мать работала швеей, дочь тоже становилась швеей. Людей без родителей это, конечно же, не касалось. Впрочем, и беспризорники находили свое место — у Годрика, например. Этот пожилой человек давал приют многим детям, лишенным дома. Вероятно, сначала он мог показаться добродушным альтруистом, но правда заключалась вот в чем: Годрик являлся главой крупнейшей воровской шайки в городе, и все дети, которых он содержал, были обязаны на него работать. Выбор у беспризорников, как правило, был невелик: либо справляться с голодом и холодом самостоятельно, либо вступить в шайку. Находились и такие, кто выбирал первый вариант, и какое-то время двенадцатилетняя Мия — маленькая курносая девочка с темными короткими волосами, которые едва касались плеч — была в их числе. Но стоило ей испытать чувство настоящего голода, который моментами будто пронзает живот лезвием, заставляет руки трястись и не дает уснуть по ночам, она изменила свое решение и явилась в воровской дом.

Годрик виделся с детьми нечасто. Из-за склонности к паранойе и зачастую беспочвенным подозрениям к даже проверенным временем и заслужившим доверия людям, он почти не покидал свой кабинет, однако считал необходимым показаться перед новичками хоть раз и предстать перед ними таким, каким им было важно его увидеть, — в образе доброго и заботливого опекуна.

В тот день всех новичков, в числе которых была и Мия, собрали в небольшом зале, и вскоре там появился Годрик. Он был худой и длинный, одетый на первый взгляд по-простому — в коричневую рубаху и того же цвета штаны, — но имевший при себе аксессуары и украшения, говорившие о его реальном состоянии: например, золотые карманные часы и украшенный сразу несколькими небольшими изумрудами перстень. Он неловкой походкой прошел в центр зала, встал перед детьми и тепло улыбнулся. Вид у него был словно чем-то смущенный, что на самом деле являлось хорошо выученным трюком, который помогал расположить к себе.

— Здравствуйте, мои дорогие, — сказал он приятным низким тембром. — То, что вы пришли, для меня много значит. Помогать детям без дома дело сложное, но я люблю им заниматься, оттого и настолько рад вас видеть. Называть меня можете просто — дядюшка

Годрик.

Повисла неловкая пауза: дети продолжали смотреть на него молча.

— Что же вы, не хотите поприветствовать вашего доброго дядюшку? — несколько обиженно спросил Годрик.

— Здравствуйте, дядюшка Годрик! — произнесли дети все вместе.

— Во-от, так-то лучше! — сказал он с улыбкой и умиленно склонил голову. — Вот так и общение пойдет теплее. Я бы хотел узнать ваши имена тоже, но этим займемся в какой-нибудь другой день — у дядюшки, к сожалению, сейчас есть время лишь на приветствие и пару слов. Что бишь я хотел вам сказать... А! Раз уж вы здесь, вы наверняка знаете, чем мы занимаемся. Кто-то скажет, чем именно?

— Воровством? — произнес кто-то из детей.

— Точно! Я хотел, чтобы это прозвучало вслух, без стеснений. Мы тут не лукавим и называем вещи своими именами. Я честен, полностью открыт вам и хочу, чтобы вы мне доверяли. Так что я не буду врать и говорить, что мы обворовываем богатых ради всех бедных на свете, — нет, мы обворовываем богатых ради себя. Ну а кто эти богатые? Вы, быть может, знаете, что вещи меняют свой лик в зависимости от того, с какой стороны на них взглянешь? Так вот... Посмотрите на себя очень внимательно. А теперь скажите: кто, по-вашему, богатый? Пожалуйста, говорите.

— Люди при дворе? — спросил один мальчик.

— Конечно. Но разве это все?

— Стража?

— Охотники!

— Врачи?

— Казначей и парикмахеры!

— Еще, еще! — требовал Годрик.

Дети все перечисляли тех, кого считали богатыми, и варианты у них никак не заканчивались.

— Хорошо, хорошо! — решил подытожить Годрик. — Вы назвали многих, но не всех. Потому что перечислять слишком долго. Правда в том, ребята, что богаче нас — бездомных, безродных, голодных и холодных...

— Все, — хмыкнула Мия.

— Конечно! — воскликнул он, взмахнув руками. — Богаче нас все, вообще все, все-все-все! А раз они богаче нас, то для нас они и есть те самые богатые. А мы для них всех — нищие. Даже для уборщиков улиц, даже для парикмахеров в самых бедных районах. Для них мы что псы или крысы, и они от нас носы воротят, лишь бы не чувствовать смрад настоящей нищеты. Они могут сколько угодно жалеть ободранную, бездомную собаку, но стоит ей подойти слишком близко, они отпихнут ее ногой или ударят палкой, так как боятся, что она вцепится в их ногу и уже не отпустит. Вот как они нас видят. Мы не нужны никому — ни людям при власти, ни простакам, ведь подпустить нас к себе значит поделиться теплым местом на стуле, и неважно, из чего он сделан — из старого гнилого дерева или из дорогого красного, инкрустированного драгоценностями. Как мы на это отвечаем? Конечно, вытаскиваем стулья прямо у них из-под задниц!

Послышались смешки.

— Рад, что смог развеселить вас, мои друзья. Но к сказанному все же отнеситесь серьезно. Дядюшка Годрик не просто так распинается. Так, что там дальше... А, да — про

наше дело. Оно у нас не совсем честное, не совсем легкое. Но подумайте сами: существуют ли вообще честные или легкие дела на этом свете? Честные дела я вас назвать не прошу, потому что не верю в их существование, но вот легкие... Попробуйте назвать хоть одно.

— Повар! — воскликнула тщедушная девчушка, одетая в тонкий рваный плащ. — Стоишь на кухне и кушаешь, что готовишь...

— Я бы так не сказал, — покачал головой Годрик. — Чтобы хорошо готовить, нужно не только много лет учиться, но и иметь прирожденный талант. И кушать поварам на кухне никто не позволяет, между прочим. Другие варианты, ну же!

— Плотник?.. — неуверенно предположил один мальчишка, ботинки которого были такие рваные, что виднелись пальцы его ног.

— Не-ет. Работа плотника — это тяжелый физический труд, усердие и к тому же довольно маленький заработок. А тебе, кстати, пригодился бы сапожник — что тоже работа не из простых. — Мальчишка тут же скрестил ноги и отвел взгляд в сторону. — Не стыдись, мой хороший. Я понимаю, в каком ты положении. Как только мы закончим, я распоряджусь, чтобы тебе выдали новенькую пару ботинок.

Мальчишка тут же засиял.

— Давайте продолжать... Еще есть предположения?

— Рыбак? Сидишь с удочкой, ловишь рыбу... — сказал косой на один глаз мальчик.

— Так ты представляешь себе работу рыбака? — рассмеялся Годрик. — А как же лодка, сети, дожди, штормы? Как же неудачные дни? А кто, по-твоему, потом везет рыбу в город? Кто договаривается с продавцом, чтобы тот взял рыбу в свою лавку за приемлемую цену? Все это — рыбак!

— Слуга в богатом доме? — послышалось следующее предположение.

— Хм... — задумался он. — Может, эта работа кажется немного легче, но вся трудность как раз в том, что ты слуга. Разве легко прислуживаться, прогибаться перед другими, заниматься всей грязью, что на тебя свалил хозяин? Нет, вовсе нет. Может, кто-нибудь другой? Есть ли кто-то, кому деньги достаются незаслуженно, без труда?

— Барон? — предположила Мия.

— Что-что? — прищурился Годрик, поглядев на нее.

— Работа барона, — повторила она.

— Это разве работа? Ведь это титул!

— Но он же получает за него деньги, разве нет?

— Знаете... — протянул Годрик с таким выражением, будто вовсе не рассчитывал услышать подобный ответ. — А эта девочка права. Как твое имя, милая?

— Мия.

— Ты же моя умница! — воскликнул Годрик, разулыбавшись. — Мия права. Барон получает деньги за свой титул, а значит, это тоже работа. И все эти люди «высокого статуса», все эти чиновники и дворяне — все они получают деньги, притом в гораздо большем размере, нежели простые ремесленники или же люди такой непримечательной профессии, как наша... А за что? Разве они это заслужили? Нет, совсем нет. Они просто удачно родились. Одобряю ли я эту несправедливость? Нет. Смирился ли я с ней? Тоже нет. Цель моей жизни сделать так, чтобы люди, живущие в этом доме, стали самыми богатыми людьми в городе и занимались «легкими» делами. Поэтому в первую очередь мы стараемся брать у таких, как они. Но на такие дела отправляются только лучшие. Они рискуют в несколько раз больше, но получают в сотню раз больше! Неопытная ребятня таким не

занимается. Первое время вы будете брать у других — у рыбаков, торговцев, плотников, потому что они все равно имеют больше, чем мы, а мы тоже что-то заслужили, не так ли? И я борюсь за справедливость. У нас здесь, мои родные, все по справедливости. Кто больше работает, тот и получает больше. Оттого в нашем деле сильно развита конкуренция. Вы должны быть лучшим... или лучшей, — добавил он, бросив взгляд на Мию. — Если будете хорошо работать, вы отправитесь на настоящее дело и скоро поймете, как хорошо вытирать нос шелковым платочком. Главное не забывайте, что самый большой кусок пирога нужно заслужить; не забывайте также, что пирог имеет свойство заканчиваться. Иногда, когда вы не проявили достаточного усердия, вам может не достаться ни одного, даже самого маленького кусочка...

Он прервался, внимательно оглядел лица присутствующих, затем рассмеялся.

— Вы стали такими серьезными! — воскликнул он. — Наверное, вы уже устали слушать надоедливую старика... Но я скажу вам еще кое-что — расслабьтесь, это не займет много времени. У нас все строится на полном доверии. Вы можете говорить все, о чем понадобится: если что-то не нравится, если что-то нужно, если есть какие-то предложения... И даже если вам захочется рассказать о какой-нибудь провинности — вашей... или же чужой — не стесняйтесь и приходите к дядюшке Годрику в кабинет. Честность я очень ценю. Ну, на этом все. Сейчас вам дадут маленькое задание. Тем, кто с ним справится, хочу сказать: добро пожаловать. Очень надеюсь, что эти слова адресованы всем вам, мои дорогие.

Сказав это, Годрик еще раз улыбнулся и удалился. Некоторым детям он показался добрым и чутким стариком, который простит все, как бы ты ни провинился, а вот Мия и некоторые другие ребята почувствовали, что за напускной добротой и приветливостью кроется нечто иное — что-то, что вызывает недоверие и даже пугает.

Сразу после приветственной речи Годрика Мии и другим новичкам дали задание — до вечера украсть три кошелька. К темноте дети вернулись к воровскому дому. Кто-то из них высоко держал подбородок, глядел на остальных сверху вниз и потряхивал звенящими кошельками, кто-то опустил голову и беспокойно щупал пустые карманы. С детьми, которые не справились, тут же распрощались; других — включая без труда осилившую отбор Мию — запустили в дом. Все они вышли из неблагополучных семей, и внутри дом показался им царскими хоромами: полы были начищены до блеска, потолки высоки, мебель дорога и удобна, и до стен можно было дотрагиваться не боясь, что подцепишь занозу. Детей это так воодушевило, что они тут же позабыли о прежних проблемах и стали носиться из комнаты в комнату и восхищаться. «Мы теперь будем здесь жить!» — радостно кричал кто-то. Даже обычно мрачная Мия поддалась всеобщему настроению и не почувствовала подвоха, не заметила косых насмешливых взглядов детей, давно работавших на Годрика. Впрочем, уже утром новоприбывшие потеряли радостный настрой — им приказали вымыть весь дом, и они тут же поняли, чьими трудами все вокруг так чисто выглядит.

Новичков поделили на небольшие команды и приставили к менторам — уже набравшимся опыта воришкам, которым было по пятнадцать-шестнадцать лет и которых было принято называть «старшими». Моя попала в группу, состоящую из семи новичков, к парню с хитрым взглядом и вечно довольной ухмылкой — Салли. Его только назначили старшим, и он уже с наслаждением воображал, каким испытаниям подвергнет свою группу. Следующий месяц Мии и команде пришлось проходить через самые каверзные задания, какие Салли только мог придумать. Так, он заставил их красть кошельки у патруля стражи,

пробратся в крупный ресторан и выкрасть оттуда столовые приборы (которые даже особой ценностью не отличались) и забраться в дом к зажиточному торговцу.

Жизнь в доме оказалась таковой: стоило совершить пару ошибок — попасться страже или плохо выполнить задание — и ты снова бродил по городу, прося милостыню, поедая объедки и трясясь от озноба. Однако о самых хитрых и талантливых в воровском деле детях Годрик все-таки хорошо заботился. Он нанимал для них преподавателей, чтобы обучить письму, чтению, математике и другим наукам, и выделял для них отдельные комнаты для жилья (остальные жили в общем помещении). Довольно скоро после начала работы в доме Мия оказалась именно в их числе, но не из-за того, что ее порекомендовал Салли, а потому что Годрик сам ею заинтересовался.

С каждым заданием людей в группе становилось все меньше. Кого-то поймали на улице, кого-то выгнал Салли. Среди оставшихся Мия была лучшей. Салли злило, с какой легкостью она выполняла поручения, однако выгнать ее просто так он не мог — Мия все-таки была под особым присмотром Годрика. Поэтому он решил ее подставить: приказал обворовать какого-нибудь аристократа, который будет проезжать по тракту близ города, надеясь, что Мия попадется. При этом он не дал никаких советов, как было принято делать в шайке, а только сказал, что дарует полную свободу действия. К его удивлению, Мия без вопросов согласилась выполнить и это поручение. Вместе с двумя оставшимися ребятами из группы, она спряталась у обочины и стала следить за проезжавшими экипажами, выбирая цель поудобней.

Когда один из экипажей показался на тракте, Мия подметила, что там только кучер правит лошадьми да два человека находятся внутри. Посчитав экипаж подходящим, она подобралась ближе к дороге, дождалась, пока экипаж подъедет, резко прыгнула чуть правее траектории, по которой ехали лошади, вскрикнула и улеглась на земле без движения. Кучер тут же остановил экипаж, спрыгнул вниз и стал разглядывать Мию.

— Черт бы ее побрал, — сплюнул он на землю, решив, что она либо уже умерла, либо при смерти.

— Что там? — раздался манерный женский голос из кареты. — Почему встали?

— Наехали на бродяжку, — объяснил кучер.

— Так убери ее с дороги и поехали дальше! — недовольно сказал голос.

Хотя Мия по-прежнему лежала не шевелясь, она заперезживала, что сейчас кучер подхватит ее, скинет с дороги и уедет — то есть попытка провалится, а еще раз кидаться под колеса, рискуя собственным здоровьем, ей совсем не хотелось. Однако ее спас новый голос — тонкий и мальчишеский.

— Мама! Как ты можешь так говорить? — произнес он. — Надо пойти и проверить, все ли с ней в порядке.

Он уговорил мать пойти посмотреть, действительно ли они убили бродяжку. Когда они вышли из кареты, Мия сквозь прикрытые веки разглядела пышную даму, одетую в шикарное синее платье, а подле нее — тонкую фигуру шуплого мальчика примерно ее возраста или немногим старше. Она тут же застонала, давая понять, что жива и нуждается в помощи.

— Жива! — выдохнул мальчик.

— Еще как, — хмыкнула дама, окидывая Мию брезгливым взглядом. — Кучер, уберите ее и поехали...

— Нужно ведь убедиться, — заявил мальчик.

Он подошел к Мии, пригнулся, и тут она раскрыла глаза. Мальчика словно оглушило

этим взглядом: ему показалось, что никогда раньше он не видел таких прекрасных глаз — и что никогда больше не увидит. Дыхание его тут же сбилось, на лбу проступила испарина. Прокашлявшись, он галантно подал ей руку. Она протянула и положила в его ладонь свою, которую он тут же сжал. Он помог ей подняться и тут же схватил ее за талию, чтобы удержать, так как Мия чуть не свалилась обратно. Далее он стал озабоченно расспрашивать о ее самочувствии. Дама при этом раздраженно качала головой, но не останавливала сына — ей показалось, что это будет неплохой практикой общения перед тем, как сын познакомится с настоящими девушками. Впрочем, долго она терпеть не смогла и в конце концов все же не выдержала:

— Ладно, хватит. Идем уже. Видишь, с ней ничего не случилось.

— Хорошо... — согласился сын, никак не отрывающий взгляда от Мии. В нем тогда разгорелась надежда, что стоявшая перед ним девочка никакая не бродяжка, а заблудшая и потерявшая память принцесса, и что через какое-то время они снова встретятся, и мама, узнав о настоящем статусе этой девочки, разрешит им пожениться. Понимая, что сейчас расстаться все же придется, он тяжело вздохнул, наконец отвел глаза и уже стал разворачиваться, как вдруг Мия схватила его за плечо и тихо произнесла:

— Постой...

Мальчик оглянулся и застыл. Тут же Мия прижалась к нему и коротко поцеловала в губы. Увидав это, дама прикрыла рот рукой в белой перчатке и покраснела со стыда, а кучер поднял кустистые брови и присвистнул. Мия отодвинулась от обескураженного мальчика, подмигнула ему, резко развернулась и убежала прочь.

Дама, мальчик и кучер молча провожали Мию взглядом до тех пор, пока она не скрылась из виду. Затем дама наконец пришла в себя, шагнула к сыну и отвесила ему подзатыльник.

— Как ты позволил какой-то оборванке до себя дотронуться?! — негодовала она, а мальчик лишь молчал и мечтательно глядел в сторону, куда убежала Мия. — Чему ты улыбаешься? Дурная голова... Давай, пойдём.

— Боже-боже... — произнес он и опустил голову, как обычно делают люди, пытаясь сбежать в мир собственных фантазий или воспоминаний. Из этого состояния его вывел крик матери, которая вернулась в карету и обнаружила, что там все раскидано и перевернуто.

Пока экипаж оставался без присмотра, а кучер, дама и мальчик занимались Мией, подельники Мии прокрались в карету и вынесли все, что только могли утащить. Особенно ценного там ничего не было, только шелковые тряпки да пара серебряных подсвечников. Зато Мия, когда обнимала мальчика, успела запустить руку в его карман и нашла там старинную золотую монету. Собравшись вместе, они поделились украденным. Подельники собирались отнести все Салли, как и было принято, но Мия настояла на том, чтобы они пошли напрямик к Годрику.

Когда Годрик прознал, какие задания Салли давал новичкам, он избил его и разжаловал с поста старшего. При этом работой команды он остался более чем доволен, так как монета оказалась дорогой — она принадлежала какой-то старинной коллекции. Узнав, что именно Мия придумала, как обворовать экипаж, он стал следить за ней еще внимательнее, предрекая ей хорошее воровское будущее.

К четырнадцати годам Мия стала самым молодым старшим в шайке. Годрик часто приглашал ее в кабинет, давал индивидуальные задания, а перед остальными сильно нахваливал и говорил, что она самый талантливый вор, которого ему приходилось видеть. От

этого ее больше любить не стали — совсем наоборот. Для других воришек она превратилась в самого ненавистного человека, и причин тому было несколько. Во-первых, она была девчонкой, которой удавалось обставлять мальчишек, что вызывало раздражение. Во-вторых, все знали, что Годрик относится к ней по-особенному — он, как ходили слухи, одаривал ее множеством привилегий и даже отдавал больший процент с наворованного, чем другим — что вызывало сильную зависть. В-третьих, в тринадцать лет ее рост остановился на отметке сто тридцать пять сантиметров и дальше не шел, что послужило поводом для издевательств. Годрик называл ее Крошка Мия или Проныра Мия, но остальные подобрали ей другое прозвище — Мелочь Мия, чем одновременно насмеялись и над ее ростом, и над тем, что она приносит в воровской дом только мелкие деньги (правдой это не являлось, но никому до этого дела не было).

Впрочем, Годрик не был к ней так добр, как всем казалось. Он видел в Мии много возможностей, оттого требовал от нее гораздо большего, чем от остальных. Он действительно отдавал ей больше процентов, однако вместе с тем отправлял ее на самые сложные и рискованные задания. Если же она не справлялась или отказывалась повиноваться, он всегда звал ее в кабинет, где читал длинные нотации и, при надобности, заходил несколько дальше. Так, однажды она попала к страже за одним делом, и Годрик заплатил довольно большие деньги, чтобы вытащить ее, чего не сделал бы ни для кого другого. Она вошла в кабинет и предстала перед Годриком, сидевшим за столом. Подняв взгляд, он тут же заулыбался.

— Моя радость, Крошка Мия! Ты наконец-то здесь. Выглядишь прекрасно, будто ничего и не было. Расскажи, пожалуйста, как так случилось, что ты попала к страже?

— Вы ведь и так знаете, дядя Годрик, — поморщилась Мия.

— С чего ты взяла?

— Вряд ли вы ни у кого, кто знает, до сих пор не спрашивали.

— Я спрашиваю сейчас. У тебя. Говори, дорогая.

— Ничего необычного. Меня за руку схватили.

— Странно... Мне казалось, с тобой такого точно никогда не произойдет! Скажи, а может быть такое, что ты позарилась на кошелек, лежавший не в том кармане?

Мия пожала плечами, но отрицать не стала — было ясно, что Годрику известно больше, чем ей самой.

— Так кто это был? — настаивал Годрик. — Ты знаешь имя?

— Сержант полиции, — произнесла Мия после заминки. — Дариус, кажется.

— Угу. Сержант Дариус. Это имя ты услышала сегодня впервые?

— Да.

— Понятно... Ты ведь знаешь, что между мной и полицией есть некоторые договоренности? Я им плачу, а они меня не трогают. Чтобы понять, как все работает, много ума не надо. И то, что трогать полицейских не стоит, тоже известно. Так почему ты решилась на это?

— Дядя Годрик! — в сердцах воскликнула Мия, нервы которой окончательно сдали. — Но я ведь уже воровала у полицейских, и вы ничего не говорили!..

— Конечно, я не говорил. Потому что ты не попадалась — это во-первых. А во-вторых... Ты знаешь, через кого осуществляются все мои договоренности с полицией?

Мия тяжело вздохнула, тут же догадавшись.

— Через сержанта Дариуса?

— Через Дариуса, да, — спокойно кивнул он. — Ты всегда была догадливой девочкой, и я ценю тебя за это. Поэтому я и вернул тебя сюда. Ты понимаешь, что ради любого другого я бы так не поступил?

— Да. Спасибо вам, дядя Годрик.

— Пожалуйста, мое счастье. Ты сегодня, наверное, перенервничала, да?

— Я старалась оставаться спокойной.

— О боже! — с улыбкой воскликнул Годрик. — Да ты холодна как сама зима! Вот! Вот каким должен быть настоящий вор! Я горжусь тем, какой ты выросла. Мия, я бы отпустил тебя прямо сейчас, но... увы, я не могу. Ты же знаешь правила. Мне это не нравится, но тебе придется перетерпеть маленькое наказание. Подойди.

Она подошла ближе к столу, и он протянул ей мешочек. Заглянув внутрь, Мия увидела сухой горох.

— В угол, пожалуйста, — произнес Годрик, сосредоточенно глядя на Мию.

На горохе она стояла около полутора часов. Все это время Годрик продолжал сидеть за столом. Он занимался своими делами — даже успел поесть — и почти не обращал на нее внимания. Только когда она начинала слишком громко стонать, он просил ее вести себя потише. Иногда в кабинет заходили дети. Они видели Мию, видели, что она стоит на горохе в углу, слышали ее тихий плач. В тот день по дому пронеслась волна радости: дети ликовали, что Годрик наконец поставил выскочку на подходящее место.

Однако то было не худшее из наказаний. Иногда он запирали ее без еды и воды в подвале, где держал до тех пор, пока она не признавала вину и не молила о прощении. Часто в ход шли розги или стальные прутья. Годрик не пользовался ими сам. Он давал их Мии и говорил: «Сделай, что надо». Тогда Мия шла с ними к одному из старших, отдавала их ему и самостоятельно оголяла спину — так ее приучили.

А однажды произошло событие, которое Мия забыть так и не смогла. Тогда ей было семнадцать лет. Она сидела в общей комнате и читала, когда к ней подошел один из старших.

— Мия, — позвал он, и она отвлеклась от книги. — Годрик хочет тебя видеть.

Мия удивилась: было уже восемь, а Годрик не любил проводить встречи позднее шести. Тем не менее она отправилась к Годрику без споров.

В кабинете Годрик находился на один. Напротив него за столом сидел грузный мужчина с маленькими круглыми глазами и аккуратной коричневой бородой. Поприветствовав Мию в своей обычной вежливой манере, Годрик представил гостя:

— Этого джентльмена зовут Стингер. Он мой хороший знакомый, человек очень приятный и довольно влиятельный.

— Рад знакомству, — сказал Стингер, и Мия в ответ исполнила полупоклон.

— Извините, что прерываю ваше знакомство... — отвлек их Годрик. — Господин Стингер, могу я попросить вас выйти за дверь и немного подождать?

— Естест-но, — ляпнул он и ушел, но перед самым выходом окинул Мию странным, показавшимся ей оценивающим, взглядом.

— Значит так, Мия, — произнес Годрик, когда они остались наедине. — Твое непослушание заставляет меня беспокоиться все больше. Не знаю, что такое с тобой творится, но ты все продолжаешь искать лучшие дела, а когда их нет — просто бездействуешь. За месяц, насколько я знаю, ты и близко не выполнила нормы, хотя с твоими способностями должна бы приносить гораздо больше... Что ж, я не сержусь. Но весь месяц

ты жила под моей крышей, питалась купленной мною едой, которую готовил нанятый мною повар. Это значит, что ты мне должна, дорогая Мия. А дядюшка Годрик не любит давать в долг, его сердце трескается и раскалывается от мысли, что что-то его сейчас у кого-то другого. К счастью, я нашел выход: всего одна ночь, и долг будет уплачен.

Мия сразу поняла, о чем речь, беспокойно глянула на дверь и пролепетала:

— Дядя Годрик, нет!..

— Как это — нет? — нахмурился он, поднялся и дал ей звонкую пощечину, а за ней еще одну. — Так нет? Или вот так нет? Наверное, все-таки да. Это будет тебе уроком. Отнесись к нему со всей серьезностью. И любезно делай все, о чем господин Стингер попросит. Ты поняла?

Мия, по покрасневшимся щекам которой текли слезы, кивнула. Годрик кинул ей свой шелковый платок.

— Вытрись. И в следующий раз хнычь только после того, как он уснет.

...Когда воришки вырастали, их рост увеличивался, прыть уменьшалась, и они больше не могли справиться с той работой, которую выполняли раньше. Те, кто добивался успеха в шайке и оставался в ней и во взрослом возрасте, начинали заниматься делами покрупнее, вроде грабежей или шантажа. Мия же из-за своего маленького роста даже в двадцать лет оставалась всего лишь воришкой. С годами у нее сформировался противный и упрямый характер, и она все чаще ругалась с людьми вокруг, включая и Годрика — и даже постоянные наказания ее не останавливали. Вероятно, причиной тому послужило то, что дети видели в ней такого же ребенка и не уважали как старшую, Годрик видел в ней ту же маленькую воришку и не позволял ей заниматься ничем, помимо мелких краж, а одногодки, часть которых давно забросила воровскую деятельность, встречая ее, продолжали шутить и издеваться. Даже для Салли — ее бывшего ментора — жизнь сложилась вполне сносно: в семнадцать лет он ушел из воровского дома, откупившись, и устроился в городской банк, где стал заниматься счетоводством за неплохие деньги. Все это привело к тому, что Мия стала много пить и часто проваливать задания. Годрик уже и не знал, как ее приструнить, ведь наказания как будто только усиливали ее непослушание.

В один из дней Мия напилась сильнее обычного и явилась к Годрику в кабинет, чтобы сказать, что уходит. Он принял ее без видимого раздражения, что было делом примечательным: все встречи он обычно планировал, а спонтанность ему не нравилась абсолютно. Услышав, что Мия собирается уйти из шайки и начать новую жизнь, Годрик расстроился. Сначала он попытался переубедить ее — говорил, что только с ним у нее есть перспективы, что новую жизнь можно начать и тут. Говорил он при этом мягко и, как казалось, старался не давить, но Мия все повторяла, что уйдет, и совершенно не слушала.

— Мия, деточка, ты пьяна. Вернись к себе, проспись, а завтра мы снова поговорим.

— Может, я и пьяна, — заявила она, — но все равно... Все, Годрик. Делай что хочешь, а я пошла.

Годрик ненадолго замолчал. Мягкая улыбка сползла с его губ, брови напряглись. Когда он заговорил, его голос тоже изменился: стал серьезным, тихим, даже угрожающим.

— Чего ты без меня стоишь, мелкая тварь? — произнес он, смотря ей в глаза. — Ты всего лишь дешевка. Мелкая воровка. Ты думаешь, ты на плохом месте? Нет, на нем те дети, которые не справились с отбором. Большинство из них, наверное, уже подохло и лежит где-то в канавах. Ты помнишь их, а? А помнишь, кем ты была до меня? Когда ты пришла, у тебя лицо было сплошь в синяках и ссадинах. Тебя избивали дома, да? Поэтому ты сбежала? От

тех родителей ты отказалась. Теперь я — твой настоящий родитель. Я дал тебе все, научил тебя всему. Я научил тебя зарабатывать деньги. И ты оказалась такой неблагодарной сукой, Мия. Кем ты будешь без меня? Я скажу: уличной швалью, обычной мелкой мразью. Ты никому не сдалась. Никому.

Несколько секунд Мия будто не реагировала. Затем она резко подалась вперед и плюнула Годрику в лицо. Он сразу замолчал, достал из кармана платок, вытер плевков с щеки, поднялся со стула, выкинул вперед руку и устремил указательный палец на дверь.

— Убирайся. И постарайся сделать так, чтобы ни я, ни мои люди больше не видели тебя в городе. Иначе то, что с тобой делали родители, и то, как я наказывал тебя прежде, покажется тебе старой и доброй сказкой. А если ты когда-нибудь решишь самостоятельно вернуться, то знай, что вкалывать ты будешь не в воровском доме, а в городском борделе. И я с тебя многое поймею, потому что ты хоть и взрослая, но сгодишься любителям помладше. А теперь пошла вон.

Уже через несколько часов Мия собрала свои немногочисленные пожитки и покинула воровской дом, а затем и город, даже ни с кем не попрощавшись. Она отправилась вперед по тракту, не представляя, куда конкретно идет — да и ей тогда было все равно, куда. Пару раз она оборачивалась, и во взгляде, устремленном на город, в котором она так и не нашла себя, бушевала ярость.

Глава четвертая: Встреча

Удалившись от Верхних Холмов на множество километров, Мия свернула с тракта и оказалась на узкой лесной тропе. Шла она шестые сутки, а ночи проводила в придорожных тавернах, где она к тому же закупалась бутылками крепкого, которые выпивала в пути. Неожиданно она услышала доносившийся из чащи низкий гул. Сначала Мия подумала, что так воет какой-то зверь, но вскоре гул приобрел четкость, и она поняла, что это чей-то низкий голос напевает какой-то мотив. Мия была слегка пьяна и преисполнена духом фаталистического авантюризма, и ей, в сущности, было плевать, бандит это или кто-то другой, представляющий опасность — она была готова встретить любую напасть и, вероятно, даже умереть (по крайней мере, ей в тот момент так казалось). Однако увидев перед собой девятиметрового великана, который, закрывая лицо руками, с тоскливым видом напевает детскую песню, она застыла от удивления. Опыание тут же прошло, а пробудившийся страх призвал бежать как можно дальше. Тем не менее Мия не сдвинулась с места. «Черт возьми, — подумала она, почти справившись со страхом, — вот это страшилище! Оно даже петь умеет. Посмотрим, может, оно и не захочет меня сожрать».

— Э-эй! — громко крикнула она.

Великан убрал руки от лица и стал удивленно разглядывать землю внизу.

— Кто это? — спросил он, по-прежнему пытаюсь разыскать того, кто его звал. Наконец он посмотрел прямо под ноги и увидел Мию, которая, сложив руки на груди, глядела на него с крайне серьезным, даже грозным выражением лица.

— Что поешь? — спросила она, кажется, с претензией.

Великан печально вздохнул и, проигнорировав ее вопрос, произнес:

— Ты чего хочешь?

— А чтобы к тебе подойти, обязательно нужно иметь какое-то дело? Смотрю, ты деловой великан... А я, может, просто поболтать хочу.

Великан удивился. Второй раз в жизни кто-то не побоялся его и даже завел с ним разговор, но случай с Норой пока был слишком ярок в его памяти, поэтому он воспринял заявление Мии без особой радости.

— Лучше уходи, — сказал он. — От меня одни беды...

— Конечно! — усмехнулась Мия. — Ты себя-то видел? В тебе три дома росту. Твое призвание — беды приносить!

— Не хочу таких призваний! — горько воскликнул великан, махнув рукой.

— Тише, тише, тише, — пробормотала Мия, отступив на шаг. — Ты чего завелся? Что-то случилось, что ли?

— Да. Случилось, — мрачно подтвердил он.

— Так рассказывай. Времени у меня навалом...

Великан взглянул на нее еще раз. Ее лицо показалось ему не особо доброжелательным, но он почувствовал такое сильное желание поделиться своей бедой хоть с кем-то, что больше не сдерживался. Он рассказал о Норе, о прогулках по лесу, разговорах, о том, как подвел Нору, о том, как был вынужден уйти. Пока длился его рассказ, он делался все более угрюмым, а под конец опять закрыл лицо руками.

— Мне никто так не доверял, — закончил он свою историю. — А я... Если бы я не был

таким... Если бы я был человеком...

— Пф!.. Человеком? Люди — мерзкие сволочи, — вдруг сказала Мия. — Ты просто их плохо знаешь. Да и какое тебе до них дело? Они для тебя всего лишь букашки — как для меня муравьи. Вот, смотри! — И она принялась топтать землю, будто топчет муравьев.

— А сама ты кто? — поинтересовался великан.

— Я — человек и есть, — хмыкнула она, остановившись. — Никто тебе честнее меня про людей не скажет. Знаешь, на что люди готовы пойти ради даже самой мелкой выгоды? Украсть, ограбить, убить... легко! А если кто-то от них отличается, как ты или я, например, то они их вообще истребить пытаются, потому что чертовы трусы!

— И ты такая?

— Почти. Тебе, может, не видно, но я по людским меркам очень маленькая, хоть и взрослая. Так что натерпелась я не меньше твоего, это уж точно. Как твое имя, здоровяк?

— Нету у меня его.

— Как так? Такой большой, а имени до сих пор нет? — издевательски усмехнулась она.

Великан шмыгнул носом.

— Ладно, ладно... Давай я тебе прямо сейчас имя дам. «Малыш» подойдет?

— Почему это «Малыш»?

— Потому что это смешно! Меня зовут Мия. Будем знакомы, Малыш!

Она вытянула руку вверх. Сначала великан не понимал, чего она хочет, но она продолжала тянуть руку, и тогда он опустил указательный палец и осторожно прикоснулся к ее ладони. Мии при этом почудилось, будто она коснулась не кожи, а грубой дубовой коры.

— Эх... Вот если бы я мог жить среди людей... — простонал великан, убирая руку.

— Ты глухой? — возмутилась Мия. — Я же столько тебе про них рассказала! Да ты и сам уже понял, что им не нужен. И тебе все еще хочется среди них жить?

— Но Нора не такая, как ты говоришь. Она хорошая. Я бы хотел стать человеком и жить с такими людьми, как она. Мы бы гуляли, разговаривали, ни от кого не прятались... Эх... — снова простонал он.

Мию его беспомощность начала раздражать. Закатив глаза, она сказала:

— Иди сломай пару деревьев и успокойся.

— Зачем это? — не понял великан.

— Чтобы остыть. Тебе пойдет на пользу. Просто подойди к дереву и сделай вот так! —

Она ударила по воздуху. — Давай. Иди к тому дереву!

Великан немного помедлил, все же поднялся и подошел к сосне, на которую она указала.

— Теперь подними кулак вверх...

Великан поднял кулак.

— Размахнись... и бей!

Великан размахнулся и выбросил кулак вперед. В том месте, куда пришелся удар, ствол разлетелся в щепки, и сосна сложилась пополам. Увидев, какой силой обладает этот гигант, Мия вдруг застыла, а в ее глазах вспыхнула какая-то странная искра.

— Полегчало? — поинтересовалась она заискивающим тоном.

— Не знаю, — пожал он плечами.

— Ничего, ничего. Поможет. Продолжай!

Великан стал ходить по лесу и крушить все деревья подряд. Мия старалась держаться за его спиной и, когда он бил, закрывалась руками, чтобы в нее не угодило куском от

разлетевшегося дерева. Наблюдая, она решила, что не воспользоваться силой и устрашающим видом великана по своему усмотрению — самая большая глупость, какую она только может совершить в жизни.

Устав крушить лес, великан уселся на землю. Мия встала рядом с его ногой, чуть обдумала, что будет говорить, и спросила:

— Скажи, ты правда хочешь стать человеком?

— Да, — честно признался великан. — Очень хочу. Больше всего другого.

— А если я скажу, что знаю способ?

— Правда? — уставился он на нее круглыми глазами.

— Конечно! — улыбнулась она. — Я знаю, как тебе стать человеком. И расскажу, если...

Договорить она не успела, так как радостный великан бесцеремонно взял ее за плащ, положил к себе на ладонь, поднял и прижал к своей щеке, обросшей жесткой щетиной.

— Отпусти меня! — запротестовала Мия, закрываясь руками от его колючих волос. — Отпусти, ты мне глаза выколешь!

Великан послушно опустил ее на землю. Мия поправила взъерошившиеся волосы и гневно погрозила великану пальцем.

— Никогда больше не хватай меня без разрешения! Понял? Я не договорила... Я расскажу тебе, как стать человеком, если ты будешь делать все, что я скажу.

— Я понял, — кивнул он совсем без раздумий. — Я буду делать.

— Молодец, Малыш. Тогда я, пожалуй, составлю тебе схему, чтобы ты получше понял, что такое быть человеком...

Она подобрала с травы упавшую палку и начертила на голой земле цифру 1, а за ней написала: «злость». Великан читать не умел, так что просто смотрел на все это с интересом и никак не комментировал.

— Злость! — озвучила Мия. — Вот что ты должен испытывать, когда тебе кто-то не нравится. Ты должен захотеть сломать его точно так же, как ломал те деревья. Люди это чувство каждый день испытывают. Тебе кто-нибудь не нравится?

— Ага, — ответил великан. — То, какой я большой.

Лицо Мии перекосило от раздражения.

— Это разве «кто-то»? Я говорю о том, кого можно сломать, а не... Кхм, ладно. Такого мы потом найдем. Переходим ко второму пункту. — Снизу «злости» она нарисовала цифру 2, подписала — «эгоизм», затем пояснила: — Эгоизм — значит забота о себе одном. Интересы и желания других тебя трогать не должны. И все в этом мире на самом деле — эгоизм. Даже если ты делаешь что-то для других, ты все равно делаешь это для себя. А если вдруг интересы кого-то противоположны твоим, то ты должен испытывать к нему злость. Видишь, как в людском мире все связано? Далее — алчность... или жадность, если попростому. Тебе должно хотеться все, что можно получить, при этом даже больше, чем тебе на самом деле надо. Отсюда вытекает пункт 4 — зависть. Если ты вдруг видишь, что у кого-то хоть чего-нибудь больше, чем у тебя, ты ему завидуешь. И, конечно же, злишься. А самые человечные завидуют даже тем, у кого чего-то меньше, чем у них, потому что у них вообще хоть что-то есть, и самым человечным это не нравится!.. Ты запоминаешь, что я говорю, Малыш?

— Да, кажется... А это точно мне поможет?

— Тебе ведь нужно стать таким, как мы, правильно?

— Наверное... — неуверенно произнес он.

— Ну вот! Поможет, конечно! Продолжаем. Последний пункт — это лень. Мы — люди — постоянно ленимся. Нам лишь бы лечь и лежа получать все, что есть на этом свете. Только вот нас преследуют всякие заботы, которые мешают так жить. Нужно тратить силы и время, зарабатывать на еду и всякое такое... Но и к этому мы адаптируемся и начинаем делать все наиболее простым способом — по крайней мере, самые умные из нас живут именно так. Самое большое откровение жизни такое: глупые работают, засевают поля; умные приходят на поля глупых и пожинаяют плоды. Теперь повтори это.

— Глупые работают... умные приходят...

— И пожинаяют плоды. Да!.. Все просто. Выучив эти основы и применив их на практике, ты станешь настоящим человеком — и это чистейшая правда! Вот так...

Вдруг она умолкла и дернула голову вверх и в сторону, словно хищная птица, услышавшая добычу. Великан хотел было спросить, почему Мия остановилась, но она знаком велела соблюдать тишину и продолжила сосредоточенно слушать.

— Ты слышишь? — спросила она через мгновение. — Колеса.

И верно, со стороны дороги доносился монотонный стук колес.

— Я сбегая посмотрю, что везут. Ты сиди здесь и никуда не дергайся.

Тут же она устремилась к дороге и исчезла. Пока она отсутствовала, великан раздумывал над ее словами. Все, что она объясняла, великан не совсем понимал, но она говорила с такой уверенностью, что он все-таки поверил в ее способность сделать его человеком.

Скоро Мия возвратилась.

— Там повозка! — воскликнула она. — Везут какой-то провиант, похоже. Отличная возможность проверить твоё стремление стать человеком. Ты помнишь про зависть и алчность? У них есть то, чего нет у нас. Что надо делать?

Он сконфуженно пожал плечами.

— Отнять у них это, дурная твоя голова! Идем, ты раскидаешь этих людишек и заберешь повозку.

— Раскидаю? — растерянно уточнил великан.

— Именно. Разозлись на них как следует! Пошли.

Она повела великана за собой, и они вышли к месту, где вскоре должна была показаться повозка. Когда она появилась, великан прятался за деревьями метрах в сорока от дороги, а Мия стояла у его ног. За повозкой, запряженной мулом, сидел один человек, а позади шли двое других.

— Все, вперед, — приказала Мия. — Раздави их, хватай повозку, и уходим.

Великан кивнул, но с места не сдвинулся ни на метр.

— Эй! Ты слышишь, нет? — толкнула его ногу Мия. — Иди уже!

Она стала толкать ногу еще сильнее, но ничего этим не добилась.

— Ты что, не хочешь стать человеком? — Отступив, она как могла высоко задрала голову и взглянула ему в лицо.

— Хочу, — сказал великан. — Но я не могу так... это ведь... Не могу я, Мия.

— Ты мямля! — разозлилась она. — Ладно. Я сама разберусь. От тебя требуется только одно — когда я отвлеку их на себя, возьми повозку и вернись на то место, где мы встретились. Ты все понял?

Великан кивнул.

Понадеявшись, что он действительно понял свою задачу, Мия взъерошила волосы, подняла горсть с земли и испачкала ей одежду. Затем она пробежалась по кругу, чтобы немного запыхаться, и выбежала на дорогу. Жалобным голосом она стала кричать, что на ее брата напали волки, и звать людей у повозки за собой. Те двое, что шли сзади, переглянулись, купились на ее вранье и побежали за ней, а тот, что сидел за вожжами, так и остался на месте, не собираясь покидать груз.

Прошло где-то полминуты, когда оставшийся в одиночестве человек вдруг почувствовал, что под колесами затряслась земля, и стал тревожно оглядываться. Мул, услышавший тяжелые шаги еще до хозяина, остановился и начал беспокойно фыркать. Вдруг человек увидел, как между деревьев прямо из воздуха вырастают два толстых ствола. Подняв взгляд, он с трепетом понял, что это никакие не стволы, а великаны ноги. Тут же к нему потянулась огромная рука. Прежде чем она схватила повозку, человек успел соскочить вниз. Упав спиной на землю, он закрыл глаза и выставил вперед руки. Потом он услышал громогласное «простите», треск и громкие удаляющиеся шаги. Решившись раскрыть глаза через пару мгновений, он увидел, что пропал и великан, и повозка. Мул притом убежал по дороге вперед, оставляя за собой пропаханные линии обломанными креплениями от повозки, что остались на его спине и волочились по земле.

Великан вернулся в назначенное место. Положив повозку на землю, он уселся рядом и стал ждать. Через десяток минут объявилась изрядно уставшая Мия. Те, которые побежали за ней, оказались туповатыми: они долго не могли догадаться, что Мия уводит их не к брату, попавшему в беду, а подальше от груза. Они все преследовали ее, пока Мии не удалось скрыться, петляя по лесу. Вернувшись, она сразу же кинулась к полной мешков повозке и стала ее осматривать. Непонятно откуда в ее руке возник маленький нож, и она распоролла им один из мешков. Оттуда посыпалось зерно. Мия расстроено вздохнула — она рассчитывала на более ценный груз. Великан же стал разглядывать мешки с большим интересом. Облизнув палец, он сунул его в дырку, так что зерно прилипло к коже, поднес ко рту и попробовал. После этого он поднял весь мешок и высыпал оставшееся зерно себе в рот.

— Как ты ешь это?.. — скорчилась Мия. — Это же надо готовить.

— Давай приготовим, — предложил великан, не имевший никакого понятия о том, как следует готовить зерно.

— Ну уж нет. Готовить — это работать. Напомни-ка, что я тебе об этом говорила?

— Работать — для слабых, — вспомнил великан, отбросил от себя пустой мешок и потянулся за вторым, но Мия его остановила.

— Все, прекрати! Ты так все сожрешь. У меня есть план, как раздобыть денег с помощью этого зерна.

Глава пятая: Легкий заработок

В тот же день Мия и великан подобрались к небольшому торговому городку, который находился ближе к восточной части Королевств. Там она и решила реализовать свой план, но великану раскрывать все детали не стала — сочла, что это только все усложнит. Она лишь велела ему встать за двумя высокими деревьями, за которыми его хотя бы не будет видно издалека, и ждать, пока она вернется в лес вместе с каким-нибудь человеком. «Потом — сказала Мия — я два раза щелкну пальцами, и ты хватай того, с кем я приду». Чтобы великан точно все понял, она повторила свои слова еще три раза, дважды показала, как будет щелкать пальцами, после чего отправилась в город, прихватив с собой один из мешков.

Пройдя по грязным улицам ближе к центру, Мия быстро отыскала рынок. Там она остановилась в самом людном месте и стала кричать:

— Мешок ячменного зерна! Всего две монеты! Всего две!

Учитывая, что обычно мешок с ячменем стоил около десяти монет, вокруг нее тут же собрался народ. Каждый тянул ей деньги и хотел забрать товар по дешевке себе.

— Вас слишком много, а мешок всего один, — сказала Мия, изображая растерянность.

Люди сразу стали торговаться — кто давал три монеты, кто четыре. Когда один бородатый мужчина, одетый в коричневую рубаху и грязные ботинки, предложил семь монет, Мия наконец определила покупателя. Она забрала деньги и отдала мешок, а когда мужчина собрался уходить, окликнула его:

— Постойте, пожалуйста!

Тот обернулся и вопросительно на нее уставился. Мия тихо, чтобы никто другой не услышал, рассказала, что в лесу находится еще множество мешков с зерном, но она не может привезти их в город, так как загруженная ими повозка застряла в овраге. Она попросила мужчину помочь вытащить повозку и за это пообещала отдать столько мешков, сколько ему понадобится, всего по монете за каждый. Мужчина секунду мешкал, затем согласился.

— А сильно-то повозка застряла? — спросил он. — Может, стоит еще мужиков позвать?

— Можно, конечно, — пожала плечами Мия. — Только тогда мне придется отдать зерна и им...

Мужчина поморщился — делиться ему не хотелось. Решив, что все-таки справится в одиночку, он велел Мии идти к повозке.

— Долго еще? — спросил он, когда они шли уже минут десять.

— Нет-нет... — отозвалась Мия не оборачиваясь. — Совсем чуточку.

Когда они наконец оказались у повозки, мужчина увидел, что та находится не в овраге, а на ровной лесной поляне. Он тут же подозрительно посмотрел на Мию и перехватил ее взгляд, который показался ему чересчур пристальным и совсем не добрым. Догадавшись, что стоит бежать, он успел развернуться, как вдруг раздался два щелчка. В ту же секунду из-за дерева вытянулась громадная рука, схватила мужчину за плащ и подняла над землей. Оказавшись в воздухе, мужчина перевернулся, увидел перед собой лицо великана и завопил от ужаса.

— Успокойся, — раздраженно бросила Мия. — Он тебе ничего не сделает... если, конечно, будешь делать, что я говорю. Во-первых, заткнись.

Мужчина продолжал вопить, и тогда Мия крикнула:

— Заткнись или великан тебя прихлопнет как муху!

Он тут же закрыл рот руками, но окончательно замолкнуть так и не смог — на каждом выдохе из его рта вылетали стоны.

— Достань кошелек и кинь мне, — приказала Мия. — Живо!

Мужчина трясущимися руками полез в карман, достал оттуда коричневый кошелек и бросил вниз. Мия подобрала его, взвесила в руках и разочарованно скривилась.

— Вот нищий, — пробормотала она, засовывая кошелек в карман.

Сказав великану не отпускать пленника ни при каких обстоятельствах, Мия снова пошла в город. Там она купила несколько мотков веревки, кучу тряпок, и вскоре вернулась к великану. Метров за четыреста уже можно было слышать крики, и Мия подумала, что им повезло, если их до сих пор никто не услышал. Подойдя к великану, она приказала опустить пленного на землю, но придерживать за руки и ноги. Затем она запихала пленному в рот тряпок, связала его руки и ноги и передала конец веревки великану.

— Повесь его где-нибудь среди листвы. Так, чтобы видно не было.

— А больно ему не будет? — спросил великан, с жалостью глядя на связанного мужчину. Тот, услышав их разговор, сразу задергался.

— Нет, не будет, — заявила Мия. — Ему будет просто отлично, Малыш. Вешай.

Великан поднял пленного и повесил на высокое дерево, обмотав веревку вокруг толстой ветви. Как только пленный повис вниз головой, он стал раскачиваться и трепыхаться, но освободиться никак не мог. Скоро он потратил все силы и почти перестал дергаться, только продолжил тихо стонать.

Мия удовлетворенно поглядела на затихшего мужчину, взяла еще один мешок и опять пошла на городской рынок.

К концу дня на деревьях вокруг великана висело человек четырнадцать. Повозка освободилась от мешков и теперь была наполнена кошельками и разными вещами, которые были сняты с попавших в ловушку Мии людей.

— Малыш, — произнесла Мия, глядя на награбленное. — На это мы сможем купить столько еды, сколько ты не сможешь съесть и за... — Тут Мия задумалась. Она хотела сказать «и за месяц», но в это ей верилось совсем слабо, поэтому она пробормотала: — ...И за день, наверное. Все. Бери повозку и пойдем!

— А как же они? — указал великан на мычащих людей, что висели на деревьях, словно диковинные плоды переростки.

— А что с ними? — не поняла Мия. — Пусть висят себе, отдыхают. Кто-нибудь их потом найдет, освободит.

— Мы не можем их так оставить, — уперся он. — Давай снимем их.

— Ты дурак? Они сразу побегут в город и расскажут про нас! Сначала надо убраться отсюда подальше.

— Я никуда не пойду, — сказал он упрямо и сложил руки на груди.

Мия закатила глаза: ее все больше нервировала неуместная — каковой она ей казалась — мягкосердечность великана. Взглянув еще раз на повозку, в которой было столько денег, сколько она не заработала бы и за неделю непрерывного труда у Годрика, она смягчилась и все же позволила великану спустить пленных на землю — но с условием, что он не станет их развязывать. Великан кивнул, по одному сдернул пленных с веток и уложил их под дерево. Оказавшись на земле, они стали извиваться и ползать. Мию это очень развеселило. Она даже

рассмеялась, подумав, что они выглядят как настоящие черви.

Как только великан уложил на землю последнего, Мия уселась в повозку и сказала:

— Уходим.

Великан поднял повозку вместе с Мией на плечо и пошел вперед. Мия указала ему дорогу к следующему городу, где собиралась потратить награбленные деньги, а затем заработать новые.

Пока они шли, великан все молчал. Мия иногда посматривала на него и замечала, что он с каждой минутой становится все более хмурым. «Кажется, с него на сегодня хватит. К тому же вечереет» — подумала она и решила сделать привал. Остановившись, великан опустил повозку. Мия тут же спрыгнула и стала собирать хворост, а угрюмый великан тем временем уселся на землю. Когда хворост был собран, а Мия уже принялась разводить костер, он все сидел и тяжело вздыхал.

— Прекрати, — недовольно взглянула на него Мия, так как каждый его вздох тушил начинавшее разгораться пламя. — Из-за тебя я не могу развести огонь!

— Ладно, — произнес великан и выпустил такой поток воздуха из носа, что огонь совсем потух.

— Черт! — разозлилась Мия и отбросила палки в стороны. — Да что с тобой?! Ты что, заболел?!

— Нет, — коротко бросил он и замолк. Впрочем, его молчание длилось недолго — через минуту он заговорил снова: — Мы сегодня делали нехорошие вещи. Мне такое не нравится.

— А ты что хотел? Таков путь человека, — с философской ноткой изрекла Мия. — Мне он тоже не нравится, ну а что остается?

— Я не чувствую, что от этого становлюсь человеком. Я больше не хочу таким заниматься. И не буду.

— Что это значит? — изумилась Мия.

— Нам нужно разойтись.

— Чего?! Как это — разойтись? И чем ты будешь без меня заниматься? Бегать по лесам как бездомная белка? Без меня тебе не стать человеком, Малыш. Ты что, забыл?

— С тобой тоже, — расстроено сказал великан и упал спиной на землю, отчего вся конструкция из палок, которую Мия строила для костра, развалилась. — Я спать. Утром разойдемся.

Мия подошла к нему и произнесла:

— Разойдемся? Как разойдемся?! Ты привел меня в самую чащобу, и я теперь должна сама отсюда выбираться, пока ты на своих гигантских ножищах шагаешь по километру? Ты понимаешь, на что меня обрекаешь? Меня ведь могут съесть какие-нибудь дикие звери... И вообще, что я такого сделала, Малыш? Я только пыталась научить тебя быть более человечным. Мы ведь сегодня много чего достигли... Например, заработали денег. К этому стремятся все люди! И что, ты вот так сдашься? Наконец понял, что людям нелегко, и теперь сдашься? Тогда не надо было вообще задумываться о том, чтобы становиться человеком! Ты слышишь? Слышишь? Я не люблю, когда меня игнорируют!.. Ты же знаешь, я желаю тебе только добра, Малыш. Мы ведь дружим... Или ты больше не хочешь со мной дружить? Но я ведь хочу! Ты мой друг, Малыш! Ты слышишь?!

Она еще долго продолжала говорить, а великан все молчал. Мия даже подошла к его лицу и собралась говорить прямо ему в ухо, но он перевернулся на бок. «Как ребенок!» —

злобно прокомментировала Мия и замолчала. Снова соорудив из хвороста домик, она наконец удачно развела огонь.

Когда свет костра растопил ночную тьму, великан вздрогнул. Раньше он видел огонь так близко разве что на факелах, которыми его гнали люди. Мия заметила его реакцию, но говорить ничего не стала. Достав из своей походной сумки плащ, она укуталась в него, легла около костра и стала обдумывать, как дотащить повозку до ближайшего города без помощи великана. Вскоре они оба уснули.

... Утром великан проснулся от изумленных криков Мии.

— Вставай! Вставай, Малыш! — повторяла она, дергая его за щеку.

— Что?.. — сонно спросил он, открывая глаза.

— Вставай, говорю! И погляди, что с тобой стало!

Великан подумал, что она решила как-нибудь его перехитрить, чтобы он продолжил ей помогать, и отвернулся.

— Я говорю правду! Ты уменьшился!

— Угу, — промычал великан, не веря ее словам. Однако ему так хотелось, чтобы это было правдой, что он все-таки поднялся.

Встав на ноги, он сначала подумал, что его все-таки обдурили; потом он присмотрелся к окружению и вдруг понял, что его голова, даже если он не пригибается, уже не выглядывает поверх крон деревьев. Слова Мии оказались правдой — великан уменьшился примерно на полголовы.

— Уменьшился! — возликовал он. — Ты была права, Мия!

— Я ведь говорила, — довольна улыбнулась она, хотя вовсе не понимала причин, по которым произошло это чудо — для нее самой это стало шоком; тем не менее она умело делала вид, будто знала, что так произойдет, и продолжала играть роль. — Мой метод работает! Я сомневалась, что он подействует так быстро, но... А ты думал, что я лгунья, да? Так что, ты все еще хочешь разойтись?

— А?.. Наверное, нет... Прости, что не верил, Мия. Я хочу еще учиться у тебя, чтобы стать еще меньше. Но... мы можем не делать то, что делали вчера?..

— Только так мы сможем добиться результатов! — завершила Мия. — Это ведь твоя мечта — стать человеком. Какая разница, каким способом ее достигать? Важна цель! Тем более, другого способа нет... Только представь себе: уже скоро ты сможешь зайти в человеческий дом, улечься в человеческую кровать, не сломав ее, поесть из тарелки обычного размера, попить из обычной чашки!.. Разве тебе не хочется этого?

— Хочется, — согласился великан, мечтательно глядя под ноги. — Очень хочется. Но мы же не будем делать чего-то еще хуже, а, Мия? Я не хочу быть злым...

— Хуже — лучше, добро — зло... Это все категории, а их в мире людей просто не существует, Малыш. Слушай меня, и скоро станешь человеком. Договорились?

Мия, глядя на великана с надеждой, протянула вверх руку. Великан замешкался, но все же прикоснулся к ее ладони указательным пальцем.

Глава шестая: Смех Валентино

Три следующие недели великан и Мия странствовали от города к городу. В каждом из них Мия повторяла одну и ту же хитрость: приходила на рынок, закупалась необходимыми предметами и припасами, относила их в лес, а потом поштучно продавала их за бесценок и заманивала неудачливых покупателей к великану. На этом она не остановилась и придумала новый способ пополнить карман — они стали грабить проезжавших по тракту людей, среди которых иногда попадались довольно богатые купцы или даже дворяне; у них Мия забирала не только деньги, но и все драгоценности, что находила.

Однажды Мия оставила великана в лесу, а сама ушла в город, к которому они подобрались утром. Там она купила себе новую одежду, после чего отправилась в дорогую гостиницу, комнату в которой раньше никогда не смогла бы себе позволить. Работникам гостиницы она показалась ребенком, который сбежал от богатых родителей и прихватил с собой целое состояние, но вопросов они не задавали — она обходилась с ними довольно щедро, и им не хотелось ее отпугнуть. Оказавшись в комнате, Мия сразу же кинулась принимать ванную. Она использовала все склянки и баночки, что лежали на дощечке подле ванной, и вскоре помещение обволокло густой пар, источавший запах эфирных масел и мыла. Вдоволь наигравшись с розовой пеной, что покрывала воду густым слоем, Мия принялась мыться. Вскоре она почувствовала себя обновленным и даже довольным человеком. Никогда до этого гигиенические процедуры не доставляли ей такого удовольствия. «Но дело вовсе не в ванной, — подумала она. — Кажется, я теперь независима». Она даже задумалась над тем, чтобы оставить великана в лесу и забыть о нем, а самой продолжать жить в разных дорогих гостиницах, словно принцесса, на те деньги, что она заработала. Но эта мысль существовала лишь мгновение; может, на эти деньги она и смогла бы довольно долго жить, ни в чем себе не отказывая, но ей не этого хотелось. Она решила, что будет с великаном, пока есть такая возможность, и с его помощью заработает столько денег, сколько сможет.

Покинув гостиницу, Мия отправилась в городские конюшни, где приобрела большую закрытую карету, бордовую снаружи и с черным салоном внутри. Так как сама довезти ее до великана она не могла, пришлось воспользоваться услугами извозчика. Сначала извозчика довез ее до рынка, и Мия загрузила в карету целую кучу мешков с простой едой: хлебом, мясом, запеченным картофелем и различными вареными крупами. Все это предназначалось великану.

Доехав по тракту до определенного места, Мия велела извозчику остановиться, отстегнуть лошадь и уезжать. Тот удивился, но поручение выполнил. Когда он исчез, Мия вылезла из кареты и углубилась в лес; там она быстро отыскала место, где сидел великан.

— Думал, я про тебя забыла, да? — спросила она, подойдя к великану.

— Мия! — обрадовался он, увидев наставницу. — Конечно, я о таком даже не думал...

— Еще бы ты о таком подумал! — все-таки нашла повод возмутиться Мия. — Я, между прочим, все это время выбирала для тебя подарки. Идем, я покажу, что прикупила.

Они пришли к карете, и великан стал с любопытством ее разглядывать.

— Это что, мне? — спросил великан.

— Нет, дубина. Это мне. Хотя и тебе нести такую прелесть будет приятнее, чем ту старую развалюху. А тебе я вот что привезла...

Она перетасила все награбленное с телеги в карету, затем заглянула внутрь салона и

вытащила наружу два мешка — один с мясом, другой с хлебом. Великан поднял мешок с хлебом, высыпал все, что было внутри, себе на ладонь и закинул в рот. Потом проделал то же самое с мясом.

— Вкусно, — сказал он.

— Вот и хорошо. Там есть еще, но это попозже, а то все в один присест съешь. Все, убираемся отсюда.

Она залезла в карету, великан положил ее себе на плечо и пошел.

Они вышли к широкому полю, когда начался сильный ливень. Небо вспыхнуло, засверкало, и Мию тут же охватил страх, что размеры великана превратят его в громоотвод, и в них, находящихся посреди голого поля, ударит молния.

— Давай обратно в лес! — скомандовала она великану, и он быстро добрался до опушки, где сел под деревьями на корточки, опустил карету вниз и закрыл грудью от дождя. Несколько минут они слушали, как капли стучат по лужам и воет ветер, а затем великан, глядя куда-то вверх, произнес:

— Красивая погода. Тебе так не кажется, Мия?

— Погода есть погода, — сказала она, открыв дверь кареты и высунув наружу ноги, обутые в новенькие кожаные туфли. — Мне не четырнадцать, чтобы радоваться такому.

— Тебя, наверное, больше радуют деньги?

— Это что, укор? — нахмурилась она.

— Что? Нет... Я просто спросил.

— В любом случае ты близок к правде. Но радуюсь я не деньгам, а тому, что они дают. Это называется свобода, Малыш. Люди этого не понимают. Для них деньги — всего лишь монетки.

— Мия, почему одни богатые, а другие бедные? — спросил великан после новой недолгой паузы.

— У всех по-разному. Кто-то родился богатым, кто-то много работал и разбогател.

— Все бедные мало работают?

— Нет. Некоторые работают больше, чем любые другие. Просто деньги не ко всем приходят.

— А ты сейчас бедная или богатая?

— С чего это ты так заинтересовался деньгами? Уже думаешь, на что будешь жить, когда станешь человеком?

— Просто ты так много делаешь для денег. Вот, стало интересно.

— Понятно. Сейчас я скорее богатая, Малыш. Нашими общими усилиями. А всю жизнь до этого я была бедной. Я смотрела на богатых и не понимала... Почему это не я родилась в большом доме? Почему не за мной ухаживает служанка? Почему не мой папа казначей? Хотя всегда понимала, что нет в мире справедливости и прочей подобной чепухи. Все это — дело случая, не более.

— А богатые — плохие люди?

— Богатые — просто люди. Поменяй местами их и бедных — ничего не изменится. Думаешь, разбогатевший босяк кинется помогать тем, с кем раньше тонул в нищете? Пф... Нет, этого не случится. Не в этой жизни.

— Если бы я разбогател, я бы хотел помочь кому-нибудь. И тебе бы я хотел помочь.

— Это первая причина, по которой ты никогда не разбогатеешь, Малыш. Даже если... даже когда станешь человеком. Но спасибо, я оценила. А вообще — тебе и не стоит

беспокоиться о деньгах. Сдается мне, ты и без них неплохо поживешь.

— Думаешь, я смогу жить как обычный человек?

— Почему нет? Никто ведь не узнает, что ты был тем самым большим и страшным великаном.

Великан на это ничего не ответил, только как-то безрадостно уставился в сторону. Почувствовав, что настроение у него совсем понурое, Мия решила продолжить:

— Лучше бы ты беспокоился не о себе, а обо мне. Я-то не поменяюсь, и меня по-прежнему смогут узнать. А защитить ты меня уже не сможешь. Какой из тебя будет защитник, если ты станешь обычного роста? Ты даже драться не умеешь.

Великан все молчал.

— Чего ты такой загруженный, а?

— Не знаю, Мия, не знаю... Как-то все это странно. Ты говоришь такие вещи... Я тебе верю, но... Ты бы не хотела надеяться, что мир немного лучше?

— Надеяться? Я как бы все своими глазами вижу и выводы делаю соответствующие. К чему надеяться?

— А я надеюсь...

— На что?

— Может быть, есть какой-нибудь другой способ стать меньше, — сказал великан. — Если я его узнаю, мне не нужно будет совершать все эти поступки.

— Глупости! — поспешила разуверить его Мия. — Это единственный способ. И даже не думай больше об этом.

Вдруг словно из ниоткуда перед ними возник мужчина. Молодой — лет двадцати пяти или шести, с аккуратной козлиной бородкой, светлыми кудрявыми волосами и большими то ли серыми, то ли голубыми глазами. Он спокойно, будто ничего необычного перед собой не видит, прошагал к опушке и встал прямо перед великаном.

— Это еще кто такой? — удивилась Мия.

Мужчина вежливо поклонился Мии, великану, а затем представился. Звали его Валентино, и он проездом был в том самом городе, где Мия недавно приобрела карету. Когда Мия спросила, как он их нашел, он честно признался, что проследил за ней сначала до места, где она встретилась с великаном — благо ехал извозчик неторопливо, — а потом и до этой самой опушки.

— А зачем тебе вообще было следить за мной? — спросила Мия.

— Я узнал вас по описанию. Девочка, которая выглядит как... м-м... простите меня, малолетка, но ведет себя как взрослая, еще раз простите, стерва. Так мне рассказывал один человек, которого все вокруг считали сумасшедшим. Я, впрочем, тоже... Однако, когда я вас увидел, во мне разыгралось любопытство. Что, если великан действительно существует? Как вы понимаете, любопытство мое оправдалось.

— Ну, нашел ты нас, — сказала Мия, спрыгивая к нему с кареты. — Теперь я, Валентино, попрошу тебя об одной услуге: выкладывай сюда все, что имеется у тебя ценного.

Валентино несколько секунд удивленно моргал, затем громко рассмеялся и стал бить себя ладонями по животу.

— Чего смешного? — посерьезнела Мия. — Эй, великан. Ну-ка подними его в воздух и потряси как следует.

— Но Мия, — смутился великан, которому Валентино явно пришелся по душе. —

Может, не стоит?

— Делай! — злобно зыркнула на него Мия.

Великан с неохотой поднял Валентино за плащ и немного потряс. К их удивлению, Валентино от этого стал смеяться еще сильнее.

— Да он сам сумасшедший! — воскликнула Мия, с некоторым отвращением глядя на хохочущего Валентино. — Ладно, прекращай.

Великан положил смеющегося Валентино на землю, и тот согнулся, держась за заболевший от смеха живот.

— Ух... — наконец остановил он смех. — Голова кружится... Не знаю, оттого ли, что меня трясли, или от смеха.

— Так что смешного? — повторила вопрос хмурая Мия.

— Не думаю, что вам станет от этого смешно так же, как мне, но... У меня отродясь в жизни не имелось ничего ценного. Вот меня и рассмешило, что вы решили меня ограбить. А если вам нужна пара монет, что ж... — Он достал из кармана несколько монет и протянул их Мии. — Честно говоря, мне даже лестно, что вы обо мне такого высокого мнения! А насчет ваших слов о великане... Боюсь, я подслушал часть разговора между вами и... великан, оказывается, совсем не страшный. Я бы даже сказал, что он производит впечатление отличного человека.

— Отличный человек? — изумился великан.

— Точно! Чтобы это понять, много ума не надо. Следует только чуть-чуть присмотреться.

— Он тебе зубы заговаривает, — обратилась Мия к великану.

— Нет-нет-нет. Я зубы заговаривать не умею: слишком уж я прямой и честный человек. Все это матушкино воспитание... Не знаю, кто воспитал вас, господин великан, но я нахожу нас двоих весьма похожими, — сказал Валентино, а потом с улыбкой добавил: — Неужто матушка у нас одна и та же?

— Сомневаюсь, — покачал великан головой.

— Кхм... — смутился Валентино. — Что ж, видимо, великан слишком высок для шуток такого рода.

— Тебе что надо? — прервала его Мия, у которой Валентино помимо раздражения стал вызывать еще и легкую головную боль.

— Я, можно сказать, ученый. И мне бы хотелось присоединиться к вашей весьма интересной компании... хотя бы ненадолго.

— Говоришь, ты ученый? И что ты изучаешь?

— Мир и людей. Особенно интересуюсь их повадками, привычками... Всем, что из зверя делает человека! Поэтому я не мог упустить шанса оказаться рядом с такими интересными личностями, как вы.

— Так а учился ты этому где? Ты говорил, что ты нищий. Разве нищим дают образование?

— Ох, прошу меня простить, ведь прозвучит это ужасно банально и пафосно: учился я у жизни.

— Ну конечно, — хмыкнула Мия.

— Однако это абсолютная истина!

— А откуда ты взялся, ученый?

— Вы имеете в виду, где я родился? Я родился в городке на западе, он зовется Белымь.

Там я аж до двадцати лет работал у отца.

— Кем?

— Не припомню, чтобы у этой профессии было какое-то конкретное название... В общем, он вместе с местным врачом ходил по городу с такой широкой телегой, собирал в нее трупы. Я, когда немного подрос, подменял его через день. Тот врач, с которым мы ходили, был человек добрый, хоть и достаточно занудный — он научил меня читать. Так что в свободное время я ходил в городскую библиотеку и самостоятельно учился. Потом папа подхватил какую-то заразу и, к сожалению, помер... А я немного устал таскать трупы и отправился смотреть на мир и на людей.

— А деньги у вас на эти путешествия откуда?

— Это допрос? — кажется, обиделся Валентино. — Я ничего против не имею, вы не подумайте... Но кого вы во мне подозреваете?

— Так откуда у вас деньги?

— Их мне много не требуется. Передвигаюсь я на ногах, питаюсь в тавернах. А когда мои скромные запасы подходят к концу, я нахожу способы немного подзаработать... Помогу тут, помогу там. Так скоплю пару монет — и дальше.

— Мия, — встрял великан. — Правда, хватит его расспрашивать. Пусть немного побудет с нами.

— Я не верю ни одному его слову. Так что нет, пусть уходит. Этот лопух явно что-то задумал.

— Мия, я хочу, чтобы он остался.

— Малыш, нет! — раздраженно бросила она.

— Мия. Он останется, — повторил великан.

Она удивленно уставилась на него и нахмурилась. То, что великан так нагло ей перечил, ее обескуражило, и она даже не знала, что делать — да и из-за обиды делать ей уже ничего не захотелось. В конце концов она махнула рукой: «Будь по-твоему». Напоследок посмотрев на Валентино, который, перехватив ее взгляд, как будто извиняясь пожал плечами, она скрылась за дверью кареты. «Да пропади они оба пропадом!» — думала она, хотя понимала, что лучше ей от этого никак не станет.

— Ты говорил, что изучаешь людей, — произнес великан.

— Говорил, все верно, — кивнул Валентино.

— Расскажи мне о них.

— Что тебя интересует?

— Все.

Валентино кивнул с очень серьезным видом. На протяжении получаса он вел для великана целую академическую лекцию о том, кто такие люди, начиная с того, что все они — млекопитающие, и заканчивая процессом их появления. Великан слушал и почти ничего не понимал, однако Валентино рассказывал с такой энергией, что слушать его было очень интересно. Это напоминало ему разговоры с Мией, однако Валентино располагал к себе даже больше: он на великана не ругался и отличался большей отзывчивостью.

— Чтобы быть человеком, нужно пить молоко? — сделал вывод великан.

Валентино рассмеялся.

— А так и не скажешь, что у тебя такое чувство юмора, великан! Это очень, очень забавно! Но нет, чтобы быть человеком, нужно всего-то быть человеком. Это очень просто. Если тебя это интересует, у тебя уже получается.

— Уже? — поразился великан и попытался разглядеть свой силуэт в небольшой луже под деревьями, чего сделать, конечно, не смог.

— Конечно. Если тебя так волнует этот вопрос... Знаешь, я люблю разговаривать во время прогулки. Давай пройдемся по лесу? Только вдвоем. Так разговор пойдет гораздо лучше, и узнаешь ты гораздо больше. Тем более дождь закончился. И этот запах... Ох!..

— Хорошо, давайте пройдемся, — согласился великан и поднялся.

Мия, сидевшая в карете и внимательно слушавшая их разговор, тут же напряглась.

— Малыш! — крикнула она, высунувшись из кареты. — Куда это ты без меня собрался?

— Я скоро вернусь, Мия, — обернулся великан, уже сделавший пару шагов вперед.

— И что, ты оставишь меня здесь одну?!

— Я скоро вернусь, — повторил великан, и они с Валентино неторопливо побрели в лес.

«Да черт бы их побрал!» — еще больше разозлилась Мия и захлопнула дверь кареты.

— Так ты хочешь стать человеком? — спросил Валентино у великана.

— Да. Мне Мия помогает. Она меня учит.

— И что, результат присутствует?

— Что?

— Помогает обучение, говорю?

— А, да. Мия свое дело знает. Я уменьшаюсь потихоньку.

— Что? Уменьшаешься?

— Да. Это правда. Я сам не мог поверить, но это правда.

— А обучает она тебя с помощью грабежей и воровства, правильно?

— Да, — кивнул великан, и на лицо его показалось некое сожаление.

— Мне кажется, она просто тебя использует, — хмыкнул Валентино.

— Мия? Нет-нет. Она правда учит меня. Но я вот думал... Может быть, есть другой способ обучиться?

— А способ Мии тебе не по душе, значит?

— Не по душе, — согласился великан.

— Понятно, — сказал Валентино. — А теперь послушай меня, великан. Мне кажется тебе ничему не надо учиться. Как я и говорил, ты уже прекрасный человек.

— Но это ведь не так! — воскликнул великан. — Иначе я мог бы жить с людьми.

— Не каждый человек может жить с другими людьми. Это же не значит, что он не человек. Та же Мия — она разве может жить с другими людьми?

— Мия — другое дело. Ее обижали, поэтому она сама ушла.

— Вижу, ты ей веришь. Но зачем тогда захотел со мной побеседовать?

— Ты же ученый. Может быть, ты знаешь другой способ... Скажи, ученый, что такое — быть человеком?

— Хм... Помимо того, что я тебе уже рассказал...

И Валентино подался в долгие философские изыскания, которые великан, даже напрягаясь, понимал через слово.

— Человек — существо неоднозначное, великан, — продолжал Валентино. — И вот мы, люди, все еще в пути. В нас есть мир, но также есть и война... Однако это не значит, что с войной внутри нужно мириться! Идти всегда нужно к миру, великан.

— Это как?

— Ну... Как же это... Идти к миру, значит, иметь в себе такие качества, как

отзывчивость, милосердие, любовь и умение прощать... Например, если тебе сделали больно — не иди воевать, а примиришься, прости, тогда и поступишь правильно. Понимаешь, о чем я говорю?

Валентино вдруг бросил быстрый взгляд назад, подержал его примерно секунду и снова обратился к великану.

— Расскажи мне теперь ты, великан: а какими ты видишь людей?

Великан задумчиво посмотрел куда-то вверх.

— Когда я думаю о людях, я вспоминаю о Норе. Эта женщина была как раз такой, как вы описывали. Правда, в конце концов и она прогнала меня... И я вспоминаю еще много кого. Они уже не были так добры, как Нора... Не знаю. Я не знаю. Так вы говорите, я уже человек. Но что мне тогда делать с ростом?

Валентино не отвечал.

— Ученый? — позвал великан.

Он посмотрел вниз и вдруг понял, что Валентино пропал. Тут же внезапно раздался крик. Кричала Мия. Великан быстро оглянулся, но Валентино найти так и не сумел. На дальнейшие поиски у него времени не было — требовалось срочно возвращаться к Мии.

Прибежав к тому месту, где осталась Мия, великан увидел карету и множество следов от обуви на мокрой земле вокруг нее. Приблизившись, он заглянул в карету и позвал:

— Мия!

Мия отозвалась:

— Ты полный болван, — сказала она, вылезая наружу. Она была цела, но ужасно зла.

— Все в порядке? — чуть успокоившись спросил великан.

— Ничего не в порядке. Ничего! Меня ограбили, черт тебя побери!

— Как ограбили?.. — поразился великан.

— Вот так. Этот «ученый» Валентино отвлекал тебя, пока сюда шли его дружки. Они забрали все! Эти уроды!.. Если б я могла, то... Пф!.. Ну куда ты ушел, куда! Развели как полных дураков!

Мия все ругалась, а Великан, побледнев, молча уставился в ту сторону, куда они с Валентино шли несколько минут назад. По его взгляду было видно, что он еще только соображает, что случилось.

— Ты ничего не хочешь сказать, а? — спросила Мия через полминуты.

— Прости, Мия... — расстроено вздохнул великан. — Я думал, он говорит так правильно. Поверил ему.

— А теперь ты будешь верить только мне, понял? Потому что это я всегда говорю правильно. И больше ты не будешь бросать меня одну!

И хотя эта фраза звучала совсем не как вопрос, великан понуро ответил:

— Больше не буду.

— Запомни, Мальш: все врут. Даже я никому не говорю правду. Никому, кроме тебя, потому что мы друзья. Ты будешь верить только мне, Мальш, а я и так верю только тебе.

А про себя Мия подумала: «Ведь это не так уж и плохо. Пусть я и лишилась немаленьких денег, но их я еще заработаю. А вот то, что великан теперь не будет доверять никому, кроме меня, — это гораздо ценнее».

Глава седьмая: Расправа

После истории с Валентино великан сделался совсем угрюмым. Даже еда, которую Мия приносила, не доставляла ему былого удовольствия. К тому же добавилась новая проблема: он перестал уменьшаться. «Может, я больше и не уменьшусь» — сказал он как-то с грустью в голосе. Мия знала, что их разбойничья жизнь счастья ему не приносит, а если она еще и не будет сопровождаться результатом, — то есть его уменьшением, — то он и вовсе может снова захотеть уйти. Забеспокоившись, она решила, что им следует заняться чем-то более серьезным, нежели грабежи рыночных покупателей и встречных путников.

— Малыш, как мы оба уже заметили, ты перестал уменьшаться, — говорила она. — Это значит только одно: уроки, которые я тебе преподала ранее, ты усвоил отлично. Напомни мне, почему нет ничего такого в том, чтобы грабить людей?

— Потому что каждый человек, если б мог, грабил... — припомнил великан. — Просто все боятся.

— Правильно! Прямо от зубов отскакивает! Но на этом обучение не заканчивается. Я знаю, как сделать тебя еще меньше! Только это будет тяжело. Несмотря ни на что, пообещай, что справишься.

— Я постараюсь, — кивнул великан, даже не подозревая, что затеяла его наставница.

Тогда Мия повела его к городу, в котором выросла, — Верхним Холмам. По пути она старалась на ходу придумать, как заставить великана помочь ей расквитаться с Годриком. Она видела лишь один исход встречи с Годриком, однако великан, чтобы просто согласиться с ее желанием, был слишком добродушен.

— Я хочу рассказать тебе про человеческий мир кое-что еще, Малыш, — зашла она издалека. — У нас есть одно правило: если тебя ударили, нужно обязательно бить в ответ. Иначе будешь никем.

— Тебя кто-то ударил, Мия? — поразился великан.

— Вообще-то, да, — согласилась она. — Есть один человек... Он живет в городе, куда мы едем. Я там выросла, между прочим.

— Твой дом?

— Нет у меня дома, — отрезала она. — Когда-нибудь будет, но пока нет. А этот город им точно никогда не станет. Он ужасен, Малыш. Ужасен.

Мия стала рассказывать о Верхних Холмах: о том, какие плохие там живут люди, как они обижали ее все детство, как издевались над ней. Великан сосредоточенно слушал, и по выражению его лица Мия понимала, когда нужно добавить драматичности в повествование или наоборот умерить пыл.

— И за все годы я не встретила ни одного приличного человека. Потому что таких там нет. Даже я — а я точно знаю, каковы люди и на какую дрянь они способны — понимаю границы. Жители этого города их не понимают. Они все — настоящая грязь, портящая мир. И среди них есть человек, который хуже всех. Его зовут Годрик. Он — настоящее зло.

— Но ты ведь говорила, что зла не существует, — сконфузился великан.

Мия поморщилась — она не думала, что великан запомнит ее слова.

— Это правда. Этих понятий не существует в нормальном мире. Однако давай представим себе человека... Он ворует, грабит, калечит жизни, убивает, и ему от этого становится лучше. Злой ли он? Нет, он просто так живет. Но эта его жизнь не стыкуется с

жизнями других людей. То есть — совершенно никак. Мы с тобой, хотя занимаемся воровством и грабежами (что в нашем случае к тому же необходимый акт для твоего уменьшения), по большей части жизни других не трогаем. Он же их ломает. Разве это нормально, Малыш?

— Эм-м... — затруднялся ответить великан, не до конца понимавший, о чем она толкует. — Ты говоришь очень сложно, Мия. Но мне кажется, это ненормально. Если я понимаю тебя правильно...

— Уверена, ты понимаешь правильно. Так вот. Этот человек — абсолютный ужас, и если он пропадет, то всем от этого станет лучше. Именно такой Годрик. С двенадцати лет я работала на него. Это он научил меня воровать. Но не подумай, что я от него получила только хорошее. Малыш, он... Он заставлял меня делать ужасные вещи... — Мия стала говорить подавленным, плаксивым голосом. — Я... даже не хочу вспоминать об этом... Он поломал мою жизнь, Малыш. Но это ведь несправедливо, что он остается безнаказанным, верно? Ты за справедливость, Малыш? Ты мне поможешь разобраться с ним, правда? Чтобы он больше не сделал подобного ни с кем другим...

Великан слушал ее и постепенно все больше верил ее словам. Ему казалось, что так искренне, как это делала она, не смог бы говорить ни один лжец. Подумав так, он отчасти был прав: говорить все это Мии было легко, ведь она сама почти верила в то, о чем рассказывала. После заданного ею вопроса великан немного помолчал, затем сказал преисполненным сочувствия голосом:

— Конечно, я помогу. Но... Что ты хочешь с ним сделать, Мия?

— Я еще думаю, Малыш, — ответила Мия. — Годрик настолько прогнивший человек... Его, к сожалению, уже не исправишь.

— Но ты ведь не собираешься калечить его?

— Это трудный вопрос, — вздохнула она, пытаясь показать всю тяжесть принимаемого ею решения. — Если Годрика оставить, то из-за него пострадает кто-то другой, кто-то, кто мог жить нормальной жизнью! Ты ведь не хочешь, чтобы подобное произошло?

— Не хочу, — покачал головой великан.

— Это еще один урок, Малыш. Иногда приходится принимать трудный выбор, от которого будет зависеть жизнь: либо одна, либо другая. Поэтому нам придется что-нибудь с ним сделать. — И она повторилась: — Что-нибудь.

Годрик, как обычно, сидел в кабинете, обедал и вместе с тем размышлял над делами воровской шайки, которые в последнее время шли не очень ладно. Отчасти это началось, когда Мия перестала слушаться: все-таки она отлично справлялась с заданиями, придумывала хитроумные планы и была умна и изворотлива, как никто другой. А когда она ушла, отряд воришек очевидно обеднел. Однако проблема заключалась вовсе не в этом — ведь воровской бизнес Годрика держался не на каких-то конкретных людях, помимо него самого, а на их количестве, — а в том, что верхушка городской полиции сменилась, отчего исчезли все бывшие договоренности. Полиция вышла из-под контроля, перестала брать взятки и начала ловить всех без разбору. Методы борьбы с ворами при этом ужесточились: за прошедший месяц на каторге оказались более двух дюжин человек, также были отрублены семь рук, и даже три головы слетели с плеч. Компенсировать потери могли разве что новички, но набирать их в таком количестве за столь короткие сроки не удавалось, да и обучать их приходилось слишком долго. Очевидного выхода из положения Годрик не видел и, как человек наученный многими годами ведения дел, выбрал самый надежный вариант —

ждать. Например, пока новое начальство полиции успокоится, почувствует тяготящую пустоту в карманах и пойдет навстречу. Конечно, при этом бизнес застопорился, а прибыль упала, из-за чего у Годрика начались сильные мигрени — ему ведь нужно было кормить множество голодных ртов, помимо самого большого — своего собственного.

Размышления Годрика прервались, когда раздался неожиданный стук в дверь. Недовольно проглотив кусок курицы в грибном соусе, Годрик неторопливо вытер руки о платок и только после этого громко произнес:

— Прошу, входите.

Дверь медленно подалась вперед. За ней показался мальчишка лет четырнадцати в сопровождении одного из старших. Годрик поприветствовал его нежной улыбкой, после чего перевел остывший взгляд на старшего.

— Что-то срочное?

— Простите, что отвлекли, — залепетал старший. — Этот — толкнул он в плечо мальчишку — говорит, что сегодня видел Мию в городе. Ту самую.

Годрик уставился на мальчишку, вопросительно приподняв брови.

— Да, дядюшка Годрик, — подтвердил тот. — Я ее видел, правда-правда!

— А ты уверен, мой хороший, что это была именно та Мия? — прищурился Годрик.

— Точно она, — затряс головой мальчишка. — Я ее хорошо помню, она была старшей моей группы.

Старший кивком подтвердил его слова.

— Хорошо-о... — заинтересованно протянул Годрик и поманил мальчишку к себе. — Подойди поближе. Расскажи, когда, где и при каких обстоятельствах ты ее видел.

Мальчишка подошел к столу, смешно положил на него подбородок с локтями и стал рассказывать. Оказалось, что он рыскал по городу, намереваясь выполнить стандартный дневной план в пять кошельков, когда увидел приличного вида девчонку на главной площади. Ему показалось, что это либо купеческая дочь, либо кто-то из дворянской прислуги — и в том, и в другом случае, цель подходящая. Проследовав за ней, он пересек несколько улиц, и они оказались в безлюдном переулке. Поняв, что самое время действовать, мальчишка ускорил шаг, подобрался ближе и потянулся к сумке, висевшей на поясе, и в этот же миг девчонка развернулась, схватила его за предплечье и сжала так сильно, что у него из глаз брызнули слезы. Спустя мгновение он и осознал, что на него смотрит та самая Мия. Злорадно ухмыляясь, она приблизилась к нему еще сильнее и прошептала:

— Ты ничего не перепутал?

Он попытался вырваться, но она держала слишком крепко. Тогда он заскулил, как повредивший лапку щенок, и попытался надавить на жалость, но Мия прекрасно знала этот прием и не купилась.

— Слушай сюда, — прошипела она. — Я отпущу тебя, но ты для меня кое-что сделаешь. Передай Годрику, что я скоро приду. Скажи, что я хочу вернуться в дело. А еще передай, что я пришла не с пустыми руками. У меня для него кое-что есть. Одно предложение.

— Какое?..

— Он узнает, когда мы встретимся. Ты меня понял?

— Понял-понял! — застонал мальчишка.

Она отшвырнула его от себя и ушла, а он сразу же побежал к Годрику.

На том мальчишка закончил свой рассказ. Утаил он только одно — Мия подробно

расспросила его о том, как у Годрика идут дела. Мальчик со страху выложил ей всю правду: о том, что платить стали меньше, что полиция рвет и мечет, что Годрик от всего этого не в духе. Не сказал он об этом Годрику, потому что стыдился своего малодушия, а также боялся, что Годрик накажет его за излишне длинный язык.

Годрик слушал, внимательно глядя на мальчишку, и иногда кивал. Когда рассказ кончился, он улыбнулся и произнес:

— Я знал, что она вернется. Дурочка думала, что сможет жить по-другому. Жаль, конечно, что ей не удалось... Но все, что ни делается, — к лучшему. А ты... — потрепал он мальчишку по голове, — ты сегодня натерпелся, да? Сколько кошельков тебе осталось принести?

— Четыре штуки, дядя Годрик... — признался тот, пристыженно опуская глаза; уже приближался вечер, а добыть четыре кошелька за пару часов ему бы вряд ли удалось.

Однако Годрик проявил великодушие:

— Можешь не приносить их, дорогой. Ты и так много сделал. Молодец! Только не забудь добавить в план дополнительно по два кошелька — на завтра и послезавтра.

Знаком Годрик показал старшему, чтобы тот забрал мальчишку и выметался. Оставшись в одиночестве, он стал размышлять, что ему делать с вернувшейся Мией. При расставании он довольно жестко угрожал ей, а теперь не знал, выполнять ли те угрозы. «Может, я поступлю именно так, как обещал, — подумал он. — Но сначала послушаю, что она скажет. Чертовке удалось меня заинтриговать!»

Под вечер Мия появилась перед воровским домом. У дверей стояло три человека — нанятые Годриком охранники. Когда она только начинала здесь работать, дом охранял всего один человек, но с каждым годом Годрик становился все беспокойнее и нанимал все больше людей. Охранники узнали Мию, переглянулись, и один из них ушел внутрь, велев Мии ждать. Через минуту он вернулся и распахнул перед ней дверь. Зайдя в дом, она первым делом поморщилась, вспомнив, как часами носилась из угла в угол с тряпкой в руках. «Всегда стучись, если не хочешь перевыполнять план» — вспомнила она одно из главных правил, оказавшись перед кабинетом Годрика. Хотя желание позлить старика было велико, она все же постучалась. Голос Годрика тут же пригласил ее войти.

— Мия! — со звенящей радостью в голосе воскликнул он, увидав ее перед собой. — Рад тебя видеть, золотце. Как прошло твое путешествие?

— Неплохо, — уклончиво ответила она, обводя взглядом кабинет.

— Да? А я слышал, ты им не очень довольна... Поэтому ты и решила вернуться ко мне, верно?

Мия прошла вперед и села на стул. Охранник встал рядом, пристально за ней наблюдая.

— На самом деле, мое путешествие действительно прошло неплохо. Ты видишь, как я нынче одеваюсь? Это все я не на рынке покупала, а в местах, куда заходит знать.

— То есть в местах, где знать обычно покупает одежду для своих детей? — не удержался и съязвил Годрик, пытаясь подать это как добрую шутку. Впрочем, теперь, когда она обратила внимание на свой внешний вид, он действительно удивился качеству и дороговизне ее одежды.

— Смотри, что у меня еще есть, — произнесла Мия, проигнорировав его слова, достала из кармана мешочек и высыпала на стол его содержимое — кольца, ожерелья, серьги и прочие драгоценности.

Годрик взял одно из колец и стал внимательно его изучать. Он тут же понял, что это не

подделка, и удивился еще больше прежнего.

— Откуда у тебя все это? — нахмурился он, и излучаемая им ранее приветливость тут же испарилась.

— Как видишь, у меня все отлично. А вот у тебя, насколько я слышала... Тот паренек передал тебе, что у меня есть к тебе предложение, да? Это дело, дядя Годрик, может сильно изменить твоё положение. Сейчас ты один из самых богатых людей в этом городе. Если выслушаешь меня и согласишься, можешь стать самым богатым человеком во всем Северном Королевстве.

На лице Годрика отразилось недоверие, но он не перебивал и внимательно слушал.

— Понимаю, что тебе сложно поверить, что я могу предложить что-то дельное... Но дальше верить будет еще сложнее.

— О чем это ты? — спросил Годрик с совершенным отсутствием эмоций, чтобы не показывать свою заинтересованность — что Мия, впрочем, сразу же раскусила.

— Все эти драгоценности — а еще те, что я сюда не принесла — я заработала с помощью великана. Да-да, огромного великана, которого встретила в лесу. Можно сказать, мы с ним хорошие приятели и помогаем друг другу. Он немного туговат, но полностью мне доверяет. Если ты согласишься заключить с нами союз, мы быстро возьмем под контроль весь город, а потом и все королевство.

Годрик некоторое время не произносил ни слова, потом усмехнулся.

— Что ты несешь, деточка? — спросил он и взглянул на охранника, как бы интересуясь: «Ты тоже все это слышал?». — Я гляжу, выпивка проела в твоей голове дыру, раз ты думаешь, что я куплюсь на подобную чушь!

— Я знала, что ты не поверишь, не увидев, — спокойно сказала Мия. — Но великан не может просто так прийти в город, поэтому он не со мной. Хочешь проверить и убедиться? Тогда отправляйся со мной в лес. Или пошли людей, если боишься идти сам.

— Я думаю, ты просто глупая дура, которая решила от меня избавиться, — рассмеялся Годрик. — Ты наверняка наняла каких-то бандитов, которые выжидают в лесу и готовятся напасть, как только я покажусь. Но этого не будет!

— Пф... Дядя Годрик, что ты говоришь? Я о таком даже не помышляла. Клянусь! Пошли со мной людей. Хотя бы одного человека. Кого угодно! Главное, чтобы ты доверял ему. Пусть он подтвердит правду.

Годрик раздумывал какое-то время, затем вызвал того мальчишку, который ранее встретил Мию в городе. Он приказал ему пойти за Мией в лес и проверить, говорит ли она правду о великане. Перед тем как мальчишка ушел, Годрик подозвал его к себе и прошептал, что обещает освободить его от любой работы на целый месяц и выдаст сразу несколько окладов, если он справится. Годрик думал, что таким образом сможет предупредить подкуп от Мии. Каково же было его разочарование, когда мальчик вернулся и дрожащим голосом подтвердил, что в лесу находится настоящий великан.

— Теперь веришь? — спросила Мия, едко улыбаясь.

Годрик не верил. Он вызвал пять человек и снова послал их в лес. Вернувшись, они сообщили, что Мия говорит правду, и потерявший терпение Годрик с криками прогнал их из кабинета. Затем он вызвал еще семь человек и послал уже их. Перед их уходом он встал перед ними и сказал:

— Помните те времена, когда вы только пришли? Я ведь проявил к вам великодушие? Проявил, так ведь? Пустил вас к себе в дом, дал жилье, одежду... Например, тебе, мой

дорогой Генри, я сразу велел дать новую обувь, ведь ты ходил в жуткого вида обносках. Ты помнишь об этом? С того момента вы ни в чем не нуждались, и до сих пор живете лучше, чем могли себе представить каких-то пять-десять лет назад! Вы ведь довольны своим положением? Хорошо. Тогда я хочу, чтобы вы оплатили мне. Сходите за этой мелочью и скажите мне правду — сидит в лесу великан или нет? Ступайте.

Но, несмотря на всего старания, от них он ничего нового не услышал. Не успокоившись, Годрик вызвал еще десять человек — на этот раз разбойников, шантажистов и грабителей, с которыми проворачивал самые темные дела.

— Она всех подкупает! — уверял он их. — У нее куча денег. Не знаю откуда... Целая куча! Вы заберете у нее все и принесете сюда. Убейте ее, если понадобится. Поделит все по-честному. Только будьте аккуратней: в лесу наверняка несколько человек сидит в засаде. Этих точно убейте.

Когда они вернулись, один мужчина подошел к Годрику и нервно доложил:

— Там действительно великан... Настоящий!.. Метров семь ростом! Это... Я такого никогда...

— Вы что, издеваетесь надо мной?! — не выдержал Годрик. — Приведите сюда Мию!

Мию, которая ждала за дверью в коридоре, пригласили внутрь.

— Ну и? — спросила она. — Я уже устала бегать туда-сюда, дядя Годрик. Сколько можно? Когда ты уже поверишь, что я говорю правду?

— Никогда! — воскликнул Годрик. — Я никогда не поверю твоим словам, маленькая дрянь! А вы все... — развернулся он к своим людям и указал на них скрюченным пальцем. — Вы просто жадные твари, предавшие меня за пару монет. Убирайтесь все отсюда!

Они и не знали, что на это ответить. Потупив взгляды, люди Годрика удалились. Сам Годрик, оставшись с Мией наедине (не считая охранника, по-прежнему стоявшего в дверях), задумчиво подергал челюстью и задал вопрос:

— Чего ты добиваешься?

— Изначально я хотела привести нового члена в команду, — сказала она. — Теперь это уже дело принципа — доказать, что великан существует, а я не врала. Неужели ты думаешь, что я хочу навредить тебе? Я понимаю, что у нас сложные отношения, дядюшка Годрик. Да, я бросила тебя, а ты нагрубил мне. Но это в прошлом. Может, я и не была всем довольна... но неужели ты думаешь, что я не благодарна тебе? Ты был прав — те дети, которые не остались в нашем доме, вскоре либо умирали, либо жили совсем жалко, питаясь объедками и мусором. Я правда благодарна тебе за то, что ты предоставил мне дом, еду, одежду — нормальную жизнь. Я знаю, что ты относишься ко мне почти как к дочери, и я сама отношусь к тебе почти как к отцу. Так поверить мне, Годрик! Великан существует! Он принесет тебе пользу, вот увидишь. Если хочешь точно убедиться, пойдём со мной. Он здесь, совсем недалеко за стеной.

Годрик глядел на нее почти не моргая, и на секунду ей показалось, что он поверил. Тем не менее через секунду его губы расплзлись в ядовитой улыбке, и он сказал:

— Нет-нет-нет... Это я — постучал он по груди — научил тебя врать, моя прелестная крошка. Я это вранье за версту почую, а на таком близком расстоянии им просто несет! Говоришь, относишься ко мне как к отцу? А разве у тебя когда-нибудь был нормальный отец, чтобы ты могла понимать, что означает «относиться как к отцу?» Нет, ты не знаешь... Я не верю ни одному твоему слову. Я верю только в то, что ты принесла сюда кучу

драгоценностей. Не знаю, как ты их достала, но... У тебя лишь один вариант — приведи своего великана в город, к моему дому, к самой моей двери. Только тогда я, может быть, поверю. Но этого не случится, не так ли? Никто не придет. Потому что нет никакого великана, а ты просто жалкая неудачница и плохая лгунья.

— Хорошо, — спокойно согласилась Мия. — Тогда не торопись засыпать сегодня, потому что он будет здесь, когда наступит глубокая ночь.

Сказав это, она ушла.

Мия была слегка разочарована тем, что ей не удалось вытащить старика из дома. Зная, что он никому не доверяет, она полагала, что рано или поздно он решит проверить все сам и отправится с ней в лес. Хотя она больше импровизировала, чем действовала по какому-то плану, цели она достигла — Годрик и великан все же встретятся. Произойдет это в лесу или в городе — уже не так важно. И сложилось все крайне удачно: если бы Мия решила привести великана к Годрику просто так, Годрик, вероятнее всего, успел бы сбежать, а теперь он сам ждал этой встречи. Мии, однако, еще оставалось придумать, как протащить семиметрового великана в город. Недолго поразмыслив, она решила, что в этом нет никакой проблемы: «Почему это великан должен оставаться незамеченным? Я вовсе не против навести панику на этот муравейник». И она даже улыбнулась, представляя, как от нее, сидящей на великаньих плечах, в страхе разбегаются люди.

...К полуночи Годрик все сидел в своем кабинете и раздраженно стучал ладонями по столу. Он был уверен, что Мия дурит его, но просто пойти спать он все же не мог — не ушла же она насовсем, бросив затею поквитаться с ним. Так он сидел без дела несколько часов, пока вдруг не услышал, что в городе что-то началось: раздались крики и вопли, затрезвонили колокола, послышался шум бегущей толпы. Через минуту к нему вбежал один из старших.

— Дядя Годрик! В городе великан! — пролепетал он, глядя на Годрика круглыми от ужаса глазами.

Годрик на это лишь фыркнул и махнул рукой, приказывая тому уходить. Он плохо понимал, что творится, и в голову ему лезла полная чушь, вроде того, что Мия подкупила весь город и заставила жителей играть в своей пьесе, и все ради него — чтобы обмануть Годрика. «Абсурд? — спрашивал он себя. — Да, абсурд. Но я скорее поверю в дракона, о котором рассказывала пьянь в борделе, чем в великана, о котором рассказывала эта мелкая сука. Нет, она что-то задумала... Она коварная, скользкая — это я научил ее быть такой! Но она все равно не сможет провести меня. Ей не удастся меня обмануть».

Через несколько минут старший снова заглянул к нему в кабинет.

— Все бегут, дядя Годрик! Даже охрана ушла! Великан идет прямо сюда, к дому! Уходим, дядя Годрик!

Годрик рассмеялся.

— Убирайся отсюда, чертов предатель, — выплюнул он, прекратив смеяться. — Чтобы я тебя никогда больше здесь не видел, ублюдок. Убирайся!

Старший ушел, а Годрик остался сидеть в кабинете.

Через некоторое время весь воровской дом, где остался один лишь Годрик, затрясся. Тряска была столь страшной, что Годрик, взглянув вверх, стал опасаться, как бы потолок не свалился ему на голову. Вдруг дверь кабинета распахнулась без стука. На пороге стояла Мия. Увидев бледного Годрика, она подумала, что он сошел с ума: его голова дергалась, рот судорожно хватал воздух, глаза безумно метались из одного угла кабинета в другой.

— Ну что, дядюшка Годрик, — произнесла она торжественным тоном. — Идем, я

покажу тебе великана.

Годрик безропотно поднялся и пошел за Мией. Они вышли из дома. Только Годрик ступил за порог, его тут же подхватила неведомая сила и подняла высоко вверх. Не желая видеть того, что его держит, Годрик зажмурился. Он пронзительно завопил, а вылетающие из его рта слюны остались на губах и подбородке белой пеной.

— Теперь веришь?! — кричала ему Мия снизу. — Вот он, великан! Посмотри на него, Годрик! Посмотри!

Годрик по-прежнему держал глаза закрытыми. Мию это разозлило. Она хотела сказать что-нибудь еще — она даже готовила своего рода речь, которую планировала произнести перед последними мгновениями старика, но вдруг поняла, что говорить ей нечего.

— Давай его сюда! — скомандовала Мия великану.

Великан смотрел на Годрика и не понимал: «Вот этот старый человек причинил Мии столько зла?» Он еще не до конца осознавал, что Мия собирается делать, но видел, как в ее руках блеснуло лезвие ножа, и чувствовал, что отдать ей Годрика будет неправильно, но в то же время слишком доверял ей, чтобы отказать. Он долго стоял, сомневаясь, и Мия вновь закричала:

— Либо раздави его сам, либо отдай его мне!

Все же поддавшись ее воле, великан аккуратно положил трясущегося Годрика на землю. Тот сразу же повернулся набок и обхватил голову руками. Мия подошла к бывшему наставнику, опустилась рядом с ним на колени. Теперь медлила уже она. Ее брови поползли вверх, изо рта вылетел короткий смешок, после чего она рассмеялась во весь голос. Смех продолжался неестественно долго — Мия просто не знала, когда прекратить. А когда она все же закончила смеяться, на ее губах не осталось и следа от улыбки. Ее лицо накрыла черная тень. Как только стало понятно, что грядет, великан сразу пожалел о своем решении. Ему захотелось схватить Мию и унести подальше от Годрика, а о нем самом навсегда забыть. Однако он не пошевелился, лишь зажмурился. Развернув безропотно Годрика к себе, Мия вонзила нож ему в горло.

Годрик уже перестал хрипеть и обмяк, а Мия все сидела перед ним на коленях и смотрела куда-то вниз. Было сложно понять, выражает ли ее лицо печаль или так кажется из-за накрывшей его тени. Не желая больше оставаться в городе, великан без спросу поднял наставницу и направился в сторону леса. Она не протестовала.

Улица, по которой они шли, была совершенно безлюдной, но по доносившимся издали крикам было ясно, что город покинули далеко не все. Внезапно Мия заметила здание городского банка и вспомнила, что в него устраивался работать ее старый знакомый — старший ее группы Салли. Мию вновь переполнила злость.

— Уничтожь это здание, Малыш, — сказала она.

— Вдруг там люди? — забеспокоился великан.

— Там никого нет. Внутри пусто. Давай, сделай это. Пожалуйста. Ради меня, Малыш.

Она так отчаянно просила, что великану пришлось согласиться. Через минуту городской банк перестал существовать. И Мии больше удовольствия доставил не тот факт, что великан нес в своих ладонях золотые запасы банка, а тот, что Салли больше нигде было работать. Прежде чем покинуть место, которое Мия с самого детства не желала считать родным домом, она уговорила великана разрушить еще несколько зданий.

Достаточно далеко удалившись от Верхних Холмов, великан, держа карету с Мией, пришел на большое поле. Стояла ночь, и через густой туман где-то вверху прорывались

очертания полной луны. Усевшись, великан положил карету на колени и тяжело вздохнул.

— Мия, — позвал он. Мия высунулась из окна кареты и положила руки на края оконной рамы. — Что мы наделали?

— Мы покончили с одним никчемным стариком и разрушили несколько зданий одного никчемного города. Вот, что мы наделали.

— Зачем?

— Тебе будет сложно поверить, — произнесла Мия, и великан не узнал ее голос — он был тихим, печальным, и в нем чувствовалась боль, — но мы сегодня спасали мою жизнь.

— А не было какого-нибудь другого способа ее спасти?

Мия хмыкнула — другого способа она действительно не представляла.

— Нет, Малыш. Не было. Я же говорила: либо одна жизнь, либо другая. А ты отлично справился, — добавила она. — Уверена, после сегодняшнего дня ты станешь еще меньше. Еще ближе к людям.

Великан поглядел на свои ладони, будто ожидая, что они вот-вот станут уменьшаться, и снова вздохнул.

— Ты знаешь людей лучше меня, Мия. Скажи, они часто чувствуют себя так плохо, как я сейчас?

— Каждый день, — ответила Мия.

Глава восьмая: Барон

Постепенно слухи об ужасающем великане, что напал на мирный город и занимается грабежом людей на дорогах, распространились по всему Северному Королевству. В дополнение к этому, панику усиливали внезапно появившиеся люди, которые клялись, будто это именно их ограбил тот самый великан на пару с маленькой девочкой. И за несколько следующих месяцев количество таких людей сильно увеличилось. Все они принадлежали совершенно разным сословиям, и если барону по имени Брюлон, которому принадлежали те земли, слова простолюдинов казались не слишком достоверными, чтобы их вообще замечать, то голоса более влиятельных персон до него все же добивались. Впрочем, верить в них он все равно не собирался.

— Какое-то массовое помешательство, — прокомментировал он очередную поступившую жалобу о великане.

Хоть барон и не был уж очень толст, его по праву считали обладателем самых больших в Северном Королевстве щек. В остальном он был не особо примечателен, разве что парики выбирал не по моде. Находился он тогда в своей резиденции, в гостиной на втором этаже особняка вместе с женой и другом семьи — графом Стотсом, долговязым мужчиной лет сорока пяти.

— Надо сказать, разговоров об этой напасти столько, что на простое помешательство это не похоже, — сказал граф Стотс.

— На что вы намекаете? Что большой и ужасный великан, напавший на никому не сдавшийся город и грабящий людей на дорогах, существует?

— Почему вы уверены, что это не так, дорогой? — поинтересовалась жена — миловидная дама, которая, в отличие от мужа, все свое убранство выбирала соответственно моде.

— Потому что я еще не сошел с ума. Задайте себе пару вопросов. Зачем великану грабить людей? Он что, собирает деньги на раздачу долгов? Почему он не убивает этих якобы бедных людей, а просто грабит? Ценит жизнь, что ли? Что за мелкая девчонка с ним ходит? Дочь? Почему она тогда не великанша? Вопросов множество, а ответ в голову приходит только один — чушь все это.

— Кто же тогда разрушил тот город, позвольте спросить? — задал вопрос Стотс.

— Разрушил! Пф... Да там всего-то пары домов не стало. В мире что, мало всяких природных катастроф? Пускай будет ураган, например.

— И этот ураган был такой своеобразный, что особо пристальное внимание уделил городскому банку? Жадный, по всей видимости.

— Прекратите так глупо шутить... — махнул на него барон Брюлон. — И так голова болит. Я вам скажу вот что: эти разговоры — просто повод потребовать компенсацию. У меня! Всем известно, что мои деньги не дают покоя людям. И я их прекрасно понимаю. Что уж там, они мне самому покоя не дают! Поэтому, если бы была хоть маленькая вероятность, что угроза существует, я бы сделал все, чтобы ее устранить. Уверяю, самое громадное чудовище, которое досаждаст нашему любимому Королевству, — это слухи.

И он, устав от разговоров о великане, которые преследовали его весь последний месяц, поднялся со стула и отправился в свои покои.

— А вы что думаете? — спросил граф Стотс у жены барона, когда они остались

одни. — Стоит нам бояться?

— Я обычно оставляю подобные раздумья мужу. Но как-то беспокойно за дочь и брата... Видите ли, Брюлона приглашали на ужин в Красную усадьбу — это где-то в трех днях пути. Сам он ехать не хотел и вместо себя послал Присциллу с Молюйсом. Они уже едут обратно, но сердце у меня отчего-то не на месте. Все-таки не стоило им уезжать так далеко в такое время...

— Беспокойтесь из-за великана? — уточнил он.

— Почему обязательно из-за него? — смутилась она. — На дорогах можно много бед найти. Бандиты всякие. Или ураган начнется...

Экипаж с дочерью барона тем временем находился примерно в полудне пути от резиденции. Погода стояла жаркая, и семнадцатилетняя Присцилла не переставая обмахивалась большим зеленым веером. Граф Молюйс, что сидел рядом, тоже страдал от жары; иногда он поворачивался к племяннице и просил:

— Присцилла, родненькая, махни и на меня пару раз.

Когда они проезжали мимо леса, кони вдруг замедлились и стали озираться по сторонам. Раздраженный кучер ударил по ним хлыстом, однако с места они не сдвинулись.

— Чего такое там происходит? — утомленно поинтересовался Молюйс, и в этот момент из леса вышла маленькая девочка. Она встала прямо перед лошадьми и крикнула кучеру:

— Дальше вы не поедете.

— С чего бы? — нахмурился кучер и взглянул в сторону леса, ожидая увидеть там бандитов. Сначала он никого разглядеть не сумел. Затем холм, что находился за деревьями в небольшом отдалении, стал подниматься и постепенно превратился в огромную фигуру. Когда перед ними предстал великан, кучер потерял дар речи, а Присцилла и граф Молюйс, которые видели все из окна, в ужасе раскрыли рты.

— Выходите, встаньте рядом с каретой, — громко сказала Мия, и они беспрекословно выполнили приказ.

— Прошу, не губите! — взмолил Молюйс, не отводя взгляда от великана.

— Не будем, если вы отдадите все деньги и драгоценности, что у вас есть.

— Мы отдадим все, только не трогайте нас, — согласился граф. — Вы обещаете, что не тронете?

— Кому вы сдались? — усмехнулась Мия. — Мне старый хмырь с малолеткой и кучером ни к чему.

Эти слова явно задели честь гордого графа, и он тут же разозлился, да так, что даже страх перед великаном не смог сдержать его гнева:

— Да вы хоть знаете, кто я такой!

— Очень интересно послушать, — хмыкнула Мия.

— Шурин барона Брюлона, граф Молюйс! А это — дочь барона Присцилла! Если вы не отпустите нас, вы рискуете столкнуться с праведным гневом барона, которого я вполне могу назвать своим дорогим братом!

Мия удивленно взглянула на графа. Оценив качество его одежды, наряд стоявшей рядом девушки и помпезный вид кареты, она сделала вывод, что перед ней действительно могут стоять шурин и дочь барона.

— А знаешь... — сказала она. — Дорогой не только твой брат, но и ты.

Поняв, что совершил большую ошибку, выдав себя, граф поджал губы и посмотрел на племянницу жалобным взглядом. Присцилла, в свою очередь, отвела глаза к небу.

Даже когда все драгоценности, что были у пленных, оказались у Мии в кармане, она не спешила их отпускать. Приказав им вернуться в карету, она отправила кучера на лошади в резиденцию барона за солидной суммой выкупа.

«Повезло так повезло» — думала довольная Мия. Такой удачи она давно не встречала. С тех пор как они напали на Верхние Холмы, а в слухи о ней и великане верило все больше людей, она перестала появляться в городах, боясь, что кто-нибудь может ее опознать. Из-за этого пришлось отказаться от старой схемы ограблений рыночных покупателей и сосредоточиться на проезжавших близ леса повозках и экипажах. Хотя добычи это приносило больше, рада она не была — перспектива провести всю жизнь с великаном в лесу ее не устраивала, к тому же негде было тратить заработанные деньги. Однако той сумме, которую она затребовала от барона, не радоваться она не могла.

Пока Мия думала о том, как распорядиться деньгами, которые вот-вот должны были приехать вместе с кучером, великан сидел рядом с каретой и следил за тем, чтобы Моллойс и Присцилла не выходили наружу.

— Брюлон не простит меня... — нервно вздохнул Моллойс, переживающий из-за совершенного просчета. — Сколько денег!..

— Дядя, что вы нервничаете из-за денег? — перебила его Присцилла. — Главное, чтобы мы вернулись здоровыми...

— Так или иначе, мне не поздоровится! — запричитал он, схватившись за голову. — Если бы можно было заснуть на пару недель, чтобы проспять все дни предстоящего стыда, я бы так и сделал...

— Может, они отпустят нас пораньше... А деньги им попозже привезут, — наивно предположила Присцилла, высунула голову в окно и обратилась к великану: — Простите!

Великан опустил на нее взгляд.

— Отпустите нас, пожалуйста, — попросила она. — Дядюшке нехорошо. Ему бы поскорее в резиденцию...

— Отпустим тогда, когда получим деньги, — сказал великан, бросив на нее довольно безразличный взгляд.

— Простите, но зачем вам деньги? Вы ведь великан!

— Это дело не ваше, — отозвался он.

— Прекрати так вежливо говорить с этим извергом, — одернул племянницу Моллойс. — Так ты от них ничего не добьешься. Если и пробовать, то только вот так... Эй, великан! Если ты сейчас же нас не отпустишь, мой брат твою огромную голову в твою еще более огромную задницу засунет!

Великан, который за время путешествий с Мией привык выслушивать угрозы от пленных, только пожал плечами.

— Ты что, не слышишь?! — продолжил Моллойс. — Я говорю, если ты нас не отпустишь, твоя башка будет перед моим домом лежать, а из твоих ушей и рта будет вода струиться, как из фонтана!

Великан нахмурился и пальцем ткнул в карету, отчего Моллойс ахнул и схватился за Присциллу, чтобы удержаться.

— Сиди давай, — велел великан и отвернулся.

— Дядя, вы его разозлили!.. — раздосадовано прошептала Присцилла.

— Ну и плевать. Все равно не о чем с ним разговаривать.

Присцилла к дяде не прислушалась. Снова высунувшись в окно, она опять обратилась к

великану, только уже тише, чтобы Мия их не услышала.

— Простите моего дядюшку, он бывает очень грубым... Скажите, вы ведь нас не убьете?

Великан хотел соврать и сказать, что убьют, если не получат деньги, но, взглянув на девушку, отчего-то передумал:

— Не убьем. Но сначала выкуп.

— Я вам верю, — кивнула Присцилла. — Знаете... вы совсем не похожи на злого великана.

— А на какого похож? — усмехнулся великан.

— На обычного... Только почему вы занимаетесь подобным? Зачем грабите людей?

— Зачем?.. Просто я учусь быть таким же, как люди.

Увидев, что великан говорит с пленницей, Мия стала внимательно прислушиваться.

— Но люди совсем не такие! — возразила Присцилла. — Это звери такие. Человек должен быть добрым, помогать тем, кто вокруг, не грабить людей или брать их в плен, тем более...

— А еще люди никогда не врут, да? — воскликнула Мия. — Между прочим, эта милая девочка, с которой ты говоришь, сейчас как раз врет. Она говорит, что человеку не пристало грабить. А кто твой отец, девочка?

— Мой отец — барон, — гордо заявила Присцилла. — Человек с большой буквы.

— Ага. Скорее человек со слишком большим карманом. Барон обложил всю округу чудовищными налогами, и люди платят ему гораздо больше, чем тратят на себя, а взамен получают защиту от его же собственной тяжелой руки. Если, как ты говоришь, человек не грабит других и не берет их в плен, твой отец точно не человек.

— Вы все перевираете! — подал голос возмущенный Молюйс.

— Малыш, топни.

Великан без возражений топнул. Карета качнулась, Присцилла свалилась обратно в салон, а Молюйс больно ударился головой о стенку. На этом разговор был закончен.

Приехали люди с выкупом — около двадцати человек. Барон приказал им оценить обстановку и передать выкуп, если не представится возможности вернуть пленных в обход договоренностей. Увидев великана, они поняли, что лучше не рисковать, и с выкупом все-таки расстались.

Прибыв в резиденцию, Присцилла и граф Молюйс кинулись в объятия барона и его жены. Как только они подтвердили, что их похитил тот самый великан, барон заметно занервничал.

— Огромный как дом... Взгляд злобой горит, рожа такая жуткая... и весь пышет яростью! — описывал великана Молюйс. — В общем, устрашающий зверь. Брюлон, он наверняка стоит целой армии!

— Великан... — прошептал барон. — Еще и так близко... Не могу поверить. Великан!..

— Я бы и сам не поверил, если бы не видел своими глазами. Но мы не сумасшедшие — его видел и кучер, и те люди, которых ты прислал с выкупом. Кстати об этом... Это все девчонка, что была с великаном. Она, как я понял, мозг их компании. Только я показался, она сразу узнала во мне твоего шурина, оттого и затребовала столь большой выкуп...

Не обращая внимания на слова Молюйса, барон развернулся и пошел на второй этаж. Теперь ему пришлось поверить в существование великана, но долго мириться с ним он не собирался. Вызвав писаря, он приказал тому разработать объявление, в котором обещал состояние тому, кто сможет принести к его ногам великанию голову. Когда он говорил с

писарем, к ним вошли Присцилла с Моллойсом.

— А как же девчонка? — спросил Моллойс, не услышав ни слова о Мии.

— А, девчонка... Про нее припишите снизу.

— А награда, господин Брюлон? — уточнил писарь.

— В пятьдесят раз меньше, чем за великана.

— В пятьдесят раз меньше! — воскликнул Моллойс. — Да эта девка сущий дьявол!

— Она выглядит такой приличной, даже одета хорошо. Но на самом деле... — многозначительно добавила Присцилла, усаживаясь на стул подле барона.

— Не она ростом больше дома, — сказал барон. — Вы говорили, она выглядит как ребенок. Без великана она, насколько я понимаю, ничего из себя не представляет. Ну и на кой черт за нее переплачивать? Если никого не заинтересует, она сама как-нибудь забредет в один из городов и попадется. А вот на голову великана я с удовольствием полуюсь.

Глава девятая: Охотники за головами

Как только листовки с вознаграждением за великана были развешаны по всем крупным городам Северного Королевства, делом заинтересовались охотники за головами. Одну из таких листовок подобрал опытный седовласый охотник по имени Стиф. Как и у многих других, у него до этого момента были сомнения, что великан взаправду бродит по Королевству, несмотря на новости о нападении на город Верхние Холмы и многочисленные ограбления, якобы им совершенные. «Однако, раз сам барон заинтересован в том, чтобы избавиться от проблемы, великан все-таки не шутка» — подумал Стиф.

Понимая, что идти на великана в одиночку — самый легкий вариант самоубийства, он решил собрать отряд и начал с молодого человека, которого звали Перри. Знакомы они были довольно давно. Отец Перри — Кейн — тоже был охотником, и на заданиях они со Стифом часто пересекались. Не сказать, что они были друзьями, однако между ними присутствовало обоюдное уважение, которое для обоих значило довольно много. Может быть, поэтому Кейн за несколько месяцев до смерти попросил Стифа об одолжении:

— Если со мной что-то случится и я больше не смогу смотреть за сыном, приглядывай за ним хоть чуть-чуть.

Стиф тогда отнесся к этому не лучшим образом. «Я сам понимаю, где работаю, поэтому детей у меня до сих пор нет, и волноваться мне не за кого. А он, раз решился завести ребенка, пусть делает все возможное, чтобы тот не остался один» — подумал он, но о просьбе все же не забывал.

Уже в детском возрасте Перри отличался необычайными физическими способностями. Заметив это, Кейн стал обучать его своему ремеслу. Хотя одаренность сына была лишь одной из причин — другой причиной был тот факт, что Кейн кроме охоты за головами больше ничего не умел, и учить сына чему-то другому просто не мог. Когда отец уходил на задания, Перри работал в поле или рыбачил с деревенским соседом, а когда отец возвращался, он приступал к тренировкам.

— Будь серьезней, это тебе не с косою крутиться, — давал наставления Кейн. — Нет дела в этом мире более опасного, чем охота за головами, и твоя первая ошибка скорее всего станет твоей последней, ясно?

Перво-наперво он стал учить сына фехтованию и стрельбе из лука. В свободные дни они уделяли этому круглые сутки, и Перри на удивление легко все схватывал, хотя после каждого урока фехтования уходил домой в синяках от ударов палки, которую Кейн использовал вместо меча, и часто плакал, пытаясь делать это тихо, чтобы отец не услышал и не рассердился на его бесхребетность. Но фехтование и стрельба — далеко не все, чему Перри предстояло обучиться. Однажды отец отвел его в лес, где они остались на несколько суток. Показав сыну, как правильно находить достойное место для ночлега и как разводить костер, Кейн принялся рассказывать о самом важном умении охотников за головами — об убийстве. Вместе они выследили оленя, и Перри метким выстрелом подстрелил его. Подобравшись ближе, они обнаружили, что олень все еще жив. Он издавал глухие рычащие звуки, а его грудь, дрожа, медленно поднималась и опускалась.

— Подними лук, — сказал сыну Кейн. — Добей его.

Перри взял стрелу, поднял лук, натянул тетиву и прицелился.

— Не так, — прервал его Кейн. — Выше, меж глаз. И жди, пока он не сдохнет

окончательно, иначе даже не подходит.

Перри прицелился оленю между глаз, но стрелять не спешил. Кейн ждал до тех пор, пока не стало ясно, что убить оленя сын не сможет.

— Дай сюда, — вздохнул он, выхватил у него лук, и через мгновение олень был мертв.

Когда они вернулись с тушей оленя к месту ночлега, Кейн сказал:

— Я займусь разделкой. Ты бери лук, нож и иди ищи новую жертву.

— Разве оленя нам не хватит?

— Мне хватит. А ты поешь только тогда, когда сам добудешь мяса.

За полдня скитаний по лесу Перри так и не удалось никого поймать. Один раз он наткнулся на группу из нескольких оленей, подкрался поближе, но выстрелить снова не сумел. Зато к концу дня под одним из деревьев Перри нашел труп белки. Выстрелив в него, чтобы выглядело так, будто это он ее убил, он вернулся к отцу. Олень к тому моменту уже был освежеванный и по частям жарился на костре.

— Белка? — произнес Кейн, хмуро взглянув на труп животного.

— Да, — кивнул Перри. — Я больше никого не встретил.

— Ясно, — хмыкнул Кейн. — Тогда это и будет твой обед. Мяса там немного. Надеюсь, ты не сильно проголодался.

Обучение продолжалось до тех пор, пока отец не погиб на одном из заказов. Повзрослевший девятнадцатилетний Перри к тому моменту хоть и научился убивать животных на охоте, но на заказы по-прежнему не ходил. Однажды к нему явился Стиф. Он рассказал о просьбе отца и передал ему листовку с довольно простым заказом. Целью был мужчина лет сорока, задолжавший банку крупную сумму. Перри специально не стал ничего уточнять, чтобы дело было легче выполнить. Он отправился в город, подкараулил жертву в темной подворотне и вонзил нож ей в горло. Мужчина упал, затрясся в судорогах и через несколько секунд скончался.

Так он и жил: в деревне в отцовском доме, работал в поле или рыбачил, как раньше, а иногда по наводке Стифа выходил в город для выполнения заказов. Однажды, когда Стиф явился снова, Перри сказал ему:

— Я больше не буду этим заниматься, Стиф.

— Почему это? — удивился Стиф.

— Я не могу. Не для меня эта работа.

— Понимаю, Перри, понимаю. Я тоже что-то такое чувствовал одно время... Только потом я понял, что денег не хватает. А у тебя разве помимо заказов есть какая-то прибыль?

— Я рыбачу.

— Пф... Перри, не смей меня. Ты подрабатываешь у старого знакомого Кейна, я знаю. Но это не работа. Ты талантливый охотник, можешь стать одним из лучших, это я точно могу сказать. Не стоит тебе так серьезно относиться к делу, это всего лишь заработок. Разве палачи жалеют жизни тех, кого вешают? Нет, они просто исполнители, как и мы. У меня это вот как работает: я жалею не о том, что придется убить на заказе, а о том, что вместо меня этот заказ все равно выполнит кто-то другой.

Тогда — около трех лет назад — уговорить Перри Стифу не удалось. Однако теперь дело подвернулось совсем другое, и Стиф подумал: «Почему бы не позвать Перри? Думаю, этот заказ придется ему по душе».

Стиф постучал в дверь, и через минуту на порог вышел Перри — исхудавший и какой-то бледный, как отметил про себя Стиф.

— Стиф?

— Я, — подтвердил тот, пожимая протянутую руку.

— Чем обязан? — спросил Перри, хотя сам догадывался, зачем Стиф пришел.

— Может, для началапустишь старого друга в дом? — поинтересовался он. — Никогда не любил стоя разговоры вести.

Перри бросил взгляд внутрь дома, потом распахнул дверь и пропустил Стифа внутрь. В доме была всего одна комната, и Стиф, войдя, тут же заметил лежавшую на кровати женщину, накрытую одеялом, рядом с которой лежал укутанный в пеленку ребенок.

— Времени ты не терял, — хмыкнул Стиф, усаживаясь за небольшой стол.

— Это Милена — моя жена, и Кайл — мой сын.

— Рад познакомиться, — произнес Стиф, и Милена ответила ему кивком.

— Если ты привык вести разговоры не просто сидя, а за чашкой чая, то чая у нас нет, старый друг. Так чего хотел?

— Есть заказ.

— Стиф, ты же знаешь...

— Знаю, Перри, знаю. Только тут-то дело совсем другое.

— И чем оно другое?

Стиф передал ему листовку. Перри взглянул на нее, прочитал описание и поднял удивленный взгляд на Стифа.

— Я думал, это сказки...

— Все думали. А оказалось вот как! Понял теперь? Чудище. Великан! Так что скажешь?

— Не знаю... — поджал губы Перри. — Денег прилично...

— Прилично!.. — воскликнул Стиф. — Да в эти деньги поверить чуть ли не сложнее, чем в великана. Но печать стоит, Перри. Печать стоит! Я даже ходил проверить, действительно бароновская или же обман... Собственные монеты за это отдал. И это бароновская. — Стиф еще раз взглянул на жену и сына Перри. — Слушай, я смотрю, деньги тебе пригодятся... Дело опасное, конечно, но если все удастся... Дальше жизнь такая легкая будет... можно будет от этой легкости так устать, что, как все свихнувшиеся богачи, в плавание уйдешь, на жопу приключения искать!

— Плавание мне не нужно, — вздохнул Перри. — Но вот деньги... — Он вздохнул и посмотрел на жену, которая глядела на него с явным волнением.

Набрав достаточно охотников, Стиф первым делом позаботился о вооружении: зазубренные мечи, оставляющие на плоти рваные, плохо заживающие раны, длинные копья и арбалеты с крупными болтами, которые могли с расстояния в две сотни метров пробить медвежью шкуру. Когда все приготовления были закончены, Стиф собрал охотников вокруг себя и рассказал план действий, который походил на представления людей о том, как предки истребляли мамонтов: расстреливая с безопасного расстояния, загоняя в угол, а затем с легкостью добивая уже утомленную жертву. Закончив разъяснять план, Стиф оглядел охотников, коих было около двадцати, зацепил взглядом каждого и произнес:

— Дело выглядит хреновым, и мы не можем точно сказать, как великан будет действовать, так что посмотрим на месте, как все обернется. Будьте готовы к тому, что не уйдете без травм. Еще будьте готовы к тому, что можете подохнуть. На всякий случай напомню: семьям погибших не достанется ничего. Те, кто уйдет с травмами раньше того, как великан будет убит, получают в общей сложности не больше десяти процентов. Остальная сумма будет разделена между теми, кто участвовал в убийстве. — Он оглядел их еще раз. —

По глазам вижу, некоторым из вас не по себе. Но лучше возьмите себя в руки, потому что в дороге стирать штаны времени у вас не будет. Не думайте о великане; да, урод этот наверняка здоровый и стремный, но зато его голова, можно сказать, забита золотом, и это золото мы из нее вытрясем до последней монеты.

— Да чего тут размусоливать. Прикончим великана, и дело с концом, — вставил Кенни, младший брат Ивара Клайда, также состоявшего в отряде. — Я его бояться не собираюсь. Если будет надо, вгрызусь ему зубами в ногу, хрен оторвет!

Некоторые засмеялись вместе с ним, однако престарелый охотник Ирвин, стоявший чуть в стороне, даже не улыбнулся и произнес:

— Чего смеху развели? Чтобы поменьше страху испытывать? Вот будете так же смеяться великану в лицо, я вас уважать начну. А пока лучше помолчите, если сказать нечего.

— Ничего, Ирвин, ничего, — остудил его Стиф. — Молодняку так спокойней. Пусть веселятся. Может, потом нам больше достанется.

Все, кто до этого по-прежнему улыбался, сразу посерьезнели.

Было очевидно, что настрой у отряда неладный, и это заметил даже Перри. Во-первых, пока никто до конца не верил, что великан действительно существует. Во-вторых, никто не знал, можно ли победить великана задуманным ими способом. Несмотря на все это, искушение получить обещанную бароном награду было слишком большим. Мечтой каждого охотника, как Стиф уже давно понял, было желание накопить денег достаточно, чтобы уйти на покой и больше никогда не рисковать своей жизнью. И среди всего отряда никто не желал этого так сильно, как Стиф, который отдал охоте за головами слишком много лет, и Перри, который и вовсе никогда бы не стал охотником, если бы не отец.

Настала пора выдвигаться. На лошадях они добрались до места, где по слухам великан показывался в последний раз. Оно находилось близ маленькой деревушки, которую называли Озерной. Там они расспросили пару жителей, и один из них подтвердил, что великан ограбил ехавших от них путников дня три тому назад. Он отвел их к месту, где предположительно состоялось ограбление, и охотники стали осматриваться. Долго искать следы не пришлось — повсюду были отпечатки огромных ног, по форме похожих на человеческие.

— Не похоже на медведя, — присвистнул Стиф. — Кажется, это наш малый.

Говорил он это, испытывая и мандраж, и радость: убеждение в том, что великан реален, означало реальность как опасности, так и награды.

Перри также обратил внимание на следы колес рядом с отпечатками великана. Они появлялись странным образом — словно из ниоткуда — и точно так же пропадали, будто то, чему они принадлежали, взлетело в воздух.

— Похоже, великан носит с собой какую-то повозку, — предположил он вслух.

— Наверное, та самая девчонка, с которой он путешествует, — кивнул Стиф. — Она нам на закуску останется.

Перри пожал плечами: он для себя уже решил, что никого кроме великана трогать не станет.

Глава десятая: Нападение

Карета тряслась и шаталась на великаньем плече, по ней постоянно стучали ветки. Раньше Мию от всего этого подташнивало, и она не могла сосредоточиться ни на единой мысли, но теперь она привыкла и даже перестала кричать великану, чтобы он нес ее аккуратнее — ему все равно не удавалось. Изредка Мия поглядывала в окно, но только мельком, ведь ничего интересного там все равно не бывало, только деревья да кусты. От этого вида ей уже делалось плохо. Как бы она ни пыталась себя убедить, что такая жизнь ей по душе, она все равно скучала по городу, каменным дорогам, удобству мягких кроватей и вкусной еде. Иногда она даже начинала скучать по людям, но в такие моменты перед ней возникало ухмыляющееся лицо Годрика, а в ушах начинал звенеть его скрипучий, будто звук расстроенной скрипки, смех. Тогда Мия лезла рукой в переполненный драгоценностями сундук, что лежал под сиденьем, доставала оттуда сверкающий перстень или золотые карманные часы и вертела их в руках, как бы обращаясь к Годрику: «Посмотри, что у меня теперь есть». Накопленных с помощью великана денег ей хватило бы и на дом, и на поместье — да хоть на целый замок со слугами, но в Северном Королевстве она уже вряд ли когда-нибудь смогла бы жить в городе или даже в деревне, ведь люди теперь хорошо знали, как она выглядит.

Однако у Мии еще оставалась надежда, что слава о ней не успела распространиться за пределы Северного Королевства, поэтому она гнала великана к границе. В чужих землях она планировала продолжить свои дела, а если и там это станет слишком небезопасно, то она могла бы отправиться дальше — на восток, где живут совершенно по-другому и где о ней и великане точно абсолютно ничего не слышали. Правда, недавно она осознала, что великан — ресурс ограниченный. Сейчас он был около пяти метров ростом, и пока что пугать его размерами получалось, но что будет, когда он уменьшится до обычных размеров? «Это и будет конец пути, — думала Мия. — Может, я останусь там, где все закончится. Может, вернусь сюда и куплю себе доброе имя». Что же до великана — о его судьбе Мия не сильно заботилась. Он добьется своего, и заключенный между ними договор будет выполнен, хотя Мия с удовольствием наплевала бы на договор и использовала бы великана подольше.

Сам великан ото дня ко дню становился все более мрачным. Он часто вспоминал времена, когда еще не был знаком с Мией. Тогда его отовсюду гнали, везде боялись и презирали, а он отчего-то хранил мечты о том, что когда-нибудь сможет жить с людьми вместе. А когда он стал уменьшаться, он только и делал, что фантазировал: о том, как поселится в какой-нибудь деревне или городе, как будет есть много человеческой еды, как будет вести долгие беседы с соседями. Теперь многое поменялось, и люди уже не казались ему столь хорошими, а их дома и еда — столь привлекательными. Он уже не понимал, есть ли ему дело до того, станет он человеком или нет. Как-то он поделился об этом с Мией, на что она спросила:

— Но мы ведь еще вместе, правда? Я ведь помогала тебе столько времени, хотя, если ты помнишь, сама отговаривала тебя от этой затеи. Только вот это не значит, что меня нужно бросать!

— Да, Мия, — вздохнул великан. — Вместе.

И они продолжили жить по-старому. Только вот теперь великан помогал Мии не ради

чего-то конкретного, а потому что ничего другого, как ему казалось, не оставалось.

На пути к границе они подобрались к широкой реке, которая тянулась вдоль леса и уходила куда-то далеко на юг. Великан схватил карету покрепче, шагнул в устье, погрузился в воду по колена и стал пересекать реку. Ни он, ни Мия не заметили, как при их приближении кусты вокруг зашевелились, хотя ветра и не было.

Выбравшись из реки, великан успел сделать всего пару шагов, прежде чем в него прилетел первый арбалетный болт. Он попал великану в спину и пробил кожу, больно уколол. Оглянувшись, великан увидел, как в него целятся сразу несколько арбалетчиков. Полетели следующие болты, и те, что попали в великана, также пронзили его кожу. Подобного с ним еще не случалось — раньше, когда он был больше, его кожа была способна выдержать любые атаки. Перепугавшись, он понял, что нужно бежать, и устремился вперед вдоль реки. На бегу он прижал карету к груди, чтобы случайный выстрел не угодил в Мию.

— Что происходит?! — обеспокоенно воскликнула Мия. Великан не отвечал, но по чужим голосам и звукам летящих снарядов она и так поняла, что за ними ведется погоня.

От тяжелого великаньего бега затрясся лес: вода в реке покрылась сильной рябью, раздались крики перепуганных птиц. Великан несясь, не разбирая дороги. Он сминал кусты, врзался в деревья, расталкивая их в стороны. Через несколько минут погони его спина покраснела от выстрелов, сам он вымотался и замедлился, а Мия все торопила его криками:

— Быстрее давай, быстрее!

— Не могу... — произнес он сквозь сильную одышку.

— Тогда развернись и расправься с ублюдками!

Великан обернулся назад, бросил взгляд на бежавших за ним охотников — помимо арбалетчиков он заметил людей, вооруженных длинными копьями. Он явно почувствовал, что может погибнуть, если станет сражаться, и впервые в жизни испытал настолько сильный страх. Резко остановившись, он опустил карету вниз. Мия ожидала, что сейчас он примет бой, однако он вдруг открыл дверь кареты, достал Мию — при этом она успела схватить одну только походную сумку — закрыл ее в ладонях и побежал дальше.

— Что ты творишь, осел?! — негодовала она. — Карета! Ты оставил карету! Ты что, не слышишь?! Вернись туда сейчас же!

Великан ее не слушал и все продолжал бежать. Вскоре впереди показалась поляна и закрывавшая дальнейший проход высокая гора. Стоило великану там появиться, из-за деревьев с боков тут же выскочили новые вооруженные копьями и мечами охотники. Те, что преследовали великана до этого, остановились позади, выставили вперед оружие и стали медленно приближаться. Великан вжался спиной в гору, приоткрыл ладони и отчаянно взглянул на Мию.

— Растопчи их! — закричала она в истерике.

Великан стал отчаянно водить глазами по рядам приближающихся охотников. В миг, когда полетели копья и арбалетные болты, лицо его изменилось: брови нахмурились, рот открылся и показал ряд больших зубов, а глаза его яростно засверкали. Он поднял ногу, изо всех сил ударил по земле и вместе с тем заревел так, что даже гора позади вздрогнула и начала сыпать вниз землю и камни. У охотников потемнело в глазах, в их виски ударила пульсирующая боль. Воспользовавшись моментом, великан в два прыжка оказался на другой стороне поляны. На ходу открыв ладони, он увидел, что Мия лежит без сознания. Тут же его охватила паника — ведь он и понятия не имел, как помочь Мии в такой ситуации самостоятельно. Решив, что ему нужна сторонняя помощь, он схватил первого попавшегося

охотника и понесся как можно дальше от места нападения.

...Когда великан заревел и ударил по земле, Перри, как и все его соратники, схватился за уши и опустился на колени. Сначала земля перед его глазами затряслась, потом закружилась, отдалилась и неожиданно поплыла в противоположном от него направлении. Мгновение спустя Перри осознал, что его несет великан. Перри стал кричать, попытался вырваться, но безрезультатно. За десяток минут великан, который из-за беспокойства о Мии нашел в себе силы продолжать бег, преодолел несколько километров и наконец остановился. Он отпустил Перри, и тот, свалившись на землю, тут же вскочил и собирался сбежать. Он рванул вправо, но туда опустилась огромная ладонь и перегородила ему дорогу; тогда он резко свернул влево, но там оказалась другая ладонь. В следующую секунду великан снова поймал Перри и поднес его к телу Мии.

— Помоги ей, — попросил он, аккуратно опустив Перри рядом с Мией.

Перри пораженно уставился на него. Он никак не ожидал, что великан — страшный и безмозглый дикий зверь, каким его описывали — умеет говорить. Перри молчал и обескураженно глядел на великана, пока тот не заговорил вновь:

— Быстрее. Помоги ей, — потребовал он и пальцем подтолкнул Перри к телу Мии.

Перри еще раз взглянул на великана, потом посмотрел на Мию и опустился рядом с ней на колени. Он осмотрел ее, не увидел никаких повреждений, помимо синяков и ссадин, прощупал пульс и проверил дыхание.

— Вроде бы она в порядке, — произнес Перри сглатывая. — Но надо проверить кое-что еще, чтобы точно сказать... — Он стал медленно поднимать Мию, очень аккуратно, чтобы убедить великана в том, что нет ничего злого в его намерениях. Великан доверился ему, и это было ошибкой: прижав Мию к себе, Перри быстрым движением вытащил из ножен на голени кинжал и приставил острое к ее горлу.

— Стой! — ужаснулся великан и протянул руку вперед, но Перри отстранился назад и переместил лезвие еще ближе к горлу Мии. Великан поднял раскрытые ладони над головой и попросил: — Не делай этого!

— Убери свои лапы, тварь! Или ей конец! — Великан не стал рисковать и выполнил его требование. — И сделай шаг назад. С ней все будет в порядке, если не будешь дергаться.

— Ты хочешь убить нас? — спросил великан отступая.

— Такой заказ. Ты... почему ты говоришь?

— Я не понимаю, — покачал он головой.

— Великаны не умеют говорить!

— Почему? Потому что они чудовища? — усмехнулся великан, и глаза его загорелись точно так же, как тогда, на поляне. — Отпусти Мию, а не то...

— Сделаешь хоть шаг, и я ее прикончу, — оборвал его Перри.

Великан вдруг покраснел. Казалось, он сейчас на все наплюет и атакует. Перри, хотя был не из пугливых, почувствовал страх и сжал рукоять кинжала крепче. Однако спустя несколько секунд напряжение уменьшилось — великан выдохнул, отступил еще на шаг и убрал руки за спину.

— Прошу тебя, не вреди ей, — произнес он более тихим голосом. — Она ничего не сделала. Отпусти ее, а я пойду с вами.

— Нет уж, — сказал Перри усмехнувшись.

— Почему?

— Если я отпущу ее, ты убьешь меня.

— Я ничего не сделаю. Клянусь.

— Я не верю.

Пока они разговаривали, Мия успела прийти в себя. Почувствовав холодную сталь около горла, она тут же поняла, что происходит. Стараясь не показывать, что к ней вернулось сознание, она стала выжидать благоприятный момент. Как только охотник полностью отвлекся на беседу с великаном, она резко ударила локтем ему в пах, одернула от себя руку с ножом и бросилась под ноги великану, который тут же подобрал ее и посадил к себе на плечо. Перри же, стоило Мии вырваться, понял, что потерял преимущество в переговорах, отскочил назад и стал убегать.

— Догони его! — скомандовала Мия.

Великан в один шаг настиг Перри, и тот опять оказался в его руках.

— Держи крепче, — сказала Мия. — А то в следующий раз он точно мне горло перережет. Идем отсюда. Быстрее!

Великан направился вперед. Ни он, ни Мия не произносили ни слова. Перри тоже молчал. Теперь, когда девчонке не была нужна помощь, он не понимал, почему до сих пор остается в живых. «Неужели они думают, что из-за меня другие охотники не станут нападать? Или просто пока не понимают, что со мной делать? — предполагал он. — В любом случае мне это играет на руку — я ведь все еще дышу». Перри не сомневался, что вскоре ему представится новый шанс заполучить голову великана — он видел, что великан оставлял за собой слишком заметные следы на почве, и знал, что охотники непременно их найдут. Как только он об этом подумал, великан снова вышел к реке.

— Полезай в воду, — велела Мия. — Дальше идем по реке.

«Хитрая» — оценил Перри ее маневр.

Великан шагнул в устье и продолжил ход уже вдоль него. В месте, где река разветвлялась, Мия велела великану изменить направление. Следов больше не оставалось, но Перри нашел выход: он снял с щиколотки ножны и кинул их в воду, оставив для охотников след. Мия этого не заметила, а великан — и подавно. Дальше Перри снимал часть своего снаряжения и кидал в воду через каждые две или три сотни метров.

Стало темнеть. Вскоре Мия заметила, что великану стало слишком тяжело идти. Он устал еще тогда, когда убегал от охотников, и после того у него почти не было времени отдышаться, поэтому Мия, посчитав, что они ушли достаточно далеко, решила сделать привал. Великан выбрался из воды, прошагал в лес сотню метров и расположился меж двух больших сосен. Оказавшись на земле, Мия указала на находившегося в руке великана Перри и сказала:

— Давай его сюда. Только придерживай.

Когда великан опустил к ней охотника, она связала его веревкой, которую достала из походной сумки, отошла на несколько метров и взглянула на великана.

— Как этот охотник вообще оказался с нами? — недовольно спросила она.

— Я принес. Думал, он тебе поможет.

— Ох... — вздохнула Мия, утомленно прикрыв глаза. — Какой же ты... Что нам теперь с ним делать, а? Надо от него избавиться.

— Зачем? Он ведь связан и ничего не сможет нам сделать.

— Оставлять его в живых — это риск.

— Почему?

— Потому! — воскликнула Мия. — Надо его убить.

— Поступай как знаешь, — сказал он.

Мия посмотрела на великана. Он стоял и молчал. Тогда Мия достала нож и пошла к охотнику, который весь напрягся и держал связанные руки перед собой. Однако дойти до него она не успела — великан, шагнув вперед, протянул руку и быстро поднял Мию в воздух, схватив ее за капюшон.

— Пусти меня! — закричала Мия и стала вертеться из стороны в сторону.

— Убери сначала нож, — возразил великан.

— Хорошо! Без ножа! Придушу голыми руками! Пусти, черт побери! Опустите меня! — истерично кричала она.

Великан не послушался и продолжил держать Мию над землей.

Перри наблюдал за этой сценой с огромным удивлением. «Что вообще происходит? — задавался он вопросом. — Он что, только что спас мне жизнь? Или все это какой-то спектакль?»

Постепенно Мия успокоилась. Она уже не кричала, хотя все еще оставалась хмурой и раскрасневшейся.

— Ладно, — буркнула она. — Я не буду его трогать.

— Брось нож, — потребовал великан.

Мия вздохнула и выпустила нож из рук. Великан наступил на то место, куда нож приземлился, и он пропал под продавленной землей. Оказавшись внизу, Мия сердито потопталась на месте.

— Тупая твоя башка, — с каким-то разочарованием сказала она. — Зачем ты оставил карету?! Ты понимаешь, что все испортил?! Что теперь делать, а?!

— Зато ты жива, Мия.

— Да на кой черт мне такая жизнь?! — раздосадовано взмахнула она руками. — Там были деньги, на которые я собиралась начать новую! А ты... почему ты просто не поубивал их всех, а? Посмотри на себя. К чему тебе это громадное тело, если ты не можешь им хоть раз воспользоваться по назначению?.. Я думала, ты изменился, поумнел, а ты все такой же мягкотелый болван! Тьфу!

Она присела на корточки и закрыла лицо руками.

— А что мне было делать? Я не мог нести карету, — произнес великан. — Если бы я оставил тебя в ней, а сам ушел, ты была бы довольна? Мия? Ты что, плачешь?

— Ага, еще чего, — отозвалась она, убрала ладони от лица, и великан понял, что такой злой и недовольной она не было даже после истории с Валентино. — Надо вернуть карету. Мы должны вернуться на то место, где ее оставили. Слышишь?

— Мы можем вернуться, если хочешь, — пожал он плечами. — А ты запомнила, где она осталась?

— Да, конечно, — саркастично произнесла она. — Отлично запомнила: где-то в этом лесу.

Великан хотел было сесть и прислониться к дереву, но, как только его спина коснулась коры, он вскочил и зашипел.

— Чего? — спросила Мия.

— Спина, — простонал он и повернулся.

Кожа на его спине была утыкана арбалетными болтами, по ней струями текла кровь.

— Вот черт! — воскликнула Мия. — Давай ложись на живот. Попробую что-нибудь сделать...

Он лег, как было велено, а Мия достала из сумки бутылку водки, которую хранила еще с тех пор, как ушла от Годрика, забралась к великану на спину и стала вытаскивать болты, поливая раны водкой.

Перри тем временем все размышлял, отчего великан не дал девчонке убить его. «Я ожидал, что великан — страшное чудище из сказок, а он оказался простым бандитом» — подумал он и решил нарушить молчание.

— Так ты не любишь проливать кровь, а? — бросил он великану. — Зато не видишь ничего неправильного в том, чтобы врываться в города и разрушать дома невинных жителей?

Приподняв голову, великан взглянул на Перри с некоторым презрением.

— Я слышал, охотники за головами готовы убить за деньги кого угодно, — ответил он.

— Даже детей, — подтвердила Мия, выдернула из великаньей спины очередной болт и с усмешкой добавила: — Хотя на такое готовы не только охотники...

— Охотники есть разные, — сказал Перри. — А великаны? Все великаны разбойники, как ты?

— Я других не знаю.

— В любом случае недолго тебе осталось наводить страху на эти леса, раз тебе не хватает духа убить того, кто хочет убить тебя.

— А ты бы легко убил незащитного, — произнес великан с явным укором.

Перри на это только фыркнул, а вот Мия, которой надоело, что великан во время разговора постоянно дергался и мешал ей обрабатывать раны, воскликнула:

— Хватит, замолкните!

— Эй, великан, — не послушался Перри. — Она тобой командует? Это для нее ты всем этим занимаешься?

— Достал! — разозлилась Мия, прыгнула на землю, подошла к охотнику, завязала ему рот куском грубой ткани, после чего вернулась к своему прежнему делу. Один из болтов вошел так глубоко великану под кожу, что Мии пришлось вылить в оставшуюся после извлечения рану по крайней мере пол-литра водки, однако помимо этого никаких серьезных повреждений не было.

— Жить будешь, — сказала она, когда закончила.

— Спасибо, Мия, — поблагодарил он.

— Не думай, что теперь все нормально, — угрюмо сказала она. — Ты еще должен вернуть карету.

Мия слезла с его спины, прикрыла рот тыльной стороной ладони, продолжительно зевнула и потянулась. Рядом с ними было дерево, верхняя часть которого разделялась, образуя в центре просторный и свободный от веток участок. Мия попросила великана поднять ее туда, после чего улеглась и принялась готовиться ко сну.

Перри проследил за Мией и хорошо запомнил, на каком именно дереве она расположилась. Он знал, что момент, когда по оставленным им следам придет отряд, близок. Однако от мысли, что придется убить великана, ему отчего-то становилось не по себе. Он ведь согласился пойти на дело лишь потому, что считал великана монстром. Теперь, когда иллюзия рассеялась, он сожалел о своем решении вернуться к работе охотника. «Но это ведь столько денег! — прокралась мысль в его голову. — Голова великана — и мне не придется больше думать о том, как обеспечивать свою жизнь. И не только свою».

Птицы замолкли, слышался лишь стрекот насекомых. Великан, чуть посидев с

задумчивым видом, улегся рядом с деревом, на котором лежала Мия, и уснул. Саму Мию Перри разглядеть больше не мог, разве только ее очертания, что слабо вырисовывались в высоте на фоне ночного неба.

«Так ли важно, что я думаю? — продолжал размышлять Перри. — Скоро здесь окажется Стиф с отрядом, а эти двое уже спят. Они обречены».

Только тьма стгустилась над лесом, вокруг послышались шорохи и осторожные шаги. Глазами Перри искал источники звука, и иногда ему чудилось, что в темноте он видит черные контуры человеческих фигур, которые то появлялись, то исчезали. Вскоре Перри почувствовал, что кто-то приблизился к нему совсем близко. О сковывающую его веревку стало тереться лезвие, и через секунду веревка упала на землю. Перри снял ткань со рта, медленно поднялся и увидел перед собой сосредоточенное лицо Стифа. Он передал Перри копье, затем вопросительно поднял брови. И без слов Перри понял, что командир отряда интересуется, нужно ли ему знать о чем-то, что может помешать убийству. Пару мгновений он не отвечал, хотя было очевидно, что следует указать на дерево, дать знак, что там находится девчонка; поступи он так, и девчонка умерла бы быстро и тихо, а затем охотники подобрались бы к спящему великану, выкололи ему глаза и расстреливали с безопасного расстояния до тех пор, пока он не свалится замертво. Но Перри отчего-то отрицательно мотнул головой. Стиф кивнул, дал сигнал отряду, подняв левую ладонь, и тихонько направился к великану. Перри же застыл, не решаясь пошевелиться.

Семнадцать охотников, державших наготове оружие, медленно, шаг за шагом приближались к спящему великану. Буквально пара секунд, и они успели бы напасть и выколоть ему глаза, однако сверху вдруг раздался шорох, и охотники подняли головы — Мия, лежавшая на дереве, глядела на них широкими от страха глазами; спустя мгновение она закричала:

— Мальш!

Тут же один из охотников быстро поднял арбалет и выстрелил, ориентируясь на слух. Послышался вздох, и тень, чернее ночи, беззвучно полетела вниз.

Услышав крик, великан открыл глаза и приподнялся на локтях. Он увидел, как Мия падает, и успел подставить ладонь в то место, куда она летела. Держа ее, он поднялся на ноги. Секунду он смотрел на неподвижное тело Мии, затем его губы задрожали, глаза наполнились безумием. Охотники не стали ждать дольше и бросились вперед. Они стали колоть его копьями, резать мечами и обстреливать из арбалетов. Великан зарычал и, преодолевая боль, одним махом сбил половину охотников с ног, после чего стал топтать под собой землю и размахивать свободной рукой. Те, кому не повезло попасться под его удары, пролетали несколько метров назад, ударялись оземь или о деревья и уже не вставали. Как только великан расправился с ближайшими врагами, он рванул на арбалетчиков и раскидал и их. Затем он встал перед последним оставшимся на ногах охотником — перед Перри, который по-прежнему стоял на месте с копьем в руках, с ужасом смотрел на происходящее и отчего-то не мог сделать и шагу. Великан навис над ним, и Перри зажмурился, ожидая, что вот-вот полетит в сторону точно так же, как остальные охотники. Но удара не последовало. Прижав Мию к груди, великан побежал прочь.

Глава одиннадцатая: Возвращение к старым знакомым

Целые сутки великан блуждал по лесам, не зная, куда податься. Мия, которую он нес в руках и крепко прижимал к груди, все еще не пришла в себя, но дышала. Она была бледной, а рана от болта, торчавшего у нее из живота, кровоточила. Великан не знал, что ему делать, и искал хоть кого-нибудь, кто может помочь, но, как назло, никого и ничего, кроме деревьев, ему не попадалось.

В один момент он оказался на необычайно знакомой поляне. Оглядевшись, он увидел поваленное на землю дерево и узнал то самое место, где впервые встретил Нору. Тут же в его памяти возродились обрывки разговоров, прогулки и даже слова хорошо запомнившейся песни. На ходу вспоминая дорогу, он понесся к деревне. Дом Норы и Грегора стоял на том же месте, выглядел точно так же, как тогда, когда он в последний раз его видел, только казавшийся совсем не к месту пенек от обрубленного клена торчал в середине их сада. Подойдя к дверям, великан постучался.

— Кто там? — послышалось изнутри, и великан понял, что это Нора.

— Мне нужна помощь! — сказал великан и не узнал своего голоса — он был совсем иным, уже не таким грубым и низким, как раньше. Только сейчас великан обратил внимание на то, что размером он гораздо меньше дома, а Мия лежит не в его ладонях, а в руках, словно спящий ребенок в отцовских объятиях.

Дверь открылась, на пороге появилась Нора. Она секунду изумленно вглядывалась в лицо великана, потом опустила глаза на Мию.

— Я... — произнес великан и больше не смог ничего вымолвить.

— Боже, что с девочкой? — указала Нора на Мию. — Она ранена?

— Да, — закивал великан. — Прошу. Ей нужна помощь.

Он приблизился к Норе. В ее глазах показался страх, и она отпрянула от двери, но спустя мгновение успокоилась, дала великану подойти к себе, взяла Мию из его рук и сказала:

— Проходи. И закрой за собой дверь.

Чтобы войти в дом, великану всего-то потребовалось склонить голову и поджать плечи. Бросив взгляд в сторону, он заметил полку с чистой обувью, а у противоположной стены — средних размеров закрытый шкаф и небольшой пуф, на котором лежал недовязанный платок и иголки с нитками. Проследовав за Норой, он вышел из прихожей и почувствовал запах жареного мяса, который доносился с кухни. Все это он подмечал вскользь, ведь его мысли в тот момент были полностью сосредоточены на Мии — беспокойство за нее он чувствовал гораздо сильнее, нежели любопытство.

Нора прошла в спальню, положила Мию на застеленную коричневым покрывалом кровать и стала ее осматривать. Великан встал рядом.

— Господи, кто этот голый мужчина?! — послышалось позади, и великан, обернувшись, увидел Грегора. — И кто эта девочка на кровати?!

— Дай ему что-то из своей одежды, Грегор, — попросила Нора, не спеша ему что-либо объяснять.

— Хорошо, конечно, но я сомневаюсь, что хоть что-нибудь на него налезет — он ведь

такой здоровый!

— Дай хоть что-нибудь! — раздраженно бросила Нора и содрала с Мии рубашку, чтобы осмотреть на рану.

Грегор достал из шкафа серые льняные штаны, рубаху, и передал их великану. Тот нацепил на себя штаны, и они стали ему как шорты; рубаха на него и вовсе не налезла.

— Ну, хоть что-то... — прокомментировал Грегор.

Отбросив рубаху в сторону, великан подошел к кровати, на которой лежала Мия.

— Как она? — спросил он у Норы.

— Плохо. Сколько она без сознания?

— Второй день...

— Плохо, — повторила Нора. — Нужно достать болт и остановить кровотечение. Хорошо, что ты не вытащил его сам. Она бы тогда уже...

Нора сбегала за чистой тряпкой и водкой, обработала место, откуда торчал болт, резким движением выдернула его и накрыла рану проспиртованной тряпкой. Мия протяжно застонала.

— У нее горячка, — произнесла Нора, дотронувшись до ее лба.

Грегор и великан молча стояли в комнате и наблюдали за ее работой не вмешиваясь.

— Не стойте как истуканы, сбегайте за тряпками! И смочите их холодной водой!

Где находились тряпки, великан, конечно, не знал, поэтому просто пошел вслед за Грегором. Холодные тряпки, которые они принесли, Нора положила Мии на лоб. Затем она полностью обнажила ее торс и сделала перевязку.

— Крови не так уж много. Это хорошо. Наверное, ничего важного внутри не задето.

— Что с ней произошло, господи боже? — произнес Грегор и бросил на великана обеспокоенный взгляд.

— В нее выстрелили.

— Это я уже понял! А отчего в нее выстрелили?

— Бандиты, — соврал великан.

— Теперь девочке нужен покой и минимум движений, — вставила Нора и обратилась к великану: — Откуда ты пришел?

— Я плохо знаю названия здешних мест, — замялся он. — Я...

Великан вдруг замолчал и уставился на Нору. Грегору его взгляд показался очень странным — казалось, этих двоих связывает что-то, о чем он не догадывается.

Отведя глаза, Нора произнесла:

— Неужели это ты... Не могу поверить. Это все-таки ты...

Внезапно щеки великана покраснели. Отчего-то ему стало ужасно стыдно, и он отвернулся.

— Ты узнала меня? — спросил он едва слышно.

— Да. Узнала. Я... не думала, что ты станешь таким.

— Каким? Как вы?

— Нет. Вернее, я не это имела в виду... Я слышала, что ты творил. Надеялась, что это кто-то другой, но... Разве у нас в округе есть хоть кто-то похожий?

Грегор взгляделся в лицо внезапного гостя. Через миг он вздрогнул, отступил на шаг и, указав на него пальцем, воскликнул:

— Это!.. Это великан! Тот самый великан!

— Это он, Грегор, — подтвердила Мия.

— Но как?! Как ты стал таким?!

— Я не знаю, — сказал великан и поднял взгляд на Грегора.

— Ты преступник! Это преступник, Нора! Мы не можем ему помогать!

— Мы помогаем не ему, Грегор. А этой девочке.

— Она такая же! Я видел листовки, и она в них... Им надо убираться отсюда сейчас же!..

— Нет, — оборвал его великан огрубевшим голосом. К тому моменту он уже перестал краснеть и неожиданно почувствовал злость. — Мия останется здесь.

— Ничего подобного!

— Я сказал... — зарычал великан и сделал шаг вперед.

Грегор испуганно вжался в стену, а Нора прикрыла рот рукой.

— Я сказал, Мия останется здесь, — повторил великан. — Вы будете ее лечить. Так, как лечили бы собственную дочь. Ясно?

— Все ясно, ясно... — промямлил Грегор, дрожа от страха. — Только отойди от меня...

Великан расслабился и отступил.

— Ты сильно изменился... — сказала Нора дрожащим голосом.

— Все изменилось, — произнес великан. — Для меня — уж точно.

— Что с тобой случилось? — спросила она, покачав головой.

— Я не знаю. — И с какой-то мрачной иронией, которую Нора никак не ожидала от него услышать, он сказал: — Наверное, вырос. Я хочу пить. Налейте мне что-нибудь. Что-нибудь хорошее. То, что сами обычно пьете.

Через десяток минут он сидел на кухне за толстым коричневым столом и разглядывал большую деревянную кружку с мутной жидкостью внутри, от которой шел пар. Чай великан раньше никогда не пробовал, однако он показался ему удивительно пресным и восторга совсем не вызвал. Некоторое время он обводил кухню взглядом, рассматривал полки, стены, большую печь, различные ящики, в которых лежали ткани или посуда, а потом отчего-то замкнулся и уставился в стол.

Так и не допив, великан поднялся и подошел к Норе и Грегору, которые стояли в дверном проеме и беспокойно переглядывались.

— Скажи мне, Нора: Мия поправится? — спросил он.

— Должна. Но сейчас ей нужен отдых. Много отдыха.

— Сделай все, что можешь, чтобы ей стало лучше, — велел он. — Я знаю, что мне здесь не рады, и не собираюсь оставаться с вами все время, пока она поправляется. Я буду ждать в лесу.

Нора с Грегором переглянулись и явно почувствовали облегчение.

— Я буду следить за домом, — добавил великан. — Я не хочу причинять вам вред, но если к вам придет кто-то незнакомый... тогда я тоже приду.

— Никто не придет, — заверила Нора морщась. — Я оставлю свой платок у опушки, когда она будет в порядке. Повешу на дерево. Тогда ты заберешь ее. Но до тех пор не приходи.

— Хорошо, — согласился великан. Вздохнув, он пошел к входной двери. Нора подошла закрыть за ним, однако перед самым выходом он остановился и оглянулся. — Нора... — произнес он чуть слышно. И больше ничего. Вышел и возвратился в лес.

В течение нескольких дней Грегор и Нора, как и обещали, ухаживали за Мией. Когда она все же пришла в сознание, они напоили ее водой и накормили жидкой кашей на молоке.

Наевшись, она первым делом спросила:

— А где...

— Ждет, — ответила Нора, даже не дав ей договорить. — Как только ты сможешь ходить, он заберет тебя. Вы уйдете так далеко, как только можете. Хорошо?

— Как вас зовут?

— Нора.

— Вы виделись с ним?

— Виделась. И мне хватило.

Некоторое время она просто сидела рядом, потом вдруг спросила:

— Скажи... Когда вы встретились, он уже был таким?

— Каким — таким? Я не понимаю, о чем вы говорите, — соврала Мия. На все дальнейшие расспросы о великане она только пожимала плечами, и в эти моменты ей отчего-то становилось неловко.

Мии сразу стало ясно, что это та самая Нора, о которой великан столько рассказывал. Она всегда слушала истории о ней вполуха, но даже так понимала, как много она значила для великана раньше. А тут оказалось, что сама Нора совсем не хочет его видеть. Она ровно так и сказала. «Должно быть, это неприятно» — подумалось Мии, и ей вдруг стало ужасно жаль великана и несказанно противно оттого, как она с ним поступала. Тогда она испытала одно сильное чувство, о существовании которого уже давно забыла, — стыд. Когда Нора зашла в комнату и увидела, что Мия лежит вся раскрасневшаяся, она подумала, что у нее снова началась горячка. На вопрос о том, как она, Мия лишь пробормотала, что все нормально, после чего закрыла лицо одеялом и отвернулась к стене.

Через два дня великан заметил на дереве у опушки бордовый платок и возвратился к дому. Мия уже могла стоять на ногах, хоть и с трудом. Нора выпустила ее, коротко взглянула на великана и захлопнула дверь.

— Ты изменился, — сказала Мия, увидев великана, и улыбнулась.

Великан теперь был вовсе не великан — меньше, чем два с половиной метра ростом, он походил на обычного человека больше, чем на того, кем был раньше. Сама Мия до сих пор была бледной, несколько заторможенной и говорила тихо, словно из полудремы. Но помимо этого в ней было что-то еще, чего не было раньше. «Улыбка» — заметил про себя великан. Подобной улыбки за Мией он не помнил: она не была ехидной или насмешливой — она была искренняя и радостная. Глядя на нее, великан сам заулыбался.

— Это ведь была она, да? — спросила Мия. — Та Нора, о которой ты говорил?

— Да. Она.

— Она не хотела о тебе говорить, представляешь? Не думаю, что ты сможешь жить с ней рядом, Мальш.

Великан промолчал. Не для того, чтобы скрыть эмоции; просто он, как бы это ни было удивительно, ничего не чувствовал по этому поводу. Увидев, что Мия еле идет, он предложил ей забраться к нему на спину, и она это предложение приняла.

— Только не трясни меня, а то рана еще не зажила.

— Как не зажила? — поразился великан и бросил недобрый взгляд на дом Норы.

— Успокойся. Они сделали все, что могли. Эта Нора — умелая женщина, но все-таки не врач. Ну, ничего. Поправлюсь. А ты по-прежнему силен, а!

Великан снова промолчал и неспешно побрел вперед. Мия из-за его отстраненности вдруг почувствовала неловкость.

— Все нормально?

— Да, Мия. Я рад, что ты в порядке.

— Знаешь, я тоже рада, — хмыкнула она. — А когда ты... Ну, когда мы бросили карету... Тогда я думала, что лучше уж умереть. Только вот я... Я, кажется, видела конец. Это было... страшно. Ладно. Не обращай внимания. Мне просто нужно было выговориться хоть перед кем-то, помимо двух занудных стариков, которые к тому же меня боятся.

— Я слушаю, Мия.

— Что мы теперь будем делать? Мы не можем грабить людей, как раньше. Ты ведь теперь такой маленький...

— Я бы не хотел больше этим заниматься, Мия. Я немного устал.

— Понятно. Я, в общем-то, тоже. Наверное, стоит заканчивать.

Великан немало удивился ее словам. Она не стала спорить, не попыталась переубедить его. Напротив, она согласилась и даже не вспомнила про все те деньги, которые они оставили вместе с каретой в лесу.

— Как же карета? — спросил он, не веря своим ушам. — Ты все еще хочешь за ней вернуться?

— За каретой?.. — Мия вздохнула, и в этом вздохе великан услышал каплю сожаления. — Нет. Я только что избежала смерти, и... Там, конечно, было много денег. Очень много... Что, если охотники будут поджидать нас у кареты? Разве ты теперь сможешь от них отбиться? Да и не факт, что она все еще там. Нет, не стоит туда идти.

— Тогда что будем делать?

— Не знаю.

— Может, уйдем из Королевства, и ты найдешь себе новый дом? Как и собиралась.

— А ты? Ты ведь почти добился того, чего хотел. Можно сказать, ты обычный человек... просто переел каши в детстве.

— Ага, — сказал великан без особой радости. — Не знаю, что я.

— Ну, ты можешь поселиться рядом со мной. Будем гулять, говорить... Ладно, прогулки я особо не люблю. Но поговорить можно. Да уж, я тебе не эта Нора, но... — Она замолчала и заговорила лишь спустя минуту. — Слушай, я... В общем... Я бы не выжила, если бы не ты. Я хочу сказать... — Она запнулась на полуслове. — Я... Кхм... Да. Я бы не выжила.

— Теперь все хорошо, Мия, — сказал великан. — Ты жива. И мы, должно быть, совсем близко к границе. Так ведь?

— Не знаю. Я пока не поняла, где мы. Но вряд ли ты ушел слишком уж далеко. Слушай... А что стало с теми охотниками?

— Я плохо помню, — соврал великан. — Я кинулся на них и... Я плохо помню.

— Не переживай. Ты просто защищал меня, вот и все.

Этим своим словам она почему-то сильно удивилась. Растягивая их по слогам, она в голове снова повторила сказанное и посмотрела на своего спутника как-то по-новому.

— Ладно, — сказала она через пару минут. — Идем из Северного Королевства. Не знак куда, но идем.

Глава двенадцатая: Голова великана

Они шли прямо по тракту, ни от кого не скрываясь. К тому моменту они уже успели пройти мимо трех городов, и никто их не узнавал, хотя путников по дороге попадалось немало. Великану было так странно, что он может вот так просто идти по людным местам, и никто его не боится, никто от него не убегает. Конечно, он все еще был невероятно высок, и люди косились на него, но скорее с удивлением, нежели со страхом. Тем не менее на людей он смотрел мало — задерживал взгляд на их лицах на секунду или на две и перемещал его обратно к дороге. Иногда ему казалось, что на него смотрят недобро. Тогда он хмурился и напрягался, готовясь дать отпор, если будет нужно, — но то была всего лишь игра его собственных мрачных фантазий, и никто на них, конечно, не нападал.

Мия продолжала лежать у великана на спине. Она много спала и иногда протяжно стонала — рана все болела. Просыпаясь, она просила великана опустить ее на землю и разминала затекшие ноги, после чего запрыгивала обратно, и они продолжали путь. Когда мимо проезжали экипажи или проходили хорошо одетые люди, в Мии уже загорался былой пыл. Она и не думала о том, чтобы попытаться кого-то ограбить. Конечно, отчасти это было из-за того, что великан уже не в состоянии справиться с подобным делом, но не только из-за этого: в Мии появилось какое-то ощущение, которое она сама с трудом понимала — будто бы ей стало спокойнее.

Когда они проходили мимо небольшой деревушки, Мия заметила, как дети, что игрались у самой дороги, с удивлением показывали на великана пальцем и что-то восклицали.

— Тебя они не бесят? — спросила она великана.

— Что? — сначала не понял он, но, бросив взгляд на детей, осознал, о чем она говорит. — Нет, мне все равно.

— В любом случае еще немного, и ты будешь совсем обычного размера. Тогда никто уже не станет тыкать в тебя пальцем! Только вот я не знаю, что еще нужно сделать, чтобы ты стал еще меньше...

— Забудь, Мия, — сказал он.

— М? В смысле — «забудь»?

— Я уже не хочу ничего делать, чтобы становиться меньше. Кажется, я больше не хочу быть человеком.

— Что? — удивилась Мия. — Но это ведь твоя мечта!..

— Уже нет. Ты была права, когда говорила, что не так уж и хорошо быть человеком.

— Подожди... — смутилась Мия. — И ты только сейчас решил меня послушать? Когда так близок?..

— Я только сейчас до конца это понял.

Они замолчали и продолжили идти вперед. Однако Мии после этого разговора сделалось как-то не по себе. Неожиданно к ней вернулось чувство стыда, и она покраснела, сделавшись похожей на провинившегося ребенка.

— А ну-ка подожди, — сказала она через минут десять, когда они ушли от деревни и проходили мимо большого поля, усеянного яркими красно-желтыми цветами. — Остановись.

Великан остановился. Мия сползла на землю и встала прямо перед ним.

— Слушай, — вздохнула она. — Я хочу тебе кое в чем признаться. Когда мы встретились, и я пообещала сделать тебя человеком... Я соврала тогда. Я и не знала, что ты будешь уменьшаться. Просто использовала тебя, чтобы заработать денег, и... В общем, вот так.

Великан некоторое время просто смотрел на нее, потом сказал:

— Я уже догадался, Мия.

— Что? Но почему ты ничего не говорил мне?

— А о чем тут говорить? Обещание ты ведь все равно выполнила.

— Но я врала тебе столько времени! Тебя что, это не злит? Если ты все понял, то почему продолжал помогать мне?

— Ты не знала, как сделать меня человеком, но у тебя все равно получилось. Только я, Мия, перестал этого хотеть. И я не знаю, что мне вообще теперь хочется. Кроме того, чтобы у тебя все было в порядке. Если бы я не оставил карету... Но я не мог ее не оставить, Мия.

— Да забудь ты про карету! — раздраженно воскликнула она. — Ты, по-моему, до сих пор ничего не понимаешь. Слушай... Мы ведь не друзья. У друзей все по-другому: они поддерживают друг друга, а не используют. А я тебя использовала, потому что ты большой и сильный. А еще наивный. Тебя было легко надурить. Слышишь?

— Мия, я правда не понимаю... Ты все равно многому меня научила. Даже если того не хотела.

— Чему это я тебя научила? — фыркнула она. — Тому, что все люди — дерьмо?

— Тому, что в людях нет ничего такого, чтобы хотеть стать человеком.

— А твоя Нора? Если бы ты мог жить с ней рядом, ты бы хотел стать человеком?

— Она не моя, — поморщился великан. — Нет, уже не хотел бы.

— Почему? Она ведь самый добрый человек, которого ты видел, — ты сам об этом говорил!

— Может, и добрый. До поры до времени. Со всеми так.

— Это из-за меня ты так говоришь?

— Я и сам видел много людей. Просто раньше я думал меньше.

— Но ты же видел не всех! Может, большинству нельзя верить, а просто хороших людей, которые ни разу в жизни не помышляли ни о каком зле, и вовсе не существует... Но ведь все-таки есть такие, кому можно довериться. Я всю жизнь не могла никому поверить, и... Если ты стал таким, какая я, то почему остаешься со мной? Я что, добрая? Почему со мной ты возишься столько времени?

— Я не знаю. Потому что мне хочется помочь тебе.

— С чего тебе помогать мне? Разве я сделала для тебя что-то хорошее? Такое, чтобы я сама от этого ничего не получила. Вспомни хотя бы раз, ну!

Великан вздохнул и пожал плечами.

— Тогда почему?!

— Просто ты кажешься мне... беззащитной.

Мия рассмеялась, но тут же скривилась от боли.

— Это ты беззащитный! И я этой беззащитностью воспользовалась. Я ведь на твоих глазах убила человека, помнишь? Убила человека, Малыш! Да даже это имя, которое я тебе дала! «Малыш...» Это ведь просто издевательство! И тебя это устраивает?

— И чего ты хочешь? Чтобы я сказал, что ты нехорошая?

— Чтобы ты понял, что я говорила неправду! Чтобы понял, что я ошибалась насчет

людей!

— А ты думаешь, что ошибалась?

Она развела руками.

— Не знаю я! Я просто говорила, вот и все. Я была зла. И хотела, чтобы ты мне помог. Да я даже не верила в то, что говорила!

— Не верила?..

— Нет, конечно! Пойми ты наконец: я никогда и ни во что не верила. Ни в добро и зло, ни в то, что их нет, ни в бога, ни в то, что его нет, ни в хороших или плохих людей... Ни во что!

В тот момент Мия поняла, что выходит из себя, но поделать с этим уже ничего не могла.

— Да, я последняя мразь! — горячо сказала она. — И знаешь, что я испытываю по этому поводу? Ничего! Потому что я привыкла быть такой. Привыкла, что никому нельзя доверять; привыкла, что всем надо врать. Не умею я по-другому. А то, что ты поверил мне — твоя проблема!

Она тяжело задышала, поморщилась от боли и схватилась за живот.

— Мия, успокойся, — приблизился к ней великан. — Это никакая не проблема. Я не знаю, что ты там себе придумала, но...

Она выкрикнула что-то нечленораздельное, когда он подошел слишком близко, и отступила назад.

— Отойди, говорю! Я так больше не могу! Я хочу, чтобы мы разошлись.

— Почему? — не понимал великан.

— Ты что, тупой?! — закричала Мия. — Потому что... потому что ты — обуза! Из-за тебя я не могу сунуться ни в один город, за мной охотятся, я даже потеряла деньги...

— Ты врешь, Мия, — покачал он головой.

— Нет!.. — Тут ее голос надорвался, стал тише: — Нам надо разойтись. Надо!..

— Но ты ведь не поправились до конца, — сказал великан. — Куда ты пойдешь одна?

— Куда угодно. Туда! — указала она вправо. — А ты иди в другую сторону.

— Мия! — повысил тон великан, и Мия из-за этого внезапно испытала облегчение. — Что ты такое делаешь?! Я не понимаю! Почему мы должны разойтись?

— Потому что!

— Нет, ты мне ответь! — произнес он, взмахнув руками. — Почему?!

Неожиданно Мия отвернулась, опустила голову и стала говорить:

— Все, что я испытывала за свою жизнь, — это обида и злость. Я делала ужасные вещи, пыталась отомстить всему миру, потому что ненавидела все вокруг! И если бы я в один момент стала такой, каким был ты, клянусь, я бы уничтожила все Королевство!.. А теперь... Я теперь злюсь на саму себя, потому что я такая дура... — Тон ее голоса повысился, она стала говорить с придыханием, часто всхлипывая. — Я встретила единственного приличного человека и... Я превратила его в такого, какая я сама. Понимаешь?.. Я заслуживаю того, чтобы за мной охотились. Но не ты. Ведь это я во всем виновата! И я боюсь, что ты, если будешь и дальше ходить со мной, сделаешься еще хуже! А я не хочу, чтобы это случилось... Мне этого не надо... Поэтому я хочу, чтобы мы разошлись...

— Я понимаю. Да, понимаю, — сказал великан и вдруг добавил: — Но мне-то что делать? Что мне делать, Мия? Знаешь, у меня ведь больше ничего не осталось. Только привычка ходить за тобой. И теперь, когда ты призналась, что тебе не нужен большой и

страшный великан, который ходит за тобой по пятам и делает, что тебе нужно, ты хочешь, чтобы мы расстались?! И кому от этого будет лучше?! Тебе, потому что ты считаешь, что портишь меня, и от этого тебе неприятно?!

Мия развернулась, посмотрела на него покрасневшими глазами и выкрикнула:

— Да!

Где-то полминуты великан стоял и внимательно смотрел на Мию, ничего не говоря. Казалось, он ищет в ее глазах что-то, что подсказало бы ему, как поступить. Но найти он так ничего и не смог.

— Все-таки ты была права тогда. Ты говорила, что даже если мы что-то делаем для других, это все равно для себя. Ты была права. — Перед тем как продолжить, он замолчал на несколько секунд, и в это время было слышно лишь шум ветра и шелест высокой травы. — Ты правда хочешь разойтись, Мия?

Она закивала, жалобно глядя на него.

— Это первый раз, когда я говорю только правду. Прости меня... Прости, пожалуйста... Но так будет лучше. Я уверена, что так будет лучше... — Она сделала пару шагов в сторону, но все же обернулась, прежде чем уйти окончательно. — Ты не иди за мной, ладно? И... не скитайся по здешним лесам. Выбирайся отсюда.

Мия пошла вперед по дороге. Оттого, что она отвыкла ходить самостоятельно, ее походка выглядела неловкой и шаткой. При каждом шаге ей казалось, что стопа вот-вот подвернется, и она упадет. К тому же рана при каждом движении болела все сильнее. Однако постепенно боль притупилась, а ноги ее привыкли, и идти стало легче. Шла она, прилагая все усилия, чтобы не обернуться. Какое-то время ей чудилось, что сейчас на ее плечо упадет тяжелая рука, подхватит ее и положит на широкую спину. С какой-то стороны она даже этого хотела: надеялась, что великан ее не послушал и отправился за ней. Но нет, он все стоял позади. И Мия продолжила идти одна.

Великан наблюдал за тем, как Мия уходит. Он был в замешательстве: ему хотелось то ли догнать и переубедить ее, то ли никогда больше ее не видеть. Когда она ушла далеко и превратилась в маленькую, едва различимую точку, злость в нем исчезла, а вот чувство, что он окончательно покинут и одинок, осталось. И все-таки он не решился идти за ней. Он свернул на поляну, с нее в лес и стал бесцельно, но привычно петлять меж деревьев. Их кроны, до которых он раньше мог с легкостью дотянуться рукой, теперь высились над его головой. Листья на ветвях блестели, сквозь них просачивался розовый цвет закатного солнца. Этот свет напомнил великану цветы, которые росли в саду у дома Норы. Вдруг он увидел внизу, на одном из кустов, белые васильки. Тогда, в саду, он не смог как следует разглядеть их, теперь же они были не столь маленькими перед его взором, и он с интересом стал их рассматривать. Насмотревшись на васильки, он обратил внимание на другой цветок, что рос неподалеку — фиолетовый колокольчик. Его он тоже как следует рассмотрел. А когда перед ним возникла одна-единственная роза, великан не удержался и сорвал ее. В том месте, где только что рос цветок, тут же переполошились насекомые. Они либо разбежались, либо заползали под землю. Великан удивленно на них уставился — ведь раньше он их совсем не замечал. Осторожно, чтобы никого не раздавить, он протянул палец и положил его на землю. По пальцу тут же побежали муравьи, защекодав кожу. Потом великан снова взглянул на розу и слегка расстроился: она уже не была так свежа, как когда росла. Вздохнув с досадой, он положил зачахший цветок на то место, откуда тот рос ранее. Поднявшись, он вдруг увидел на дереве крест, отмеченный, по-видимому, чем-то острым. Он не сразу придал

этому значения и пошел дальше разглядывать цветы.

Так он ходил с десяток минут и увидел множество маленьких любопытных растений, которые не замечал раньше. Когда он остановился, чтобы разглядеть очередной цветок, он снова увидел на дереве вырезанный крест. А через некоторое время еще один. Тогда он нахмурился, дошел до того самого места, где видел первый, прошел дальше и заметил еще один. Следуя за отметинами, он вышел к тракту — к тому самому месту, где расстался с Мией. Может, он и не понял, что эти отметины оставлял следивший за ними охотник, но явно почувствовал, что ничего хорошего они не сулят. «Мия» — подумал он и вышел на тракт.

После того как великан скрылся, абсолютно целый и не получивший и царапины Перри оправился самым первым и стал поднимать раненых товарищей. Однако встать на ноги могли далеко не все: многие изрядно пострадали, некоторые явно стали калеками, пятеро погибли. Среди погибших был старый Ирвин, давно потерявший сноровку, Колин, неудачно приземлившись на шею, Фром, меч которого вонзился в его собственный живот при столкновении с деревом, Рори, череп которого не выдержал великаньего удара, и Ивар Клайд, неудачно оказавшийся в том месте, куда великан наступил. Среди остальных целыми остались лишь четверо — крепкий и невысокий охотник Борей, Стиф, Кенни Клайд и сам Перри.

— Ублюдок! Мерзкая тварь! — кричал Кенни Клайд, глядя на то, что осталось от его брата. — Я прикончу эту тварь!

Все, кто поднялся на ноги, держались от него в стороне, предпочтя дать ему возможность самостоятельно справиться с потерей. Казалось, он постепенно успокоился, однако, когда Кенни подошел к охотникам, он вдруг набросился на Перри, повалил его на землю и хотел избить, но его вовремя оттащили.

— Ты!.. — крикнул он Перри. — Ты стоял и ни черта не делал, пока Ивар жизнь отдавал!

— Прекрати, — строго сказал подошедший к нему Стиф. — Твой брат знал, на что шел. Мы все знали. И нечего кого-то обвинять в его смерти.

Охотники отпустили Кенни, и он, сплюнув на землю, произнес:

— Как скажешь, Стиф. Только в следующий раз подбирай в отряд тех, кто не любит в штаны мочиться.

Бросив злобный взгляд на Перри, Кенни снова отошел к телу брата. Стиф сказал поднявшемуся Перри:

— Не злись на него. Ему нелегко. Даю золотой, он бы предпочел поменяться с братом местами.

— Я не злюсь, Стиф, — покачал головой Перри: он-то знал, что у Кенни, да и у всего отряда, были веские причины срывать на него, ведь он не предупредил о том, что Мия лежит на дереве.

— Это хорошо. Ты ловко придумал бросать вещи в реку. Сможешь проследить за ними снова?

— Стиф, отойдем в сторону? — попросил Перри. — Нужно кое о чем поговорить.

Стиф кивнул, и они вместе отошли от охотников.

— Этот великан совсем не такой зверь, о котором ты говорил.

— Что? — удивился его словам Стиф. — Ты что, правда проспал тот момент, когда мы напали? Видел, что он сотворил?

— Он разозлился, что мы подстрелили его девку. Он умеет говорить, Стиф. Умеет думать! И не дал этой девчонке убить меня. А она ведь хотела.

— И что? Что с того? Может, он умнее зверья, ладно. Но такому существу нельзя здесь жить, понимаешь? Кто знает, когда он снова рассвирепеет? Он пятерых наших прикончил, Перри! Мы что, это так оставим? Нужно достать его! Или ты хочешь сказать, что бросаешь нас? Знаю, что ты по молодости понадумал себе принципов не убивать кого попало, но великан — явное исключение.

— Но я перестал быть охотником, потому что больше не мог убивать людей, Стиф. Преступники они или нет...

— Хорошо, Перри. Это говорит твоя совесть. А что она говорит о тех, кто отдал сегодня жизнь? О тех, кто больше не сможет заработать себе на хлеб? Посмотри на них, Перри! Ллойд вряд ли когда-нибудь снова сможет встать на ноги, у Рона, вероятно, сломана спина, а Кенни потерял брата. Как я уже говорил, они знали, на что шли, и меня это не сильно заботит. Но ты, раз такой совестный, подумай: что они будут делать, если не получат награду за великана? И еще: что твоя совесть говорит о твоей жене и ребенке, а? Подумай о них, Перри! А считать великана человеком... Люди не способны одним дуновением победить отряд охотников, Перри. Это просто неправильно.

Перри действительно чувствовал вину перед отрядом. К тому же слова Стифа не казались ему лишенными смысла — то, на что был способен великан, нормальным не являлось. К тому же упоминание Стифом жены и ребенка Перри возымели определенное действие.

— Ты прав, — вздохнул он, немного подумав. — Наверное, он слишком опасен.

— Вот! — обрадовался старик. — Вот я и услышал сына Кейна! А теперь ступай за великаном. Выследи его. И оставляй знаки на стволах через каждые сто метров. Мы догоним тебя, только похороним погибших и сходим в город за новым оружием. Я уже понял, что этим — он потряс мечом — его не завалишь. Нужно что-то посерьезнее. И в следующий раз не стой статуей, Перри. А то я подумаю, что Клайд был прав. Знаю, как воспитывал тебя отец, поэтому и доверяю. Все, хватит разговоров. Займись делом.

Перри кивнул. Забрав у одного из покалеченных товарищей крепкий прямой меч и кинжал, он в быстром темпе отправился по следам великана.

Постепенно Перри обнаружил, что следы исчезают. Это было невообразимо странно — мгновение, и они просто пропали. Двигаться дальше Перри пришлось почти наугад. Несколько дней он пробыл в лесу, пытаясь понять, как великану удалось скрыться. Вскоре ему повезло — он настиг великана, идущего по тракту. Его он, конечно, не узнал — да, то был настоящий богатырь, но не великан, которого Перри видел ранее — однако вместе с ним была та самая Мия. «Он бросил ее, — подумал Перри. — А этот мужчина, по-видимому, помог ей. Или я совсем перестал понимать, что происходит».

Довольно долго Перри следовал за ними по дороге, думая, что они приведут его к великану. В один момент они остановились, девчонка спрыгнула со спины мужчины и начала что-то говорить. После долгого разговора она развернулась и стала уходить. Мужчина при этом остался на том же месте.

Прячась за деревьями, Перри обошел мужчину и проследовал за девчонкой; она шла медленно, каждый шаг давался ей с трудом, и следить за ней не составляло труда. «Все-таки у Ирвина откуда-то появилось невероятное чутье перед смертью, что он так метко попал во тьму» — подумалось Перри. Однако с какого-то момента девчонка стала часто

оборачиваться и водить глазами по дороге сзади. Перри показалось, что она заподозрила слежку, и он стал идти еще более осторожно. Не забывал он и оставлять знаки. Все это время он не нападал по одной-единственной причине — он думал, что Мия идет к великану.

Когда солнце зашло, Мия свернула с дороги, прошла метров триста вглубь леса и стала собирать хворост.

«Дальше ждать смысла нет, — размышлял Перри. — Если бы великан был где-то рядом, он бы уже показался. Пора узнать у девчонки, где она его оставила».

Мия собрала достаточно веток, разложила их, пригнулась и стала разводить огонь. Перри вытащил меч и двинулся вперед. Он шел осторожно и внимательно смотрел, куда наступает, чтобы ни одна ветка не хрустнула под ногой. Когда он подобрался к Мии на расстояние достаточное, чтобы в одном быстром рывке вонзить лезвие ей в спину, он собирался окликнуть ее и застать врасплох, но вдруг услышал тихие всхлипы. Мия плакала. Перри на мгновение замешкался, и тут же сзади раздался крик: «Мия!»

Мия резко развернулась и увидела позади охотника. Вздвогнув, она спиной упала на собранные ветки. Перри сделал шаг вперед, чтобы схватить Мию, и вдруг отлетел на пару метров от сильного толчка в бок. Сгруппировавшись, он мягко приземлился, вскочил на ноги и посмотрел на того, кто ему помешал. Перед лежавшей на земле Мией стоял высокий мужчина.

— Уйди с дороги, — бросил ему Перри, не узнав в мужчине великана. — Ты защищаешь преступницу. Тебя мне трогать незачем.

Великан взревел и понесся на Перри, размахивая руками. Уклоняться от его неловких, неумелых ударов было довольно легко, и первое время Перри без труда уходил от всех атак. Несколько раз он видел, что может ранить или даже убить великана, но ни разу этим не воспользовался, желая закончить все без кровопролития. Однако из-за того, что Перри только уклонялся, довольно скоро он устал и замедлился.

В очередном размахе великан все же достал противника — ухватился за его плечо и повалил наземь, а сам уселся сверху. Перри, от удара о землю выпустивший меч, выставил руки вверх, стал давить великану на лицо и попал пальцем ему прямо в глаз. Великан взвыл от боли и на миг зажмурился. Воспользовавшись моментом, Перри выскользнул из-под него и попытался поднять выпущенный меч, однако не успел: почти не сдвинувшись с места, великан протянул длинную руку и подобрал его первым. Перри сделал шаг назад, достал кинжал, что болтался в небольших ножнах на голени, и встал в боевую стойку.

Великан выжидать не стал. Он пошел вперед, выбрасывая удар за ударом, из-за ослепившей его ярости даже не глядя на противника. Уйдя в сторону, Перри выбросил длинный удар и порезал великану плечо, но не рассчитал расстояния: великан развернулся, с удивительной скоростью схватил Перри за переднюю руку и сжал ее так сильно, что тот выронил кинжал. Перри закрылся свободной рукой, и в это мгновение в его сознании мелькнуло понимание, что спастись уже никак не получится. Великан занес меч для последнего удара, но вдруг замер, услышав крик.

— Стой! Не надо!

Мия, встав позади великана, держалась за его ногу, пытаясь остановить его. Великан бросил на нее взгляд и несколько раз моргнул.

— Не надо... — повторила Мия, качая головой. — Не убивай его... Пожалуйста... Ты ведь не такой...

Лицо великана постепенно лишилось прежней злобы. Его рука опустилась, будто

утратив силу, и меч упал на землю. Перри вырвался из его ослабевшей хватки, быстро поднял меч и отскочил назад. На несколько секунд все сосредоточилось в их взглядах: Перри растерянно глядел то на великана, то на Мию, Мия по-прежнему смотрела на великана, а великан — себе под ноги.

— Уходи, — устало произнес великан, подняв взгляд на Перри. — Хватит. Оставь нас в покое.

Но Перри стоял на своем:

— Мне нужно узнать, где великан, — сказал он. — Пусть девчонка скажет, где он, и я уйду.

Мия покачала головой, плотно поджав губы, и великан отодвинул ее себе за спину.

— Если ты продолжишь, я больше не буду сдерживаться, — продолжил Перри. — Знаю, что она выглядит как маленькая девочка, но она преступница! Незачем защищать ее. Лучше просто уйди!

— Я ее не оставлю, — покачал головой великан.

— Она мне и не нужна! Пусть скажет, где великан, и все. Будете тянуть слишком долго, дождетесь, пока сюда придут другие охотники! Они от легких денег точно не откажутся...

— Если ты узнаешь, где великан, то отпустишь ее? — спросил великан, и Мия бросила на него новый беспокойный взгляд.

— Да, — ответил Перри.

— Я — великан.

Перри поморщился.

— Ты тут вообще ни при чем.

— Поверь мне. Я — это великан.

— Непохож ты на великана, — возразил Перри. — Хватит болтать глупости. Просто уходи.

— Прошу, послушай его, — прошептала Мия, чтобы только великан услышал. — Он тебя не узнает... Уходи!

— Нет, Мия, — покачал головой великан. — Без меня он тебя не отпустит.

— Но как ты его остановишь? Не надо его убивать... Я не хочу, чтобы ты убил его... Это ведь не ты. Ты бы так не поступил...

Великан внимательно посмотрел на нее, повернулся к охотнику и сделал шаг вперед. Перри поудобнее перехватил меч.

— Я не хочу тебя покалечить, — сказал он. — Уйди с дороги!

— Не надо! — снова закричала Мия и попыталась встать перед великаном, но он оттолкнул ее в сторону и пошел вперед.

Перри не атаковал первым и только отступал, внимательно глядя на великана. Поняв, что охотник выжидает момента, великан рванул вперед, угрожающе подняв руки. Однако Перри не стал атаковать и сейчас, лишь отскочил в сторону. Тогда великан принялся размахивать руками, по-прежнему наступая. Одним из ударов он вскользь задел Перри, и тот потерял равновесие, перекатился, на мгновение потерял великана из виду. Подняв голову, он увидел, что великан навис над ним, собираясь нанести еще один удар. Инстинктивно Перри выставил перед собой меч и почувствовал, как клинок пронзает плоть. Через миг на рукоять меча и руки Перри брызнула горячая кровь.

Великан хрипел и всхлипывал. Клинок торчал у него в животе. Повернув голову, он бросил на Мию последний взгляд и повалился спиной на землю.

Мия ахнула, подбежала к великану и упала рядом с его телом. Из ее глаз полились слезы. Тихо шепча что-то неразборчивое, она стала дергать великана за одежду, затем опустила голову на его грудь и зарыдала во весь голос.

Перри встал позади Мии и с сожалением посмотрел на тело убитого им человека.

— Черт... Не хотел я этого, — произнес он. Где-то с минуту он слушал, как Мия плачет, после чего направил на нее окровавленный меч. — Хватит рыдать. Это все из-за тебя... Почему ты просто не сказала где он?! Теперь тебе придется сказать: где великан?

Мия приподняла голову, оглянулась на Перри и сквозь слезы произнесла:

— Здесь.

...Когда туда явились другие охотники — Стиф, Кенни Клайд и Борей, — они увидели перед собой девятиметрового гиганта, который распластался спиной на сырой земле. Изумленно поглядев на бездыханное тело великана с минуту, они подошли ближе и заметили, что у массивных плеч сидит Перри.

— Ты одолел его в одиночку? — спросил пораженный Стиф.

— Повезло, — тихо произнес Перри.

— Быть не может... — покачал головой Кенни Клайд.

— Но как?! — воскликнул Борей.

— Повезло, — повторил Перри.

— А девчонка?

— Не знаю, — сказал он. — Ее здесь не было.

Стиф стал ходить вокруг великана и разглядывать его тело со всех сторон. Потрогав острием меча крепкую великанью кожу, он понял, что, чтобы ее продырявить, потребуется недюжинная сила. Поэтому его еще сильнее поразила дыра в животе, из-за которой великан и умер. «Как Перри мог нанести такой удар? — удивлялся Стиф. — Больше похоже на рану от выстрела из баллисты». Тогда Стиф решил, что Перри действительно повезло — наверняка он нашел великана уже мертвым. Он спросил о том, что случилось, у самого Перри, но внятного ответа не дождался. Отчего-то Перри оцепенел и отвечал только односложно. Стиф решил, что ему, в общем-то, все равно как погиб великан. Главное, что теперь они могли забрать голову и разделить положенную часть награды на четверых, где-то по двадцать два процента на каждого. Это было целое состояние, и он уже прикидывал, что купит на него собственную землю где-нибудь на краю Королевства и станет заниматься тем, к чему у него всю жизнь лежала душа: начнет выращивать виноград и делать вино. Подобравшись к великаньей шее, он стал с большим усердием бить по ней мечом.

Прошло целых двадцать минут, прежде чем ему удалось хотя бы прорезать кожу.

— Эй, ты помочь не хочешь?! — обратился к сидевшему на прежнем месте Перри Кенни Клайд, который вместе с Бореем пытался прорубить шею с другой стороны.

Перри не ответил.

— Стиф, дело-то гиблое, — вздохнул уставший Борей. — Мы и за неделю не справимся.

Стиф вытер пот со лба, убрал меч в сторону и взглянул на великанью голову.

— Может, барону хватит и ушей? — предположил он. — Резать хрящ явно проще будет.

Борей согласно кивнул.

— Тогда займемся ушами. — Но перед тем как выполнить сказанное, он с улыбкой постучал мечом по великаньему плечу и произнес: — Только посмотрите на него. Он сейчас кажется еще больше, чем тогда, когда мы увидели его впервые, а? Наверное, мы такой твари больше в жизни не встретим! Оно и к лучшему, с другой стороны. Но раньше я никогда бы не

подумал, что буду так рад встрече с великаном.

Впрочем, он бы не был так весел, если бы знал, что в карете, на которую ни один из охотников не обратил внимания во время погони, находилось богатств в несколько раз больше, чем сулила награда за великана.

Стиф подошел к уху великана. Послышался режущий звук, а за ним громкий хруст. Перри, который продолжал сидеть в стороне, поднял взгляд. В этот момент великанье ухо упало на землю, и в разные стороны разлетелась кровь. Одна из красных капель попала Перри на щеку. Некоторое время он просто сидел, совсем не двигаясь, затем медленно протер щеку большим пальцем и снова опустил глаза.

Эпилог: Смех Мии

Уже несколько лет Мия жила в деревне на юге. Большинство дней она проводила в одиночестве, но пару раз в месяц заходила к соседям, если они звали попить чаю или готовили что-нибудь необычное. Чтобы не голодать, она иногда помогала местным жителям со сбором урожая в поле и огородах. Разговаривала она мало и, если кто-то начинал задавать ей вопросы, о себе рассказывала расплывчато, поэтому соседи считали ее странной и особо не трогали.

Рана, полученная от арбалетного выстрела, давно зажила, остался лишь шрам. Когда Мия перенапрягалась — несла что-то слишком тяжелое или излишне много ходила, — рана начинала побаливать, но в остальном никак Мию не беспокоила.

Не сказать, что на новом месте Мия стала чувствовать себя как дома, но она давно смирилась с мыслью, что такого ощущения, наверное, не существует, и ее все вполне устраивало. А когда ей становилось не по себе, она выбиралась в лес. Там она гуляла, собирала ягоды и грибы и старалась ни о чем не думать, хотя порой все же вспоминала прошлое.

В один день она сидела на низком стуле перед своим небольшим домом и вдруг услышала крики. Взглянув в сторону, она увидела, как группа где-то из десяти всадников носится от дома к дому. «Грабят деревню, похоже» — поняла Мия. Она не вскочила, не побежала прятаться в дом и запирается на замки, а осталась сидеть с удивительно будничным выражением на лице.

Настал миг, когда всадники добрались и до ее дома. Остановившись, человек во главе группы слез с лошади и подошел к Мии. Он вдруг без слов стал глядеть на нее с прищуром, а она — на него.

— Узнаете меня? — поинтересовался он через пару секунд улыбувшись.

— Да, — неохотно ответила Мия. — Ты тот парень со сладкими речами, который нас обворовал.

— Правда! — обрадовался Валентино. — Не думал, что встречу вас на юге, особенно после тех событий...

— Тебе чего надо?

— Увидел старую знакомую и решил поздороваться, только и всего. Неужели вам этот повод кажется слишком мелким? Упс... Прошу прощения. Я ничего такого не имел в виду... Да и вообще: мне кажется, или вы подросли немного?

Мия протяжно зевнула.

— Я слышал, как у вас с великаном все закончилось. Очень жаль, мне он показался добрым малым. Соболезную. — Не дождавшись ответных слов, он продолжил: — Понимаю, вы потеряли столь крупный козырь и остались не у дел. Ваш малыш, к сожалению, отдал часть себя бароновским шавкам и больше не в состоянии носить вашу карету...

— Прекрати, — раздраженно бросила Мия, которую его слова так задело.

— Ой! — Валентино состроил удивленную мину. — Простите. Я не удержался от глупой шутки и... Но я и не думал, что такая глупость вас тронет! Мне казалось, отношения между вами были исключительно деловыми... без ненужных привязанностей.

Мия подняла на него такой гневный взгляд, что Валентино показалось, будто она хочет

его убить. Но через секунду ее взгляд остыл и стал каким-то тоскливым. Валентино это удивило — ему ведь действительно казалось, что Мию подобным не пронять.

— Были, — произнесла Мия. — А теперь я понимаю что... — Она хотела сказать что-то эмоциональное и серьезное, но поняла, что любая брошенная фраза непременно выйдет банальной и ненужной, поэтому только добавила: — Я не собираюсь обсуждать это с тобой.

— Я вас отлично понимаю. Но скажите, сколько вы живете в таком угрюмом месте, лишенном какой-либо радости (а теперь еще и денег, между прочим)? Вам еще не надоело? Такой человек, как вы — остроумный, обладающий исключительно гибким мышлением, — нуждается в дороге, в препятствиях! А если вы и решите когда-нибудь уйти на покой, то место заслуживаете явно более... богатое. Я вас отлично понимаю, потому что сам такой же. Подобные нам на вес золота. К счастью, мы — он указал на людей, стоявших позади и ожидавших его — немало этого золота добывает, хотя работаем совсем не на руднике. Вы понимаете, куда я веду?

— Нет.

— Нет — не понимаете?

— Нет, я не стану на тебя работать.

— Отчего же сразу «на»? Давайте работать вместе!

— И так тоже — нет.

— Почему? Вас здесь что, все устраивает?

— Это удивительно, но мне тут правда неплохо, — хмыкнула она.

— Это ваше окончательно решение? — спросил Валентино посерьезнев.

— Да.

— Что ж... — Он вздохнул, стряхнул невидимую грязь с груди и покачал головой. — Насколько я помню, награда за вас не такая уж большая, и вести вас в Северное Королевство и того дороже обойдется. Но оставить я вас просто так не могу. Нам хотя бы придется обчистить ваше жилище. Пропустите нас или мы сами?

Во взгляде Мии вдруг появилось такое ехидство, что даже Валентино смутился, а затем она и вовсе рассмеялась.

— Что смешного, позвольте поинтересоваться? — спросил Валентино совсем не любезным тоном.

Отсмеявшись, Мия поднялась на крыльцо, открыла двери, сделала пригласительный жест и произнесла:

— Добро пожаловать.

Валентино кивнул своим людям, двое из них выступили вперед, и они втроем зашли в дом. Оказавшись внутри, Валентино сразу понял, почему Мия так смеялась: там и без них было совсем чисто.

Больше книг на сайте - Knigoed.net